

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

*Издается с 1997 года
Том 27, № 5*

Вологда • 2023

Издание посвящается
300-летию РАН

Решением Минобрнауки России журнал «Проблемы развития территории» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория (Экономические)
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (Экономические)
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (Экономические)
- 5.2.4. Финансы (Экономические)
- 5.4.1. Теория, методология и история социологии (Социологические)
- 5.4.2. Экономическая социология (Социологические)
- 5.4.3. Демография (Социологические)
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (Социологические)
- 5.4.5. Политическая социология (Социологические)
- 5.4.6. Социология культуры (Социологические)
- 5.4.7. Социология управления (Социологические)

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий широкий круг вопросов социально-экономического развития территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям научной общности и практикам работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения экономики территорий, принимать участие в обсуждении этих проблем. В числе основных тем – проблемы развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социально-экономическое развитие территорий, вопросы формирования доходов региональных бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, актуальные вопросы развития АПК.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ускова Т.В., д. э. н., проф. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аритон Д., доктор наук, проф. (Университет Данубиуса Галати, Румынское агентство по обеспечению качества в высшем образовании, Бухарест, Румыния)

Базуева Е.В., д. э. н., проф. (Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия)

Бахтизин А.Р., член-корреспондент РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Буккиарелли Э., доктор наук (Университет «Габриэле д'Аннунцио», Пескара, Италия)

Воронов В.В., д. с. н., проф. (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., д. э. н., доцент (ООО «Русинтехком», Вологда, Россия)

Дюран С., кандидат наук, доцент (Университет Париж 13 (Университет Париж-Север), Вильтанез, Франция)

Котилайнен Ю., доктор наук, проф. (Университет Восточной Финляндии, Йюэксуу, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь)

Латов Ю.В., д. с. н., доцент (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лыкова Л.Н., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Скуфьина Т.П., д. э. н., проф. (Кольский научный центр РАН, Апатиты, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Давыденко В.А., д. с. н., проф. (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия)

Доброхлеб В.Г., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия)

Жгулев Е.В., д. э. н., доцент (Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Жихаревич Б.С., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Каргаполова Е.В., д. с. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Ковач Т., к. э. н., доцент (Школа бизнеса Будапешта, Колледж международного менеджмента и бизнеса, Будапешт, Венгрия)

Когай Е.А., д. филос. н., проф. (Курский государственный университет, Курск, Россия)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Мазилев Е.А., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Малков Н.Г., к. т. н., доцент (Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологда, с. Молочное, Россия)

Попов Е.В., член-корреспондент РАН (Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

Сакал П., доктор философии, проф. (Словацкий технический университет, Трнава, Словакия)

Селин М.В., д. э. н., проф. (Законодательное Собрание Вологодской области, Вологда, Россия)

Суворов А.В., д. э. н., проф. (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Теребова С.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Цветков В.А., член-корреспондент РАН (Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия)

Шабунцова А.А., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Ускова Т.В.

К вопросу о государственной политике территориального развития 7

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Дядик В.В.

О теоретических основаниях реализации стратегических императивов развития Российской Арктики 10

Румянцев Н.М., Широкова Е.Ю., Суприкян Г.Н.

Здравоохранение как отраслевой драйвер экономического роста 27

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Медведева Е.И., Крошилин С.В.

Осознанное экологическое поведение молодежи в рамках устойчивого развития территорий 41

Леонидова Е.Г.

Тенденции потребления населением туристских услуг в регионах Северо-Западного федерального округа 59

Заколюкина Е.С.

Транспортная инфраструктура региона как фактор пространственного развития территории 79

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Ужегов А.О.

Диагностика условий технологического развития индустриальных регионов РФ: методические подходы 96

Бурдина Л.А., Буторина О.В.

Методика анализа взаимосвязи уровня развития ИКТ и экономики региона 115

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

Дорошенко С.В.

Индекс развития как индикатор адаптации:
связь с образом и условиями жизни населения 134

Нацун Л.Н.

Оценка потребности и возможностей семей
с детьми в улучшении жилищных условий 150

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Мониторинг экономики: июль 2023 года 168

Мониторинг социального самочувствия населения
Вологодской области в августе 2023 года 182

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Новые издания ФГБУН ВолНЦ РАН 191

Правила для авторов 194

Информация о подписке 195

CONTENTS

FROM THE EDITORIAL BOARD

Uskova T.V.

On the Issue of the State Policy of Territorial Development 7

STATE REGULATION OF TERRITORIAL DEVELOPMENT

Dyadik V.V.

On the Theoretical Foundations for Realizing Strategic Imperatives
of the Russian Arctic Development.....10

Rumyantsev N.M., Shirokova E.Yu., Suprikyan G.N.

Health Care as a Sectoral Driver of Economic Growth.....27

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES, BRANCHES, AND PRODUCTION COMPLEXES

Medvedeva E.I., Kroshilin S.V.

Youth's Conscious Environmental Behavior within
the Framework of Sustainable Territorial Development41

Leonidova E.G.

Trends in the Consumption of Tourist Services
in the Northwestern Federal District Regions.....59

Zakolyukina E.S.

Transport Infrastructure as a Factor
in the Territory's Spatial Development79

INNOVATION POTENTIAL OF TERRITORIAL DEVELOPMENT

Uzhegov A.O.

Diagnostics of Technological Development Conditions
of Russia's Industrialized Regions: Methodological Approaches.....96

Burdina L.A., Butorina O.V.

Methodology for Analyzing the Relationship Between
the ICT Development Level and Region's Economy115

LIFE QUALITY AND HUMAN POTENTIAL OF TERRITORIES

Doroshenko S.V.

Development Index as an Adaptation Indicator:

Relationship to the Lifestyle and Living Conditions 134

Natsun L.N.

Assessing the Needs and Opportunities of Families

with Children in Improving Housing Conditions 150

MONITORING OF CHANGES: MAIN TRENDS

Monitoring of the economy in July 2023 168

Monitoring of social well-being of the Vologda Oblast population in August 2023 182

CHRONICLES OF SCIENCE LIFE

New VoIRC RAS issues 191

Guidelines for the authors 194

Subscription information 195

ОТ РЕДАКЦИИ

DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.1

УДК 332.1 | ББК 65.050.22

© Ускова Т.В.

ТАМАРА ВИТАЛЬЕВНА УСКОВА

главный редактор
доктор экономических наук
профессор
ФГБУН ВолНЦ РАН
Вологда
Российская Федерация
ORCID: [0000-0001-9416-1136](https://orcid.org/0000-0001-9416-1136)
ResearcherID: [O-2232-2017](https://orcid.org/0-2232-2017)

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

В условиях кризиса и стагнации экономики роль государства в регулировании социально-экономических процессов повышается, что позволяет нивелировать провалы рынка и обеспечить устойчивость развития. Этот тезис в полной мере подтверждается ситуацией в российской экономике. На фоне турбулентности и введения западными странами беспрецедентных санкций в отношении России экономика в январе – июле 2023 года довольно успешно восстанавливалась: валовой внутренний продукт вырос на 2,1% по сравнению с 2022 годом. В сельском хозяйстве, обрабатывающей промышленности и строительстве докризисные уровни удалось превзойти. Продолжается рост инвестиций в основной капитал. Главным фактором такого развития стала активная согласованная политика государства на всех уровнях власти. Вместе с тем остается немало социально-экономических вопросов, требующих выверенных решений. В такой ситуации весьма актуальны рекомендации отечественных ученых. В данном номере журнала представлена подборка статей, авторы которых предлагают научно-методические подходы, направленные на повышение эффективности реализуемой политики территориального развития.

Для цитирования: Ускова Т.В. (2023). К вопросу о государственной политике территориального развития // Проблемы развития территории. Т. 27. № 5. С. 7–9. DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.1

For citation: Uskova T.V. (2023). On the issue of the state policy of territorial development. *Problems of Territory's Development*, 27 (5), 7–9. DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.1

В статье *В.В. Дядика* поднимается проблема обоснования региональной государственной политики в части определения стратегических императивов развития территорий. Автором выделены наиболее актуальные теоретические подходы для решения государственных задач социально-экономического развития регионов. Показано, что при выявлении стратегических приоритетов развития Российской Арктики могут быть использованы современные концепции эндогенного роста и кумулятивной причинности.

Н.М. Румянцев, Е.Ю. Широкова, Г.Н. Супрыкан посвятили исследование поиску драйверов роста региональной экономики. На основе методов межотраслевого моделирования авторы убедительно доказывают, что отраслевым драйвером экономического роста региона может быть здравоохранение. Финансовые ресурсы, направленные органами государственной власти на развитие отрасли в период пандемии COVID-19, позволили простимулировать не только здравоохранение, но и смежные с ним отрасли, что повлекло мультипликативные эффекты в экономике в целом.

Вопросы экологически ответственного поведения рассматриваются в статье *Е.И. Медведевой и С.В. Крошилина*. Отмечается особая роль просвещения и образования в рациональности поступков, ответственного и бережливого отношения молодежи к окружающей среде и природе. Подчеркивается, что для выявления региональных особенностей принципиально важное значение имеет углубленное изучение экологического поведения молодежи путем опросов в локальном разрезе.

О некоторых результатах реализации национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» в регионах Северо-Западного федерального округа рассказывается в статье *Е.Г. Леонидовой*. Анализ спроса на туристские услуги макрорегиона со стороны его жителей и граждан страны в целом показал значительную дифференциацию субъектов Федерации, входящих в состав округа, по уровню развития туризма.

Автором выявлены ограничения и ключевые риски потребления туристских услуг в субъектах округа, обоснованы направления развития отрасли, реализация которых будет способствовать росту востребованности туристских продуктов и повышению их конкурентоспособности.

Е.С. Заколюкина исследует транспортную инфраструктуру региона как один из факторов пространственного развития территории. Сформулированы ключевые особенности транспортной инфраструктуры, выявлено ее влияние не только на экономику, но и на социальную сферу, качество жизни населения. Отмечена необходимость качественной оценки транспортной инфраструктуры посредством разработки интегрального показателя, что позволит своевременно корректировать стратегические приоритеты пространственного развития региона.

Не теряют актуальности вопросы научно-технологического развития страны и ее территорий. Так, на методических подходах к диагностике условий технологического развития индустриальных регионов как факторе экономического роста и процветания общества акцентирует внимание читателей *А.О. Ужegov*. Его методика диагностики основана на балльно-рейтинговой оценке и экономико-статистическом анализе факторов, характеризующих условия технологического развития, прежде всего инфраструктурных и институциональных, которые оказывают существенное влияние на развитие традиционных и высокотехнологичных отраслей промышленности. *Л.А. Бурдина и О.В. Буторина*, подчеркивая важную роль развития информационно-коммуникационных технологий, предлагают методический инструментарий для анализа взаимосвязи уровней развития ИКТ и экономики региона.

Оценке влияния отдельных факторов образа и условий жизни населения на индекс человеческого развития российских регионов посвящена статья *С.В. Дорошенко*. Результаты исследования позволили автору убедительно доказать, что регионы с высоким ИЧР оказались более чувствительны к изменению условий жизни, а регионы с

меньшими значениями ИЧР – к изменению образа жизни. Эти выводы могут быть учтены при корректировке региональной социально-экономической политики.

Л.Н. Нацун, рассматривая обеспеченность жильем в качестве ключевого условия благополучия семей с детьми, реализации их репродуктивных планов, проводит оценку потребности и возможностей таких семей в улучшении жилищных условий. Автор отмечает, что, несмотря на помощь государства, низкий уровень дохода большинства домохозяйств с детьми становится непреодолимым препятствием для приобрете-

ния собственного жилья. Одним из способов решения этой весьма острой проблемы, по мнению исследователя, может стать развитие системы социальной аренды жилья.

Как обычно, завершают номер журнала мониторинги экономики и социального самочувствия, подготовленные *М.А Сидоровым*, а также *Е.Э. Леонидовой* и *И.Н. Дементьевой*.

Надеемся, что результаты представленных в журнале статей будут востребованы наукой, реализованы в практике государственного управления и позволят принимать оптимальные решения по развитию территорий.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тамара Витальевна Ускова – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tamara V. Uskova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Deputy director for science, head of department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.2

УДК 332.1 | ББК 65.04

© Дядик В.В.

О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИМПЕРАТИВОВ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ДЯДИК

Кольский научный центр Российской академии наук

Апатиты, Российская Федерация

e-mail: v.dyadik@ksc.ru

ORCID: 0000-0001-6004-9533

Принятые в течение последних лет стратегические документы пространственного развития определяют на ближайшее десятилетие главные императивы арктической политики России. Несмотря на логичность и своевременность этих государственных актов, обоснованность их научно-теоретического базиса является предметом острой научной дискуссии. В свете растущей значимости Арктики данное обстоятельство актуализирует проблематику научного обоснования государственной политики России в этом важнейшем макрорегионе. Цель исследования заключается в анализе продекларированных государством стратегических задач социально-экономического развития арктических регионов РФ с теоретических позиций современных концепций регионального роста и формировании выводов и практических рекомендаций о возможностях использования этого теоретического базиса при реализации государственной политики России в Арктике. Логика работы определила необходимость рассмотрения взаимосвязанной системы государственных императивов развития Арктики, утвержденных стратегическими документами пространственного развития, и теоретического поля современных концепций регионального роста. Основными результатами работы являются систематизация и обобщение социально-экономических задач развития Российской Арктики, исследование современного состояния теоретического поля концепций регионального роста и выделение наиболее актуальных теоретических подходов, определение возможного теоретического базиса для решения государственных задач социально-экономического развития Арктики. Полученные выводы создают теоретическую и методологическую платформу для анализа административных

Для цитирования: Дядик В.В. (2023). О теоретических основаниях реализации стратегических императивов развития Российской Арктики // Проблемы развития территории. Т. 27. № 5. С. 10–26. DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.2

For citation: Dyadik V.V. (2023). On the theoretical foundations for realizing strategic imperatives of the Russian Arctic development. *Problems of Territory's Development*, 27 (5), 10–26. DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.2

решений на основе теоретических подходов, объединенных концепциями эндогенного роста и кумулятивной причинности, и могут быть востребованы как учеными, так и управленцами-практиками, работающими над формированием и реализацией государственной политики развития Российской Арктики.

Социально-экономическое развитие Арктики, стратегия развития Арктики, государственная политика в Арктике, региональный рост, региональная конкуренция, пространственное развитие, экономическое пространство, региональная экономика.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена в рамках государственного задания Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук» в части проведения научно-исследовательской работы Института экономических проблем имени Г.П. Лузина по теме «Научные основы управления социальным развитием регионов Российской Арктики в условиях новых глобальных вызовов» (гос. рег. № 123012500053-2).

Введение

В последние десятилетия вопросы развития Арктики занимают все более значимое место в национальной социально-экономической и геополитической повестке. На фоне возрастающей в этом макрорегионе конкуренции мировых держав, международных политических альянсов и крупного бизнеса, а также совершенствования технологий, обеспечивающих возможность освоения ранее недоступных природных богатств и реализации логистических и коммуникационных проектов, нарастают предпосылки для комплексного развития российского сектора Арктики. Многомерность и сложность такой задачи требует серьезного научного обоснования соответствующих направлений государственной политики.

Главные императивы развития Российской Арктики отражены в Стратегии пространственного развития РФ до 2025 года (далее – СПР), Основах государственной политики РФ в Арктике на период до 2035 года (далее – ОГП) и Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года (далее – СР). При глубокой геополитической обоснованности, взаимной согласованности и общей внутренней логике этих документов их научно-теоретический базис вызывает вопросы. Наиболее острой является дискуссия вокруг СПР. О наличии в ней существенных внутренних противоречий, обусловленных недостаточной теоретической прора-

боткой предлагаемых практических решений, заявляют П.А. Минакир (Минакир, 2019), Е.М. Бухвальд (Бухвальд, 2019), Е.А. Коломак (Коломак, 2018), О.В. Кузнецова (Кузнецова, 2019). В отношении ОГП и СР критики меньше. Однако, учитывая подчиненное положение этих документов по отношению к СПР в иерархии стратегических государственных актов, регулирующих пространственное развитие, можно констатировать, что к ОГП и СР абсолютно правомерны аналогичные (и не только) вопросы по части научно-теоретической обоснованности. Это обстоятельство определяет высокую научную и практическую значимость работы по формированию теоретического базиса территориального развития Российской Арктики.

Цель исследования заключается в анализе государственных задач социально-экономического развития арктических регионов РФ с теоретических позиций современных концепций регионального роста и формировании выводов и практических рекомендаций о возможностях использования этого теоретического базиса при реализации государственной политики России в Арктике. Для достижения цели в ходе работы последовательно решены три задачи. Во-первых, систематизированы и обобщены социально-экономические задачи развития Российской Арктики, утвержденные стратегическими документами территориального развития. Во-вторых, исследовано современное состояние теоретического поля концепций

регионального роста, в качестве наиболее актуальных выделены теории внутреннего (эндогенного) роста, новой экономической географии, а также теория кумулятивной причинности. В-третьих, проанализирована возможность решения государственных задач развития Арктики на теоретическом базисе выбранных теорий.

Работа адресована широкому кругу исследователей социально-экономической проблематики арктических территорий, представителям государственных и муниципальных органов публичной власти, к компетенции которых отнесены вопросы стратегического развития регионов Арктической зоны РФ (АЗ РФ).

Постановка проблемы

Проблематика социально-экономического развития арктического макрорегиона является предметом многочисленных исследований отечественных экономистов. Совокупность исследовательских работ очерчивает круг наиболее актуальных проблем развития российской части Арктики. Так, по мнению В.Н. Лаженцева, «сквозными» для Севера и Арктики являются три группы проблем: проблемы Севера и внутреннего рынка России, модернизация северных хозяйств, основательная научно-техническая подготовка проектов предстоящего освоения Арктики (Лаженцев, 2018, с. 353). Н.В. Гальцева в качестве основной социально-экономической проблемы арктических и северных территорий определяет снижение уровня жизни населения (Гальцева, 2015, с. 18). Н.В. Рейхерт, классифицируя основные проблемы развития арктических территорий, выделяет две их группы: социодемографические и экономические. К первым автор относит снижение естественного прироста населения, миграционный отток населения, низкий уровень качества жизни населения, высокий уровень безработицы, более низкую, чем в среднем по России, продолжительность жизни, а также высокую долю населения за чертой бедности. К экономическим – низкий уровень инве-

стиций в основные фонды регионов, низкую конкурентоспособность субъектов бизнеса из-за высоких издержек, отсутствие роста промышленного производства, ориентированность экономики на добычу природных ресурсов, сокращение рабочих мест (Рейхерт, 2021, с. 136).

В нормативной плоскости восприятие наиболее актуальных «арктических» проблем находит отражение в корпусе стратегических документов, определяющих генеральные направления развития Российской Арктики. В собирательном смысле стратегию развития арктических территорий России формирует содержание целой совокупности нормативных документов разного уровня, включая федеральные акты, стратегии развития входящих в АЗ РФ регионов и отдельных муниципальных образований, планы развития крупных корпораций. Однако, безусловно, главное направление развития задают государственные документы стратегического планирования национального уровня: Стратегия пространственного развития РФ до 2025 года, Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2035 года и Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года. Вместе эти три документа определяют основные вызовы и угрозы, стоящие перед Россией в Арктике, фиксируют статус в отношении уже проделанной работы и формируют основные цели, задачи и механизмы развития. Документы подчинены общей логике, что позволяет говорить о формировании ими в совокупности целостной системы императивов развития Российской Арктики, схематическое представление которой приведено на *рис. 1*.

В практической плоскости ОГП и СР формируют блок задач развития Арктики, а также ключевых направлений и мер по их реализации (выделенный цветом участок схемы на *рис. 1*), который, по существу, должен выступать непосредственным руководством к действию «на местах». Несмотря на конкретность предлагаемых в ОГП и СР задач и мер социально-экономического и инфра-

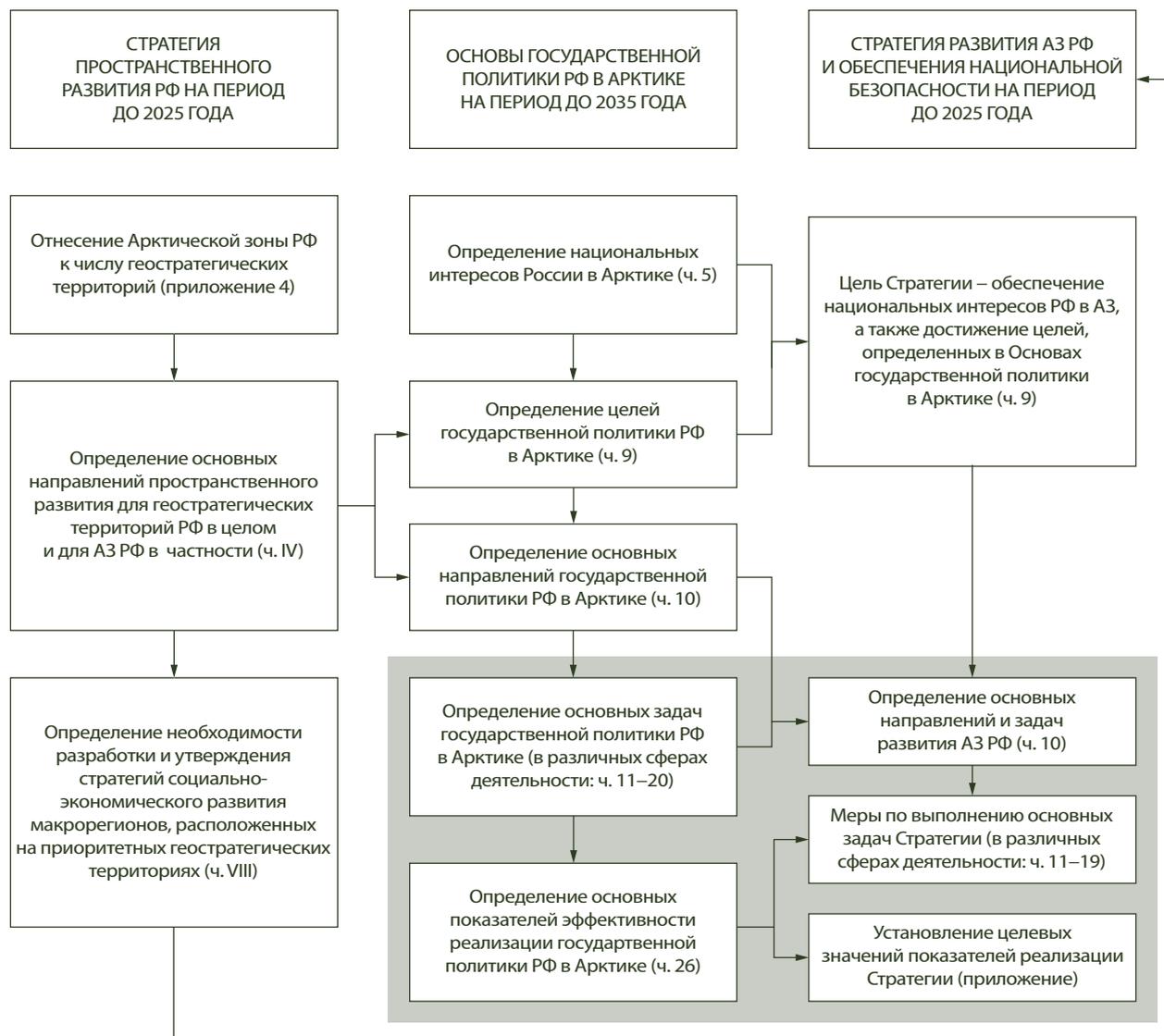

Рис. 1. Схема логической взаимосвязи основных императивов развития Арктической зоны РФ, предусмотренных стратегическими документами пространственного развития

Источник: составлено автором с помощью данных СПС «КонсультантПлюс».

структурного направлений, их комплексная реализация формирует ряд методологических вызовов перед основными участниками процесса, прежде всего перед органами государственной власти и местного самоуправления. Укрупненно главные проблемные вопросы можно формализовать следующим образом. Во-первых, обилие и многогранность поставленных задач в условиях ресурсных и временных (этапность реализации определена СР) ограничений актуализируют задачу приоритизации. Управленцы-практики неизбежно сталкиваются с необходимостью выбирать, на какие из поставленных задач и обозначенных мер тратить

административные усилия и материальные ресурсы в большей мере, а на какие в меньшей, каким образом балансировать ограниченные ресурсы для достижения максимального эффекта с позиции реализации стратегических императивов. Во-вторых, в проблемной плоскости лежит вопрос выбора конкретных инструментов социальной, экономической, бюджетной, экологической политики для выполнения поставленных задач. Очевидно, что административным институтам и иным стейкхолдерам, на плечи которых ложится ответственность реализации стратегических направлений развития АЗ РФ, необходима методологическая под-

держка в работе над решением социально-экономических и инфраструктурных задач и реализацией мер, утвержденных ОГП и СР, опирающаяся на соответствующий теоретический базис.

Методология исследования

Задача выбора базовой теоретической платформы и обоснования возможности ее применения для реализации государственных императивов социально-экономического развития Российской Арктики является эвристически и методологически сложной. Эта сложность обусловлена тем, что научная мысль, объясняющая феноменологию социально-экономического развития регионов (в эмпирическое поле которой укладывается большая часть из поставленных ОГП и СР задач), прошла серьезную эволюцию. Несмотря на общую тенденцию к росту объясняющей способности более новых теорий, отдельные этапы этой эволюции характеризовались появлением концепций, хорошо объясняющих некоторые аспекты или факторы регионального роста при существенно меньшем внимании к другим. Таким образом, на сегодняшний день нельзя однозначно выделить какой-либо один теоретический подход, комплексно объясняющий всю совокупность факторов и закономерностей социально-экономического развития региона. Применительно к задачам нашего исследования это означает, что в итоге в качестве теоретической базы для реализации поставленных ОГП и СР задач может быть предложена не одна универсальная теоретическая концепция, а определенная комбинация нескольких. Решение аналитической задачи такого уровня определяет выбор соответствующего масштаба изысканий – в качестве предмета исследования и источника информации приняты получившие признание в профессиональном сообществе отечественные и зарубежные обзорные работы, авторами которых уже проведена систематизация существующих теоретических взглядов.

С учетом перечисленных обстоятельств методология исследования построена сле-

дующим образом. На первом этапе будут осуществлены систематизация и обобщение задач, поставленных ОГП. Это действие необходимо для их последующего сопоставления с задачами, решаемыми в рамках основных теоретических конструкций, исследованию которых посвящен второй этап анализа. В качестве объекта исследования первого этапа приняты именно задачи, поскольку формулировки целей и основных направлений ОГП являются достаточно общими и не позволяют сформировать содержательную картину интенций разработчиков программных документов.

На втором этапе будет осуществлен анализ содержания десяти высоко цитируемых зарубежных и российских обзорных исследований последних двух десятилетий, посвященных систематизации теорий регионального роста и развития. В результате анализа будут консолидированы выводы авторов о современном состоянии и тенденциях развития интересующего нас теоретического поля, а также о практической значимости отдельных теоретических разработок для региональной политики.

На третьем этапе исследования задачи стратегического социально-экономического развития Арктики будут помещены в контекст основных положений наиболее актуальных теорий регионального роста для оценки возможности использования соответствующих теоретических положений в качестве элементов теоретического базиса государственной политики социально-экономического развития регионов АЗ РФ.

Систематизация и обобщение социально-экономических задач стратегического развития Российской Арктики

В области изучения теоретических основ региональной политики, обоснования ее целевых установок, направлений и мер в мировой и отечественной практике наработан существенный научный задел. Его комплексное исследование не входит в круг задач настоящей работы, но отдельные результаты изучения одного из его ракурсов

необходимы нам для выбора научно обоснованного подхода к систематизации задач стратегического развития Арктики. В интересующем нас теоретическом направлении ведущими отечественными учеными-регионалистами проделана значимая работа.

Так, П.А. Минакир в числе основных направлений региональной политики называет возможность ресурсных, институциональных и технико-технологических решений (Минакир, 2019, с. 970) и выделяет в «ресурсной» части два конкурирующих пути: развитие «пространства-матрицы» и развитие «пространства-вектора». Целью развития «пространства-матрицы» является сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения (Минакир, 2019, с. 969). Целью развития «пространства-вектора» выступает ускорение темпов экономического и технологического роста или обеспечение прорывного научно-технологического и социально-экономического развития страны в целом, когда речь идет о максимизации «пространственной ренты» (Минакир, 2019, с. 970) путем выделения и приоритетного развития отдельных, наиболее перспективных в экономическом смысле регионов. Н. Зубаревич в «ресурсном» блоке мер региональной политики в дополнение к предложенным П.А. Минакиром приоритетам распределения, ориентированным на выравнивание и стимулирование, добавляет еще один – геополитический, заключающийся в фокусировке региональной политики на сохранении целостности страны и усилении контроля над стратегически важными территориями (Зубаревич, 2017, с. 49). При этом формирование эффективных институтов является самостоятельным треком государственной политики в области пространственного развития (Зубаревич, 2017, с. 48).

Обобщение изложенных рассуждений позволяет сформировать систему координат, необходимую для систематизации и генерализации основных задач государственной политики РФ в Арктике. В ней можно выделить два блока.

1. Ресурсный. Сюда следует отнести совокупность задач, предполагающих использо-

вание бюджетных и иных материальных ресурсов, в том числе в форме недополучения части фискальных платежей. По обуславливающим мотивам задачи ресурсного блока можно разделить на:

а) выравнивающие, то есть направленные на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения;

б) стимулирующие, то есть направленные на усиление факторов, определяющих конкурентоспособность территории, а также способствующие реализации ее конкурентного потенциала;

в) геополитические, необходимые для обеспечения территориальной целостности и безопасности страны.

2. Институциональный. Сюда относятся задачи, ориентированные на создание, развитие и трансформацию совокупности социально-экономических институтов, позволяющих снижать объективные барьеры развития территорий и максимально использовать имеющиеся конкурентные преимущества (Зубаревич, 2017, с. 48).

Возможно, в соответствии с логикой, предложенной П.А. Минакиром, выделить также технико-технологический (инфраструктурный) блок, куда включить все задачи по созданию и модернизации на территории региона инфраструктурных объектов. Однако следует заметить, что «инфраструктурными» такие меры являются в функциональном их аспекте. По экономическому же содержанию их рационально отнести к ресурсным, поскольку такого рода мероприятия требуют бюджетных инвестиций. В свою очередь с позиции мотивов к их реализации они могут быть ориентированы и на выравнивание, и на стимулирование, и на достижение геополитических целей. Поэтому утвержденные в ОГП и СР задачи и меры инфраструктурного характера мы попытаемся классифицировать как ресурсные с мотивирующим основанием, определенным соответствующим контекстом.

Предложенный методологический подход позволяет следующим образом классифицировать и обобщить совокупность государственных задач развития Арктики (табл. 1).

Таблица 1. Классификация социально-экономических и инфраструктурных задач развития Арктики, утвержденных Основами государственной политики РФ в Арктике до 2035 года*

Задачи развития	Ресурсные			Институциональные
	выравнивающие	стимулирующие	геополитические	
Социальное развитие	11«а», 11«б»	11«а», 11«б», 11«в», 11«г», 11«д», 11«е»	11«в»	11«ж»
Экономическое развитие	-	12«а», 12«б», 12«в», 12«д», 12«е», 12«ж», 12«м»	-	12«б», 12«г», 12«з», 12«и», 12«к», 12«л»
Инфраструктурное развитие	-	13«а», 13«г», 13«д», 13«е», 13«ж», 13«з», 13«к», 13«л»	13«а», 13«б», 13«в», 13«и», 13«к»	-

* В ячейках таблицы перечислены части документа, утверждающие задачи, соответствующие каждому из блоков классификации. В связи с тем что содержание отдельных задач обнаруживает целесообразность их отнесения более чем к одному разделу классификации, соответствующие нормы помещены в сразу в несколько ячеек.
Источник: данные СПС «КонсультантПлюс», расчеты автора.

Рис. 2. Распределение социально-экономических и инфраструктурных задач развития Арктики между разделами классификации

Источник: данные СПС «КонсультантПлюс», расчеты автора.

Количественная интерпретация данных табл. 1 представлена в диаграмме на рис. 2.

Данные диаграммы визуализируют основные подходы федеральных властей к формированию региональной социально-экономической политики, ориентированной на реализацию государственных императивов развития Арктики. Кратко ее основные параметры можно охарактеризовать следующим образом. Во-первых, с точки зрения применения распределительных ресурсных механизмов безусловный приоритет отдается стимулированию социально-экономического и инфраструктурного развития арктических регионов. О выравнивании условий жизни и хозяйствования в Арктике с «материковой» частью страны речь практически не идет. Приоритет номер два в ресурсном блоке – развитие инфраструктуры для реше-

ния геополитических задач. Во-вторых, значимое внимание уделяется развитию экономических институтов, в первую очередь призванных повысить активность участия в экономической деятельности частного бизнеса и местных экономических агентов, в том числе из числа коренного населения Арктики.

Современное состояние теоретического базиса регионального роста

Задачей этого раздела работы является получение общего видения теоретического поля, объясняющего вопросы регионально-экономического роста и развития, а также выделение блока идей, отражающих наиболее актуальные научные разработки и обладающих, по консолидированному мнению

профессионального сообщества, наибольшим реализмом и объясняющей силой для последующего рассмотрения в этом теоретическом контексте основных государственных императивов развития Российской Арктики. Для ее решения в соответствии с выбранной методологией исследования будет проведен анализ содержания десяти (пяти отечественных и пяти зарубежных) высокоцитируемых обзорных работ, посвященных систематизации соответствующего теоретического базиса. Основные задачи,

которые необходимо решить в рамках анализа, включают определение современных тенденций в развитии теоретического поля регионального экономического роста и презентацию выводов авторов о практической значимости отдельных теоретических разработок для региональной политики. Результаты анализа представлены в *табл. 2*. В случае если исследуемые источники не содержат информации по интересующим нас вопросам, в соответствующих ячейках таблицы проставлены прочерки.

Таблица 2. Обзорные исследования в области систематизации теоретических взглядов на природу регионального развития и роста

№ п/п	Источник	Количество теоретических концепций, исследуемых в работе	Современные тенденции в развитии теоретического поля, выявленные в работе	Выводы авторов о практической значимости теоретических разработок для региональной политики	Количество цитирований*
1	(Dawkins, 2003)	15	Появление большого количества взаимных заимствований между современными теориями; предпосылки к сближению и интеграции различных теоретических концепций	Главная практическая плоскость применения исследуемых теоретических разработок – обоснование решений о стимулировании или выравнивании развития территорий. Наиболее актуальные теоретические основания для этих решений предоставляют теории внутреннего (эндогенного) роста и новой экономической географии П. Кругмана	547
2	(Szajnowska-Wysocka, 2009)	16	Рост значимости теорий эндогенного роста, важность социального развития, роста человеческого капитала, роли местных сообществ и их деятельности в региональном развитии	Региональная политика должна разрабатываться с учетом принципов эндогенного роста	92
3	(Capello, 2011)	13	Конвергенция между различными теоретическими подходами; повышение значения эндогенных факторов роста и обоснование для их комплексной характеристики категории региональной конкурентоспособности; применение моделей несовершенной конкуренции и возрастающего эффекта масштаба; рост потребности в разработке моделей, сочетающих эндогенные и экзогенные факторы регионального роста, а также междисциплинарный подход	–	234
4	Antonescu D.D. (2014). Theoretical approaches of regional development. Institute of National Economy, Romanian Academy. URL: https://core.ac.uk/download/pdf/211614914.pdf	9	Объединение достижений преобладающих теорий и появление предпосылок к созданию одной общей теории; сближение предметов различных теорий регионального развития и роста; усиление привязки теорий и моделей регионального развития к задачам реальной региональной политики; рост значения эндогенных факторов развития территории	Выявлено семь основных теоретических концепций, которые играют важную практическую роль в разработке региональной политики и стратегий: неоклассическая теория экономического роста; теория внутреннего (эндогенного) роста; теория социального капитала; новая экономическая география П. Кругмана; эволюционистская экономическая география; конкурентные модели, основанные на теории экспортной базы; концепция высокотехнологических кластеров	27

5	(Bogdański, 2012)	6	Рост значения эндогенных факторов развития территории; формирование целостного подхода, который рассматривает региональное развитие в широком контексте экономических, культурных и технологических детерминант	Происходит переоценка целей и инструментов региональной политики. Главным приоритетом становится выравнивание эндогенного потенциала регионов. В этом контексте наибольшую практическую значимость приобретают теории промышленных районов (индустриальных округов), территориальных систем производства, кластеров и новой экономической географии	15
6	(Гаджиев, 2009)	23	–	–	116
7	(Смирнов, 2010)	16	–	–	11
8	(Нестерова, Черкасов, 2015)	17, в том числе 6 концепций отечественных авторов	Тенденция к нарастанию комплементарности позиций современных теорий пространственного развития; подходы современных российских исследователей, разрабатывающих теоретическую базу пространственного развития, обнаруживают тенденцию к усилению междисциплинарности	Большое значение для формирования имеют институциональные теоретические установки. Существенная роль в принятии управленческих решений по вопросам регионального развития должна принадлежать местному сообществу Недостаточно значимая роль местного сообщества в принятии управленческих решений в российских регионах накладывает ограничения на использование региональными органами власти современных разработок в области теорий пространственного развития	11
9	(Соколов, 2016)	6	–	Применение тех или иных теоретических оснований для формирования и реализации региональной политики обусловлено контекстом национальной экономической системы и спецификой протекающих на определенной территории социально-экономических процессов	55
10	(Наумов и др., 2020)	16	На современном этапе развития теории пространственной экономики (регионального роста и развития) не исключают, а взаимно дополняют друг друга	В настоящее время в российской практике значимую роль при формировании программ и стратегий пространственного развития территорий играют кумулятивные теории в целом и концепция полюсов роста в частности	15
* Российские источники – Elalibrary, зарубежные – Google Scholar. Выбор Google Scholar в качестве ресурса для поиска иностранных источников обусловлен отключением российских исследовательских организаций от реферативных баз данных рецензируемой научной литературы Scopus и WoS.					

Анализ содержания обзорных работ показывает, что большинство исследователей рассматривают практически одинаковый корпус базовых теоретических идей. В общих чертах к этому обязательному теоретическому набору можно отнести теории размещения (location theory), центральных мест (central place theory), экспортной базы (export base theory), неоклассическую теорию экзогенного роста (neoclassical exogenous growth theory), теорию кумулятивных причин (cumulative causation theory), концепцию полюсов роста (growth pole theory), совокупность структуралистских и институциональных теорий регионального роста, а также базирующиеся на неоклассических теоретических предпосылках концепции эндогенного роста (endogenous growth theory) и новую экономическую географию (the new economic geography).

В дополнение отечественные авторы включают в рассмотрение также отдельные разработки советских и российских регионалистов: концепцию территориально-промышленных комплексов, предложенные А.Г. Гранбергом парадигмы развития региона («регион-квазигосударство», «регион-квази-корпорация», «регион-рынок», «регион-социум») и др., что представляется абсолютно обоснованным ввиду необходимости учета отечественной специфики территориального развития.

Наиболее часто упоминаемыми в работах и, следовательно, наиболее оцененными на сегодняшний день профессиональным исследовательским сообществом с позиции актуальности и адекватности практическим задачам региональной политики являются три теоретические концепции: базирующиеся на неоклассических позициях теории

внутреннего (эндогенного) роста и новой экономической географии, а также теория кумулятивных причин (кумулятивной причинности)¹.

В качестве отмеченных авторами основных тенденций выделим поступательную конвергенцию теоретических взглядов на природу регионального роста, существенное усиление внимания к эндогенным факторам регионального развития (в том числе институционального характера), формирование предпосылок к появлению практически ориентированного целостного междисциплинарного подхода, который рассматривает региональное развитие в широком контексте экономических, культурных и технологических детерминант.

Государственные императивы социально-экономического развития Арктики в свете актуальных концепций регионального роста

Результаты систематизации социально значимых задач развития АЗ РФ и картина актуального состояния теоретического поля, объясняющего феноменологию регионального роста, позволяют перейти к решению главной задачи исследования – определению возможной теоретической платформы реализации государственных императивов России в арктическом макрорегионе. Для ее решения необходимо проанализировать базовые теоретические установки каждой из концепций, определенных как наиболее актуальные для современной региональной политики, через призму системы государственных задач развития арктических субъектов. Важным элементом такого анализа должна стать оценка соответствия современных социально-экономических реалий в регионах Российской Арктики базовым условиям работы каждой из анализируемых теоретических моделей.

Методологическую основу для выделения базовой части интересующих нас тео-

рий и их контекстуализации в соответствии с задачами работы предоставляет логика анализа научных программ, предложенная И. Лакатосом (Лакатос, 2008, с. 359). В соответствии с ней любая теоретическая концепция формируется из «твердого ядра» и вспомогательных гипотез, образующих «защитный пояс» теории. Положения «твердого ядра» постулируют главные тезисы теории в отношении совокупности объясняемых ею явлений и практически не меняются со временем, в то время как тезисы «защитного пояса» динамичны и отвечают за адаптационные свойства теории в изменяющемся эмпирическом окружении.

Как показал анализ утвержденных ОГП задач (см. рис. 2), приоритетами государственной региональной политики России в Арктике являются активное стимулирование социального, экономического и инфраструктурного развития арктических регионов за счет государственных ресурсов, инфраструктурные проекты, обусловленные геополитическими резонами, и решение задач институционального развития общества и экономики. Для тестирования этого набора задач на комплементарность теориям новой экономической географии (I), внутреннего (эндогенного) роста (II) и кумулятивных причин (кумулятивной причинности) (III) необходимо кратко сформулировать главные тезисы «твердого ядра» каждой из них.

I. Главная идея, формирующая ядро блока теорий новой экономической географии (НЭГ), заключается в объяснении межрегионального перемещения факторов производства возрастающей экономией от масштаба. Существенным условием работы моделей НЭГ выступает однородность пространства. Агломерационный процесс в НЭГ моделируется в условиях монополистической конкуренции, наличия торговых издержек и эндогенности размещения производителей и потребителей (Изотов, 2013, с. 123).

¹ Необходимо отметить, что перечисленные в табл. 3 обзорные исследования не содержат выводов о бесперспективности или неактуальности остальных теоретических подходов, что не исключает возможности их применения для обоснования отдельных управленческих решений в сфере региональной политики. Вместе с тем общий контекст изученных обзорных работ позволяет говорить о лидирующей на сегодня роли теории внутреннего (эндогенного) роста, новой экономической географии и теории кумулятивных причин в объяснении феноменологии регионального роста и развития.

«Примерка» исходных условий работы теоретического аппарата НЭГ к социально-экономическим реалиям Российской Арктики не формирует оптимистических ожиданий по поводу возможности практического применения этой концепции при разработке и реализации региональной политики. Причиной тому, прежде всего, служат два обстоятельства: эндогенность спроса и однородность пространства.

Большинство крупных производственных предприятий АЗ РФ, включенных в вертикально интегрированные финансово-промышленные группы, с технологической точки зрения производит продукцию первых переделов в сложных технологических цепочках. Последующие переделы (или звенья соответствующих технологических цепочек) располагаются за пределами АЗ РФ, а рынки широкой номенклатуры готовой продукции, производимой из добываемого в Арктике сырья, являются национальными и даже глобальными. При таких обстоятельствах условие существенности внутреннего спроса (как в отношении отдельных арктических регионов, так и АЗ РФ в целом) не представляется выполнимым.

Вторая значимая исходная предпосылка – соблюдение требования однородности пространства – в арктических регионах России также не выполняется. Не требует специального доказательства утверждение, что отдельные субъекты Федерации, входящие в состав АЗ РФ, существенно различаются как между собой, так и в отношении других регионов страны по широкому ряду социально-экономических параметров.

Перечисленные обстоятельства позволяют предположить, что базовые идеи НЭГ как теоретической платформы плохо применимы для конструирования региональной политики в условиях Севера в принципе, даже вне контекста утвержденных ОГП задач развития Арктики.

II. Отдавая должное многообразию направлений внутри концепции эндогенного роста (В.М. Матюшок и С.А. Балашова, например, определяют семь групп теорий внутри этого концептуального направле-

ния (Матюшок, Балашова, 2010, с. 7)), можно констатировать, что ее ядро формируют несколько основных теоретических установок. Главная идея состоит в том, что в условиях непрерывного научно-технического прогресса предельная производительность капитала не убывает, вследствие чего экономика может расти без ограничений. При этом важнейшими факторами эндогенного развития региона являются человеческий капитал, социальный капитал и инновации (Cvetanovic, 2015, с. 13). Рост инноваций, накопление знаний и человеческого капитала приводят к повышению производительности, положительно влияя на экономические перспективы.

Теоретики эндогенного роста подчеркивают существование многочисленных «ошибок рынка». Это означает, что рыночные стимулы не могут обеспечить оптимальное распределение ресурсов при создании новых идей и инноваций. Технологическое развитие – это не случайное явление, регулируемое операциями свободного рынка. В значительной степени экономический рост стран и регионов – результат продуманной политики развития и реализации социального потенциала страны, а также способности ее регионов организовать свои институты, стимулирующие создание и распространение технологических изменений и рост экономики (Cvetanovic, 2015, с. 12).

Теория эндогенного роста служит концептуальной основой для объяснения долгосрочного экономического развития стран и регионов. Ее ключевой предпосылкой является утверждение о том, что рост, в первую очередь, генерируется внутри системы за счет инвестиций в человеческий капитал, инновации и знания, а не за счет внешних источников или факторов, что отличает его от других теорий экономического роста. По сути, цель теории эндогенного роста состоит в том, чтобы выделить важные внутренние процессы, особенно связанные с созданием знаний и инновациями, и определить среди них те, которые стимулируют экономическое развитие и рост территории с течением времени.

На практике теория эндогенного роста используется бизнесом, политиками и исследователями для теоретического обоснования стратегий и политики развития. Наиболее известными и успешными примерами применения стратегий, основанных на концепции эндогенного роста, являются следующие².

1. История создания и развития Кремниевой долины в США. Концентрация в этом регионе таких компаний, как Apple, Google и Facebook, создала постоянный цикл инноваций и роста производительности. По мере роста указанные компании вкладывали значительные средства в исследования и разработки, человеческий капитал и новые технологии, которые стимулировали дальнейший рост.

2. Экономический рост Китая. Быстрый экономический рост Китая во многом обусловлен его ориентацией на наращивание внутреннего потенциала, значительные инвестиции в образование, развитие технологий, инфраструктуры и человеческого капитала. Залогом успеха стало приоритетное внимание властей эндогенным факторам для стимулирования устойчивого долгосрочного экономического роста.

3. Автомобильная промышленность Германии. Германия на протяжении десятилетий является мировым лидером в автомобильной промышленности с такими брендами, как Mercedes-Benz, BMW и Audi. Постоянные инвестиции отрасли в развитие навыков, модернизацию технологий и инновации выступают ярким примером теории эндогенного роста. Акцент на хорошо образованную и высококвалифицированную рабочую силу в сочетании с акцентом на технологический прогресс помог создать сильную положительную обратную связь, которая привела к дальнейшему росту и инновациям.

Перечисленные примеры успеха стратегического управления региональным развитием на теоретической базе концепции эндогенного роста создают ряд принципиальных позиций для формирования реги-

ональной политики. Логика эндогенного роста означает целесообразность работы по стимулированию конкурентных преимуществ региона в социально-экономической и инновационной сфере, ориентированных на реализацию человеческого и социального капитала его резидентами, а также усилий по развитию институциональной среды. Основными направлениями такой работы с позиции органов публичной власти могут выступать:

- стимулирование и субсидирование предприятий частного сектора, мотивирующее к инвестициям в исследования и разработки для обеспечения высокого уровня инновационности производства;

- инвестиции в человеческий капитал через программы образования или профессиональной подготовки;

- стимулирование инвестиций в совершенствование инфраструктуры и производственных процессов в целях внедрения инноваций в производство;

- работа над развитием институтов защиты и коммерциализации интеллектуальной собственности для стимулирования инновационной активности.

Сопоставление предлагаемых направлений региональной политики, теоретически обоснованных с позиций концепции эндогенного роста, позволяет сделать вывод об их хорошей корреляции с государственными задачами развития АЗ РФ, утвержденными ОГП. Это обстоятельство является свидетельством возможности применять теоретический аппарат концепции эндогенного роста при разработке и реализации государственной политики развития Арктики.

Ключевой идеей теоретического ядра концепции кумулятивной причинности является утверждение о дивергентной природе регионального экономического развития. Развитые регионы развиваются более высокими темпами на фоне стагнации депрессивных, то есть тенденции экономического роста (стагнации) самоусиливаются (Элибиев, 2017, с. 633). Как правило, это происходит в результате кумулятивного эффек-

² Endogenous Growth Theory. URL: <https://due.com/terms/endogenous-growth-theory> (accessed 06.08.2023).

та, когда на территории региона складываются благоприятные условия для развития какой-либо отрасли или сектора экономики и вслед за ростом этого сектора или отрасли импульс к быстрому развитию получают смежные отрасли и секторы. Результатом проявления кумулятивного эффекта становится формирование естественным образом на таких территориях точек роста. Конкурентные преимущества на индустриальном этапе развития имеют регионы, обладающие богатыми природными запасами. Затем возможны два сценария. Либо базовые отрасли добычи и переработки полезных ископаемых становятся точками роста и вокруг них начинает создаваться новая индустрия, обеспечивающая кумулятивный рост, либо функционал ресурсного региона редуцируется до задач снабжения последующих технологических переделов сырьем, а капитал и трудовые ресурсы начинают мигрировать в «регионы спроса» с передовыми технологиями, эффективными административными и социально-экономическими институтами. В результате «регионы снабжения» постепенно погружаются в состояние экономической отсталости, в то время как «регионы спроса» постепенно улучшают свое экономическое положение. Эти процессы со временем увеличивают региональные диспропорции.

Интерпретация моделей кумулятивной причинности с позиции органов власти может означать работу в направлении выявления потенциальных точек роста и создания условий для развития взаимосвязанных проектов и секторов экономики. Такая деятельность может быть направлена и на адресную поддержку определенных отраслей и конкретных проектов, и на формирование благоприятной для развития общества и бизнеса институциональной среды. На фоне секторального экономического роста работа регулятора должна быть ориентирована на обеспечение конкурентоспособности региона.

Государственные задачи развития Арктики, утвержденные ОПП, можно рассматривать как комплементарные основным

теоретическим установкам концепции кумулятивной причинности. Ключевые выделенные нами векторы государственной политики – стимулирование социальной и экономической сфер, развитие инфраструктуры и институциональные преобразования – укладываются в логику рассматриваемой концепции. Важно отметить, что ресурсная экономика регионов АЗ РФ дает им возможность получить рассматриваемое базовыми моделями кумулятивной причинности стартовое преимущество для образования потенциальных точек роста. В первую очередь это касается территорий, реализующих новые проекты освоения природных запасов, когда на старте проекта существует возможность концентрации в регионе нескольких технологических переделов и обслуживающих их сервисов и производств.

Заключение

Проведенное исследование позволило систематизировать декларируемые государством задачи стратегического развития Российской Арктики и оценить их комплементарность актуальным теоретическим концепциям регионального роста.

Работа обладает новизной как с точки зрения постановки целей и задач, так и с точки зрения примененной методологии. В частности, новой для отечественной исследовательской практики является попытка проанализировать содержание государственных императивов стратегического развития арктического макрорегиона в теоретическом контексте наиболее современных концепций регионального роста и предложить, основываясь на результатах такого анализа, наиболее эффективные для решения соответствующих задач направления государственной региональной политики.

Вклад исследования в развитие проблемного поля социально-экономического развития Арктической зоны РФ обусловлен важным практическим результатом работы, заключающимся в создании возможности для анализа уже принятых и обоснования проектируемых административных решений на основе теоретических подходов,

объединенных концепциями внутреннего (эндогенного) роста и кумулятивной причинности.

Безусловно, практическое применение перечисленных теоретических моделей возможно только с учетом ряда оговорок, в общем виде сформулированных П.А. Минакиром (Минакир, 2018, с. 12). Кроме того, существуют обоснованные опасения по поводу применимости доминирующей в получивших наибольшее признание теоретических подходах англо-саксонской концептуализации к ситуациям в странах с принципиально иной институциональной средой (McCann, Oort, 2019, p. 6).

Тем не менее, несмотря на существование перечисленных методологических сложностей, применение выбранных теоретических подходов на практике представляется высокоцелесообразным. Это поможет исследователям и управленцам-практикам

прогнозировать сильные и слабые стороны предлагаемой политики (поскольку в рамках применяемых моделей в большинстве своем они уже известны), а также послужит обоснованию выбора наиболее эффективных сценариев ее реализации.

Предложенную в исследовании попытку определения теоретического базиса, релевантного государственным задачам развития Арктики, нельзя считать завершенной. Возможно, более глубокий анализ теоретического поля и актуальных государственных задач позволит дополнить или изменить результаты работы. Одновременно следует иметь в виду динамичный характер внешней среды, изменения которой могут трансформировать как саму систему государственных приоритетов, так и условия их реализации, что закономерно потребует пересмотра теоретических основ государственной политики развития Арктики.

ЛИТЕРАТУРА

- Бухвальд Е.М. (2019). Единое инновационное пространство как приоритет пространственного развития российской экономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 4. С. 9–25. DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10042
- Гаджиев Ю.А. (2009). Зарубежные теории регионального экономического роста и развития // Экономика региона. № 2 (18). С. 45–62.
- Гальцева Н.В. (2015). Социально-экономическое развитие северных и арктических регионов Дальнего Востока: потенциал, проблемы и пути решения // Арктика и Север. № 20. С. 18–28.
- Зубаревич Н.В. (2017). Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Мир новой экономики. № 2. С. 46–57.
- Изотов Д.А. (2013). Новая экономическая география: границы возможностей // Пространственная экономика. № 3. С. 123–160. DOI: 10.14530/se.2013.3.123-160
- Коломак Е.А. (2018). Стратегия пространственного развития России: ожидания и реалии // Регион: экономика и социология. № 2 (98). С. 264–287. DOI: 10.15372/REG20180212
- Кузнецова О.В. (2019). Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем // Пространственная Экономика. Т. 15. № 4. С. 107–125. DOI: 10.14530/se.2019.4.107-125
- Лаженцев В.Н. (2018) Социально-экономическое пространство и территориальное развитие Севера и Арктики России // Экономика региона. Т. 14. № 2. С. 353–365.
- Лакатос И. (2008). Избранные произведения по философии и методологии науки. Москва: Академический проект. С. 475.
- Матюшок В.М., Балашова С.А. (2010). Эндогенный экономический рост как условие модернизации экономики России // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Экономика. № 2. С. 5–13. URL: <https://journals.rudn.ru/economics/article/view/11785/11215/ru> (дата обращения 01.04.2023).

- Минакир П.А. (2018). Стратегия пространственного развития в интерьере концепций пространственной организации экономики // *Пространственная экономика*. № 4. С. 8–20. DOI: 10.14530/se.2018.4.008-020
- Минакир П.А. (2019). Российское экономическое пространство: стратегические тупики // *Экономика региона*. Т. 15. № 4. С. 967–980. URL: <https://doi.org/10.17059/2019-4-1>
- Наумов И.В., Седелников В.М., Аверина Л.М. (2020). Эволюция теорий пространственного развития: принципиальные особенности и современные задачи исследований // *Журнал экономической теории*. Т. 17. № 2. С. 383–398. DOI: 10.31063/2073-6517/2020.17-2.12
- Нестерова Н.Н., Черкасов В.А. (2015). Ретроспектива теорий пространственного развития региональной экономики // *Социально-экономические явления и процессы*. Т. 10. № 12. С. 52–57. DOI: 10.20310/1819-8813-2015-10-12-52-57
- Рейхерт Н.В. (2021). Проблемы социально-экономического развития арктических регионов // *Региональные проблемы преобразования экономики*. № 10 (132). С. 130–138.
- Смирнов В.В. (2010). Методологические аспекты расширения границ теорий регионального развития // *Региональная экономика: теория и практика*. № 15. С. 63–73.
- Соколов А.П. (2016). Эволюция теоретических взглядов на управление региональными социально-экономическими системами // *Сегодня и завтра российской экономики*. № 77. С. 98–102. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27149521_32157723.pdf (дата обращения 01.04.2023).
- Элибиев С.Б. (2017). Методологические основы формирования региональных точек роста // *Фундаментальные исследования*. № 10 (3). С. 633–637. URL: <https://s.fundamental-research.ru/pdf/2017/10-3/41888.pdf> (дата обращения 01.04.2023).
- Bogdański M. (2012). Modern theories of regional development – a review of some concepts. *Oeconomia Copernicana*, 3 (2), 25–41. DOI: 10.12775/OeC.2012.007
- Capello R. (2011). Location, regional growth and local development theories. *Aestim*, 1-25. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/228542909.pdf>
- Cvetanovic S. (2015). Endogenous growth theory and regional development policy. *Spatium*, 1, 10–17. DOI: 10.2298/SPAT1534010C
- Dawkins C. (2003). Regional development theory: Conceptual foundations, classic works, and recent developments. *Journal of Planning Literature*, 18, 131–172. DOI: 10.1177/0885 41220325470
- McCann P., van Oort F. (2009). Theories of agglomeration and regional economic growth: A historical review. *Regional Dynamics and Growth: Advances in Regional Economics*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. Available at: <https://research.rug.nl/en/publications/theories-of-agglomeration-and-regional-economic-growth-a-historic>
- Szajnowska-Wysocka A. (2009). Theories of regional and local development – abridged review. *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*, 12 (12), 75–90. DOI: 10.2478/v10089-009-0005-2

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир Владимирович Дядик – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Российская Федерация, 184207, г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а; e-mail: v.dyadik@ksc.ru)

Dyadik V.V.

ON THE THEORETICAL FOUNDATIONS FOR REALIZING STRATEGIC IMPERATIVES OF THE RUSSIAN ARCTIC DEVELOPMENT

The strategic documents of spatial development adopted in recent years define the main imperatives of Russia's Arctic policy for the next decade. Despite the logic and timeliness of these state acts, the validity of their scientific and theoretical basis is the subject of the intense scientific discussion. In the light of the growing importance of the Arctic, this fact actualizes the problem of scientific substantiation of Russia's state policy in this most important macroregion. The aim of the research is to analyze the strategic objectives of socio-economic development of the Arctic regions of the RF declared by the state from the theoretical positions of modern concepts of regional growth and to form conclusions and practical recommendations on the possibilities of using this theoretical basis in the formation and implementation of Russia's state policy in the Arctic. The logic of the work determined the need to consider the interrelated system of state imperatives of the Arctic development, approved by strategic documents of spatial development, and the theoretical field of modern concepts of regional growth. The main results of the work are the systematization and generalization of socio-economic tasks of the Russian Arctic development, the study of the current state of the theoretical field of regional growth concepts and the identification of the most relevant theoretical approaches, the definition of a possible theoretical basis for solving the state tasks of the Arctic socio-economic development. The obtained conclusions create a theoretical and methodological platform for analyzing administrative decisions on the basis of theoretical approaches united by the concepts of endogenous growth and cumulative causality, and may be in demand both by scientists and practicing managers working on the formation and implementation of state policy for the Russian Arctic development.

Arctic socio-economic development, Arctic development strategy, government policy in the Arctic, regional growth, regional competition, spatial development, economic space, regional economy.

REFERENCES

- Bogdański M. (2012). Modern theories of regional development – a review of some concepts. *Oeconomia Copernicana*, 3(2), 25–41. DOI: 10.12775/OeC.2012.007
- Buchwald E.M. (2019). A single innovation space as a priority for spatial development of the Russian economy. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk=The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 4, 9–25. DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10042 (in Russian).
- Capello R. (2011). Location, regional growth and local development theories. *Aestim*, 1-25. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/228542909.pdf>
- Cvetanovic S. (2015). Endogenous growth theory and regional development policy. *Spatium*, 1, 10–17. DOI: 10.2298/SPAT1534010C
- Dawkins C. (2003). Regional development theory: Conceptual foundations, classic works, and recent developments. *Journal of Planning Literature*, 18, 131–172. DOI: 10.1177/0885 41220325470
- Elibiev S.B. (2017). Methodological bases of formation of regional growth. *Fundamental'nye issledovaniya=Fundamental Research*, 10(3), 633–637. Available at: <https://s.fundamental-research.ru/pdf/2017/10-3/41888.pdf> (accessed: April 1, 2023; in Russian).
- Gadzhiev Yu.A. (2009). Foreign theories of regional economic growth and development. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 2(18), 45–62 (in Russian).
- Galtseva N.V. (2015). Socio-economic development of Northern and Arctic regions of the Far East: Potential, problems and solutions. *Arktika i Sever=Arctic and North*, 20, 18–28 (in Russian).

- Izotov D.A. (2013). New economic geography: The possibilities and restrictions. *Prostranstvennaya ekonomika=Spatial Economics*, 3, 123–160. DOI: 10.14530/se.2013.3.123-160 (in Russian).
- Kolomak E.A. et al. (2018). Spatial development strategy of Russia: Expectation and reality. *Region: ekonomika i sotsiologiya=Region: Economics and Sociology*, 2(98), 264–287. DOI: 10.15372/REG20180212 (in Russian).
- Kuznetsova O.V. (2019). Problems of elaboration of spatial development strategy of the Russian Federation. *Prostranstvennaya ekonomika=Spatial Economics*, 15(4), 107–125. DOI: 10.14530/se.2019.4.107-125 (in Russian).
- Lakatos I. (2008). *Izbrannye proizvedeniya po filosofii i metodologii nauki* [Selected Works on Philosophy and Methodology of Science]. Moscow: Akademicheskii projekt.
- Lazhentsev V.N. (2018). Socio-economic space and territorial development of the North and the Arctic of Russia. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 14(2), 353–365 (in Russian).
- Matyushok V.M., Balashova S.A. (2010). Endogenous economic growth as a condition of modernization of Russia's economy. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Ser.: Ekonomika=RUDN Journal of Economics*, 2, 5–13. Available at: <https://journals.rudn.ru/economics/article/view/11785/11215/ru> (accessed: April 1, 2023; in Russian).
- McCann P., van Oort F. (2009). Theories of agglomeration and regional economic growth: A historical review. *Regional Dynamics and Growth: Advances in Regional Economics*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. Available at: <https://research.rug.nl/en/publications/theories-of-agglomeration-and-regional-economic-growth-a-historic>
- Minakir P.A. (2018). Spatial development strategy: A view from the concept of spatial organization in the economy. *Prostranstvennaya ekonomika=Spatial Economy*, 4, 8–20. DOI: 10.14530/se.2018.4.008-020 (in Russian).
- Minakir P.A. (2019). Russian economic space: Strategic impasses. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 15(4), 967–980. DOI: 10.17059/2019-4-1 (in Russian).
- Naumov I.V., Sedel'nikov V.M., Averina L.M. (2020). Evolution of the spatial development theories: Principal features and modern objectives of research. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii*, 17(2), 383–398. DOI: 10.31063/2073-6517/2020.17-2.12 (in Russian).
- Nesterova N.N., Cherkasov V.A. (2015). Retrospective of the theories of spatial development of regional economy. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy=Social-Economic Phenomena and Processes*, 10(12), 52–57. DOI: 10.20310/1819-8813-2015-10-12-52-57 (in Russian).
- Reichert N.V. (2021). Problems of socio-economic development of the Arctic regions. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, 10(132), 130–138 (in Russian).
- Smirnov V.V. (2010). Methodological aspects of expanding the boundaries of regional development theories. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika=Regional Economy: Theory and Practice*, 15, 63–73 (in Russian).
- Sokolov A.P. (2016). Evolution of theoretical views on the management of regional socio-economic systems. *Cegodnya i zavtra rossiiskoi ekonomiki*, 77, 98–102. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27149521_32157723.pdf (accessed: April 1, 2023; in Russian).
- Szajnowska-Wysocka A. (2009). Theories of regional and local development – abridged review. *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*, 12(12), 75–90. DOI: 10.2478/v10089-009-0005-2
- Zubarevich N.V. (2017). Development of the Russian Space: Barriers and opportunities for regional policy. *Mir novoi ekonomiki=The World of the New Economy*, 2, 46–57 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir V. Dyadik – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Luzin Institute for Economic Studies – Subdivision of the Federal Research Center “Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences” (24A, Fersman Street, Apatity, 184207, Russian Federation; e-mail: v.dyadik@ksc.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.3

УДК 332.145 | ББК 65.054

© Румянцев Н.М., Широкова Е.Ю., Суприкан Г.Н.

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ КАК ОТРАСЛЕВОЙ ДРАЙВЕР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

НИКИТА МИХАЙЛОВИЧ РУМЯНЦЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: rummyanik.95@gmail.com

ORCID: [0000-0001-5660-8443](#); ResearcherID: [AAC-2818-2019](#)

ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА ШИРОКОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: shir11@bk.ru

ORCID: [0000-0002-7457-7844](#); ResearcherID: [B-7294-2019](#)

ГЕВОРГ НШАНОВИЧ СУПРИКАН

Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина

Вологда, Российская Федерация

e-mail: gs-200@mail.ru

ORCID: [0009-0001-9691-3650](#)

Пандемия новой коронавирусной инфекции существенно повлияла на мировую и российскую экономику: наблюдается спад экономической активности, рост безработицы, снижение благосостояния населения. Средства, направленные на борьбу с COVID-19, позволили про- стимулировать здравоохранение и смежные с ним отрасли, что повлекло за собой мульти- пликативные эффекты в экономике РФ. Целью исследования стала оценка экономических

Для цитирования: Румянцев Н.М., Широкова Е.Ю., Суприкан Г.Н. (2023). Здравоохранение как отраслевой драйвер экономического роста // Проблемы развития территории. Т. 27. № 5. С. 27–40. DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.3

For citation: Romyantsev N.M., Shirokova E.Yu., Suprikan G.N. (2023). Health care as a sectoral driver of economic growth. *Problems of Territory's Development*, 27 (5), 27–40. DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.3

эффектов на страновом и региональном уровне от стимулирования сектора здравоохранения в период пандемии. Основу методического подхода составили методы межотраслевого моделирования. Информационной базой послужили данные Росстата, ЕМИСС, Всемирного банка, Всемирной организации здравоохранения, Министерства финансов РФ, Счетной палаты, а также последних доступных таблиц «затраты – выпуск» за 2016 год. Выявлено, что здравоохранение в РФ отстает от здравоохранения развитых стран как по степени влияния на экономику, так и в отношении государственного финансирования. С помощью межотраслевого моделирования рассчитаны эффекты от стимулирования системы здравоохранения средствами Резервного фонда, выраженные в росте валового выпуска, численности занятых и фонда оплаты труда. Основными получателями эффектов названы Центральный, Приволжский и Северо-Кавказский федеральные округа, что позволяет говорить о возможности выравнивания диспропорций территориального развития РФ. В качестве отраслевых потребителей эффектов определены такие виды экономической деятельности, как обрабатывающая промышленность и оптовая и розничная торговля. Развитие этих отраслей приведет, в том числе, к активизации роста сектора здравоохранения. В качестве предложений по развитию отрасли здравоохранения указан ряд направлений, которые могут ускорить темпы роста сектора и получаемые от него экономические эффекты. Практическая значимость состоит в возможности использования полученных результатов органами власти в целях большего понимания текущего положения отрасли здравоохранения и разработки мер по ее стимулированию.

Здравоохранение, пандемия, межотраслевое моделирование, экономический рост.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0012 «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды».

Введение

Пандемия новой коронавирусной инфекции нанесла существенный урон социально-экономическому развитию всей мировой экономики, который еще будет ощущаться в ближайшие годы. Мировой валовой внутренний продукт за 2020 год сократился на 4,3%, что превысило результат кризиса 2008–2009 гг. более чем в два раза¹.

Борьба с пандемией потребовала вливания значительных средств в систему здравоохранения и смежные с ней отрасли, такие как фармацевтика или производство медицинского оборудования. На фоне негативных последствий для ключевых отраслей экономики сложно вычислить, какой вклад в экономическое развитие внесло здравоохранение, являющееся высокотехнологичной, требующей квалифицированных специалистов, производящей значительную при-

бавку к добавленной стоимости отрасли. Современные концепции формирования цепочек добавленной стоимости и межотраслевых эффектов позволяют выдвигать гипотезу о том, что повышение спроса на продукцию озвученных ранее отраслей из-за пандемии и их государственного стимулирования вызвало значительные экономические эффекты, выраженные в росте выпуска, фонда оплаты труда и экономики в целом.

В связи с этим целью данного исследования стала оценка эффектов экономического роста на страновом и региональном уровне от стимулирования сектора здравоохранения на основе межотраслевого баланса.

Достижение поставленной цели потребовало решения следующих задач:

1) оценка развития сектора здравоохранения как вида экономической деятельности;

¹ OECD (2021), OECD Economic Outlook, Interim Report September 2021: Keeping the Recovery on Track, OECD Publishing, Paris. URL: <https://doi.org/10.1787/490d4832-en>

2) расчет мультипликативных эффектов от государственного стимулирования здравоохранения на основе межотраслевой модели;

3) анализ территориального распределения получаемых эффектов;

4) выявление направлений активизации спроса на продукцию здравоохранения путем стимулирования развития отраслей – основных потребителей.

Научная новизна исследования заключается в оценке эффектов от реализации стимулирующих мер в здравоохранении в условиях пандемии COVID-19 с использованием межотраслевого баланса, а также выявлении ключевых тенденций развития отраслей сектора здравоохранения на фоне повышенной эпидемиологической опасности.

Обзор существующих исследований

Вопросы детерминации отраслевых драйверов экономического роста составляют одну из наиболее актуальных тем современных исследований, широко распространенную и в российской, и в зарубежной литературе. Как отмечают Е.Б. Ленчук и В.И. Филатов, поиск актуальных драйверов роста экономики является одним из больших вызовов для страны (Ленчук, Филатов, 2016). Поиск отраслей, способных стать точками роста, выступает ключевым приоритетом структурной политики развивающихся стран, к которым относится и Россия (Мионов, Коновалова, 2019).

При этом цель структурной политики должна заключаться в том, чтобы не просто перебалансировать отраслевые пропорции, а создать структуру, которая «обеспечивает в динамике устойчивый экономический рост за счет устранения наиболее серьезных диспропорций спроса, производства и параметров эффективности, снижая чрезмерную нагрузку на отдельные отраслевые комплексы в рамках функционирования компенсационных механизмов» (Широв и др., 2018).

В научной литературе господствует точка зрения о ключевом значении обрабатывающих отраслей промышленного произ-

водства как драйверов роста (Behun et al., 2018). В качестве потенциальных локомотивов развития российской экономики ученые Института народнохозяйственного прогнозирования РАН называют химический и нефтехимический комплекс, агропромышленный сектор, строительство и машиностроение (Белоусов и др., 2017). В исследованиях, проводимых сотрудниками Вологодского научного центра РАН, обоснованы возможности ускорения экономического роста за счет стимулирования таких отраслей, как туризм, ИКТ, машиностроение и электронная промышленность (Лукин и др., 2018; Леонидова, Сидоров, 2019; Сидоров, 2020). Однако, несмотря на совокупные экономические и социальные эффекты, сектор здравоохранения, как и другие социально значимые отрасли, не рассматривается в качестве драйвера экономического роста.

Также имеет место необходимость оценить эффекты от государственного стимулирования тех или иных отраслей. Опыт проведения подобных исследований показывает, что выбор отраслей – приоритетов структурной политики должен быть обоснован, следует спрогнозировать последствия управленческих решений в рамках структурной трансформации экономики. Отметим, что в современной науке для оценки, моделирования мультипликативных эффектов влияния управленческих решений применяются разнообразные методы. Согласно проведенному ранее исследованию, для оценки и моделирования последствий структурных изменений в социально-экономических системах наиболее подходящим является модельный инструментарий, основанный на межотраслевых моделях (Румянцев, 2020).

Положительный опыт применения модельного инструментария для оценки влияния отраслей на экономический рост имеется у ученых Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, использовавших динамическую межотраслевую модель для анализа эффектов от реализации национальных проектов на экономический рост (Баранов, Гореев, 2019). Также межотраслевые модели применялись

для исследования отклика экономического роста Вологодской области на стимулирование химических производств, по результатам которого была подтверждена роль производства удобрений как ключевого сектора экономики региона (Широкова, 2021). Одна из актуальных работ посвящена оценке эффектов влияния пандемии COVID-19 на туризм; подтверждена гипотеза о высоком мультипликативном эффекте туристической отрасли (Леонидова, 2021). Отмечается активное применение межотраслевых моделей в зарубежных экономических исследованиях (Jiang, 2011; Kurz, 2011).

Проанализировав актуальные исследования по озвученной теме, мы пришли к выводу, что тематика работ, в которых поставлена цель выявить отрасли – локомотивы качественного роста и рассчитать экономический эффект от их поддержки, не исчерпана, в связи с чем мы продолжаем работу в этом направлении, используя в качестве инструментария межотраслевое моделирование.

Материалы и методы

Методология исследования построена на опыте отечественных и зарубежных специалистов в сфере межотраслевого моделирования: А.А. Широкова, Г.Р. Серебрякова, Н.Н. Михеевой, Н.И. Сулова, Х. Jiang, Н.Д. Kurz и др. (Серебряков, 2000; Михеева, 2011; Широков и др., 2012).

Межотраслевой баланс (метод «затраты – выпуск» или таблицы «затраты – выпуск») – это инструмент экономического анализа и планирования, представляющий собой экономико-математическую модель, построенную на системе взаимосвязанных индикаторов, описывающих производство и потребление товаров услуг в экономике, распределение доходов, структуру конечного потребления, а также межотраслевые связи и взаимодействия (Сулов, Бузулуцков, 2017).

Первоначальным этапом исследования стала оценка значимости здравоохранения в российской экономике путем анализа доли создаваемой отраслью добавленной стоимо-

сти, величины финансирования здравоохранения из бюджетов разных уровней.

Для обоснования значимости здравоохранения как драйвера экономического роста в работе было использовано значение мультипликативного эффекта, генерируемого дополнительным выпуском отрасли в результате государственной поддержки системы здравоохранения в период пандемии COVID-19. Оценка данного эффекта осуществляется с помощью расчета коэффициента полных затрат согласно данным таблиц «затраты – выпуск».

Третьим шагом является оценка эффектов от государственного стимулирования отрасли в условиях пандемии с использованием межотраслевой модели российской экономики. Далее на основании полученной зависимости произведены расчеты суммы выпусков отраслей экономики при осуществляемом изменении конечного спроса на продукцию отраслей, получающих государственную поддержку. Итоговый результат выражен в увеличении (уменьшении) совокупного валового выпуска, численности рабочих мест и фонда заработной платы как по экономике в целом, так и по отдельным отраслям.

Следующий этап исследования содержит оценку территориального распределения эффектов от стимулирования здравоохранения в разрезе федерального округа. Она базируется на действующих пропорциях экономики и демонстрирует, какие территории получают наибольшую выгоду от дополнительного спроса на выпуск продукции здравоохранения.

Заключительным аспектом работы стало исследование промежуточного потребления продукции здравоохранения на основе данных таблиц «затраты – выпуск», что необходимо для выявления потенциальных путей активизации роста отрасли.

Информационной базой послужили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные факторам экономического роста и вопросам межотраслевого моделирования экономики, а также данные Федеральной службы государственной статистики, Единой

межведомственной информационно-статистической системы, сведения Всемирного банка и Всемирной организации здравоохранения, Министерства финансов РФ, Счетной палаты, последних доступных таблиц «затраты – выпуск» за 2016 год.

Результаты исследования

Общая характеристика развития здравоохранения как вида экономической деятельности

Экономика здравоохранения в современном народном хозяйстве имеет некоторый дуализм развития: с одной стороны, социальная направленность, выраженная в стремлении к повышению качества оказания медицинских услуг и росту качества жизни населения, с другой стороны, необходимость получения прибыли требует оптимизации системы здравоохранения. Конфликт этих направлений развития вызывает определенные организационные и финансово-ресурсные трудности, компенсируемые мерами государственной поддержки.

В допандемийный период сектор оказания услуг, в том числе в области здравоохранения, являлся одной из наиболее перспективных сфер экономики, т. к. имел значительный потенциал активизации экономического роста (Починок, Кодзоков, 2020).

Сектор услуг в зависимости от развитости экономики занимает различную долю в общей структуре производимой добавленной стоимости: в наиболее развитых странах мира доля данного сегмента находилась в диапазоне 70–90%; в странах среднего

уровня развития, где приоритетом был промышленный сектор, диапазон доли сектора услуг в национальной экономике составлял 50–69%; в слаборазвитых странах (за исключением малых островных государств), в большей степени ориентирующихся на поддержание сельского хозяйства, – менее 50% (Титова, 2020).

В Российской Федерации в доковидный период доля сектора услуг приближалась к значениям, характерным для развитых стран мира (рис. 1).

Однако развитие сектора здравоохранения и его доля в создаваемой добавленной стоимости оставались на значительно более низком уровне, чем финансовые услуги или деятельность в сфере транспортировки и хранения (табл. 1). Это вызвано как в целом современной структурой экономического хозяйствования в России, так и тем, что позиции страны на мировом рынке услуг (в том числе в отрасли здравоохранения) пока значительно слабее, чем на мировом рынке товаров.

Низкая доля здравоохранения в общем объеме производимой добавленной стоимости объясняется недостаточным финансированием отрасли государством. За последнее десятилетие до пандемии происходило постепенное сокращение бюджетных расходов на здравоохранение, составившее 0,3% от общего объема бюджета (табл. 2).

При этом стоит отметить два факта. Первый – за весь допандемийный период РФ не смогла увеличить расходы на сферу здравоохранения и приблизиться к рекомендуемому Всемирной организацией здравоохранения

Рис. 1. Соотношение валовой добавленной стоимости реального сектора и сектора производства услуг в экономике РФ за 2011–2022 гг., %

Источник: данные Росстата.

Таблица 1. Отраслевая структура производимой сектором услуг валовой добавленной стоимости в экономике РФ за 2011–2022 гг. по ОКВЭД-2007, % от общего объема ВДС по экономике

Вид деятельности	Год											
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Торговля оптовая и розничная	17,5	16,8	16,2	16,3	15,8	14,7	14,1	13,5	13,0	12,2	12,7	12,4
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	11,1	11,4	11,0	10,6	10,2	10,2	10,0	9,5	9,8	10,3	10,4	10,8
Государственное управление	7,0	7,7	8,2	8,0	7,7	8,0	7,8	7,5	7,3	8,0	7,0	7,1
Транспортировка и хранение	5,9	5,9	6,4	6,2	6,7	7,3	7,0	6,6	6,9	6,5	6,2	6,2
Деятельность финансовая	3,7	4,2	4,5	4,5	3,5	4,4	4,4	4,3	4,3	5,2	5,4	4,8
Деятельность профессиональная, научная и техническая	4,0	3,9	4,3	4,4	4,5	4,5	4,5	4,1	4,5	5,0	4,5	4,4
Здравоохранение	3,0	2,9	3,1	3,4	3,2	3,2	3,1	3,3	3,4	4,0	3,7	3,5
Образование	3,1	3,0	3,2	3,2	3,1	3,2	3,2	3,2	3,3	3,5	3,0	2,9
Информация и связь	2,6	2,7	2,6	2,5	2,5	2,5	2,6	2,5	2,6	3,0	2,7	2,7
Деятельность административная	1,7	1,7	2,0	2,0	2,4	2,4	2,4	2,1	2,2	2,3	2,2	2,2
Деятельность в области культуры	0,7	0,8	0,8	0,8	0,9	0,9	0,9	1,0	1,0	0,9	0,9	0,9
Деятельность гостиниц и общепита	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9	0,7	0,8	0,8
Предоставление прочих услуг	0,4	0,4	0,5	0,5	0,5	0,6	0,6	0,6	0,6	0,5	0,5	0,5
Деятельность домашних хозяйств как работодателей	0,7	0,6	0,6	0,6	0,6	0,7	0,6	0,6	0,5	0,4	0,3	0,3

Источник: данные Росстата.

Таблица 2. Доля расходов на здравоохранение в общем объеме расходов бюджета и в объеме ВВП, % к итогу

Показатель	Год										
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	
Доля расходов бюджета на здравоохранение в общем объеме расходов бюджета	4,2	4,4	3,8	3,4	2,5	3,1	2,7	3,2	3,9	5,9	
Доля расходов бюджета на здравоохранение в ВВП	0,78	0,81	0,71	0,60	0,46	0,61	0,49	0,54	0,68	1,25	

Источник: данные Федерального казначейства.

ния значению индикатора – 6% от общего объема бюджета. Второй – доля совокупного потребления продукции здравоохранения в РФ значительно ниже, чем в развитых и большинстве развивающихся стран Европы и Азии (рис. 2).

Однако пандемия дала значительный толчок росту государственных расходов, что привело к их практически двукратному увеличению согласно приведенным выше данным. Дальнейшее исследование посвящено оценке эффектов для экономики от этих мер, что позволило определить перспективы здравоохранения как отраслевого драйвера

экономического роста в условиях пандемии COVID-19.

Оценка влияния государственной поддержки системы здравоохранения в период пандемии COVID-19 на экономический рост

Для того чтобы оценить перспективы здравоохранения как отраслевого драйвера роста национальной экономики, рассмотрим мультипликативный эффект от его стимулирования, выраженный с использованием коэффициента полных затрат (рис. 3). Расчет произведен по данным таблиц «затраты – выпуск» за 2016 год как последним доступным симметричным таблицам.

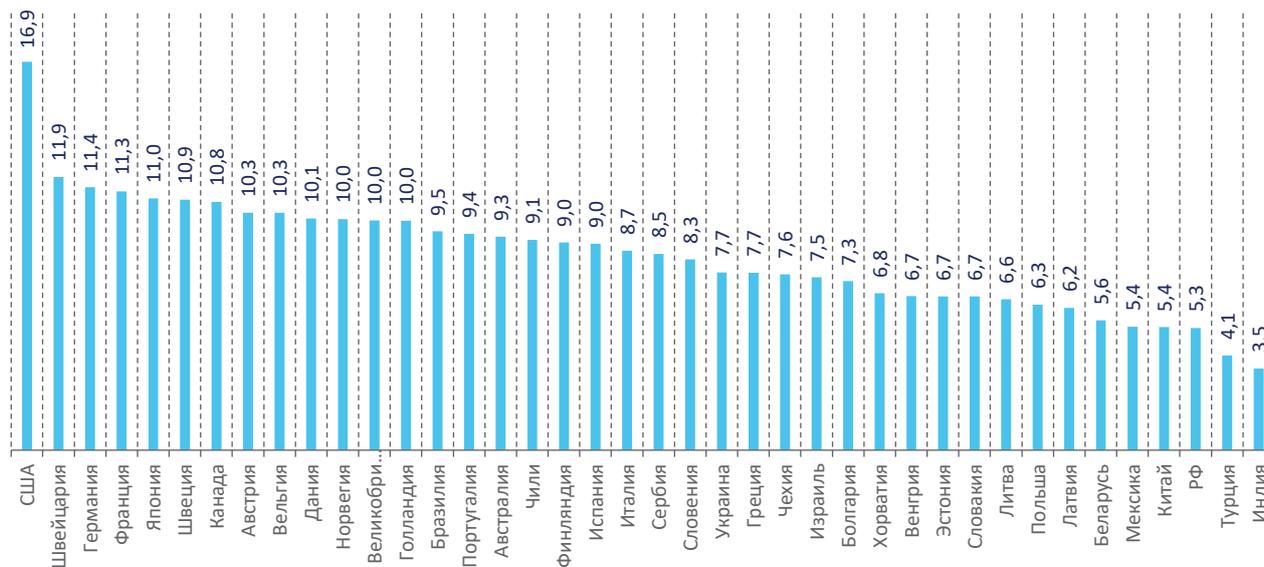

Рис. 2. Текущее потребление продукции здравоохранения в 2018 году, % от ВВП

Источник: данные Всемирного банка, Всемирной организации здравоохранения.

Рис. 3. Коэффициент полных затрат на 1 рубль произведенной продукции за 2016 год

Источник: данные таблиц «затраты – выпуск».

Из представленных видов деятельности здравоохранение обладает третьим по величине мультипликатором среди отраслей, оказывающих услуги. Такая тенденция частично объясняется существующей структурой экономики: ввиду значительной доли транспорта и связи в отраслевой структуре образования ВДС оказание услуг по этим видам экономической деятельности имеет высокий мультипликативный эффект. Мы

полагаем, что здравоохранение по совокупности экономических и социальных эффектов может стать не менее значимым драйвером роста народного хозяйства, особенно в условиях повышенной эпидемиологической опасности, когда спрос на услуги здравоохранения значительно вырос.

Для демонстрации возможностей здравоохранения к обеспечению экономического роста был произведен расчет эффектов от

Таблица 3. Эффекты от стимулирования отрасли здравоохранения

Вид деятельности	Рост валового выпуска, %	Прирост валового выпуска, тыс. руб.	Прирост рабочих мест, чел.	Прирост фонда оплаты труда, тыс. руб.
Сельское хозяйство	100,44	13795	5066	1888
Лесное хозяйство	100,29	680	474	215
Рыболовство и рыбоводство	100,13	468	79	90
Добыча полезных ископаемых	100,16	23248	1657	1896
Обрабатывающие производства	100,37	155618	24832	13863
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	100,66	44555	12935	7521
Строительство	100,31	22855	7289	3913
Торговля	100,91	45710	50640	25442
Гостиницы и рестораны	100,43	4468	3285	1089
Деятельность в области транспорта	100,26	29040	7524	4780
Деятельность в области информации и связи	100,07	3130	1042	923
Финансовая деятельность	100,33	11360	3300	4463
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	100,33	30679	15414	10447
Государственное управление	100,76	1081	26190	17127
Образование	100,34	1837	16370	7771
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	119,78	609900	821697	488407
Предоставление прочих услуг	101,06	5551	12103	6748
В целом по экономике	100,89	1003975	1009898	596585

Источник: расчеты авторов по данным таблиц «затраты – выпуск».

реализации мер поддержки исследуемого сектора в период пандемии. Согласно оперативному докладу Счетной палаты РФ об исполнении федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов за январь – декабрь 2020 года², дополнительные расходы здравоохранения на борьбу с COVID-19, выполненные из Резервного фонда, составили 609,9 млрд руб. На основании допущения, что эта сумма позволила увеличить выпуск продукции здравоохранения, результатами мер по стимулированию стали эффекты, выраженные в росте валового выпуска, численности занятых и фонда оплаты труда (табл. 3).

Произведенные на базе разработанной межотраслевой модели экономики РФ рас-

четы дали возможность оценить эффективность стимулирования здравоохранения в отношении активизации экономического роста страны и ее регионов. При увеличении объемов выпуска анализируемой отрасли в размере дополнительных расходов государства на здравоохранение в период пандемии, сделанных из Резервного фонда, наблюдается добавочный прирост выпуска на 0,89% при текущем росте экономики при средних темпах экономического роста в доковидное десятилетие в 1,7%. Увеличение спроса на продукцию данного сектора вызовет мультипликативные эффекты в других отраслях, выраженные в необходимости создания более миллиона рабочих мест и увеличении фонда оплаты труда на 597 млрд руб.

² Оперативный доклад Счетной палаты РФ об исполнении федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов за январь – декабрь 2020 года. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/e37/e371835371389756c2d319de62f0bd12.pdf>

Расчеты позволяют отследить территориальное распределение полученных эффектов согласно структуре выпуска исследуемой отрасли в разрезе федеральных округов (рис. 4). Так, согласно представленным данным, основными реципиентами полученных приростов являются Центральный, Приволжский и Северо-Кавказский федеральные округа. Это говорит о потенциале стимулирования здравоохранения конкретно на указанных территориях ввиду более эффективного образования добавленной стоимости. Важна активизация экономического роста на тер-

ритории Северного Кавказа, являющегося депрессивным регионом, получающим значительные бюджетные дотации. Рост активности в отрасли здравоохранения поможет сгладить сформировавшиеся в экономическом развитии дисбалансы.

Для определения перспективных направлений стимулирования сферы здравоохранения как отраслевого драйвера экономического роста необходимо исследовать ее промежуточное потребление, что позволит разработать меры экономического стимулирования (табл. 4). Увеличение объемов

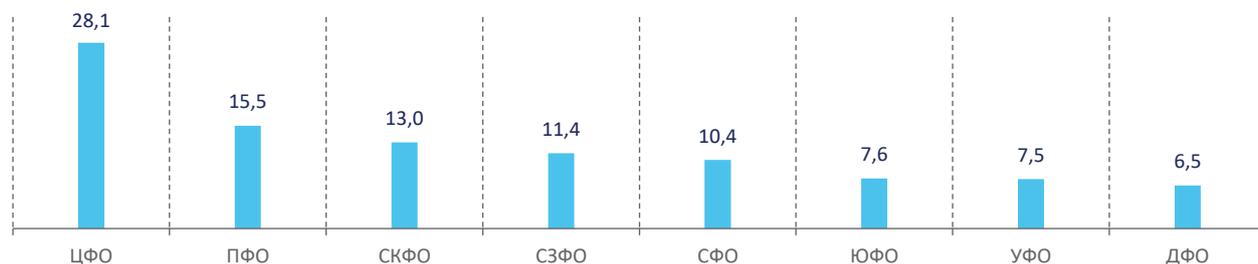

Рис. 4. Территориальное распределение эффектов от стимулирования здравоохранения в условиях пандемии COVID-19 (данные за 2020 год)

Источник: расчеты авторов.

Таблица 4. Структура промежуточного потребления здравоохранения и доля импорта в ресурсах потребляемых отраслей в 2020 году, % к итогу

Промежуточное потребление	Доля промежуточного потребления	Доля импорта в ресурсах
Лекарства и материалы, применяемые в медицинских целях	41,7	50,5
Мебель, изделия готовые прочие	9,7	45,1
Сооружения и строительные работы	6,4	4,3
Услуги, связанные с недвижимым имуществом	4,3	0,2
Электроэнергия, газ, пар и кондиционирование воздуха	4,3	0,1
Продукты пищевые, напитки, изделия табачные	3,3	13,2
Услуги по ремонту и монтажу машин и оборудования	2,7	6,1
Услуги сухопутного и трубопроводного транспорта	2,3	1,5
Услуги в области здравоохранения	2,1	0,1
Услуги финансовые и страховые	2,1	3,4
Вещества химические и продукты химические	2,0	30,1
Услуги по обеспечению безопасности, обслуживанию зданий и территорий; услуги в области вспомогательного обслуживания	1,9	11,4
Услуги гостиничного хозяйства и общественного питания	1,9	0,4
Оборудование компьютерное, электронное и оптическое	1,5	58,7
Продукты программные и услуги по разработке программного обеспечения; услуги в области информационных технологий	1,2	14,3
Услуги по аренде и лизингу	1,2	23,0
Изделия резиновые и пластмассовые	1,1	32,1
Изделия текстильные, одежда, изделия из кожи	1,0	63,5

Источник: расчеты авторов.

выпуска продукции здравоохранения потребует соответствующего наращивания производства промежуточных продуктов, что также даст положительные мультипликативные эффекты. Основными продуктами в промежуточном потреблении являются лекарства и фармацевтические субстанции, медицинская мебель, строительные работы и сопутствующие им услуги, продукты питания, медицинское оборудование и электроника.

Однако эффективность стимулирования сферы здравоохранения снижается из-за высокой доли импорта в ресурсах производителей основных продуктов, потребляемых исследуемой отраслью. В связи с этим одним из направлений стимулирования можно назвать поддержку импортозамещения продукции промежуточного потребления здравоохранения.

Обсуждение и выводы

В представленном исследовании было определено влияние сектора здравоохранения на экономический рост страны. Среди отраслей, оказывающих услуги, на наш взгляд, именно здравоохранение в столь сложный для народного хозяйства период сможет стать одним из ключевых драйверов экономического роста. Распределение территориальных эффектов от его стимулирования позволит сгладить дисбалансы пространственного развития регионов страны.

В качестве перспектив развития отрасли предлагаются следующие возможные направления стимулирования:

– реализация инвестиционных программ в отрасли здравоохранения; она позволит

трансформировать цепочки создания стоимости в отрасли; данные программы могут реализовываться как за счет привлечения частных инвесторов, так и за счет механизмов государственного проектного финансирования и государственно-частного партнерства; необходимо учесть негативный момент возможной коммерциализации системы здравоохранения со снижением доступа к медицинской помощи бедных слоев населения;

– активизация внедрения цифровых технологий в медицинскую практику, развитие телемедицинских услуг, которое позволяет сократить ряд издержек и тем самым повысить экономическую эффективность системы здравоохранения как вида экономической деятельности, а также повысить доступность медицинских услуг в отдаленных областях страны;

– снижение импортозависимости отрасли в ключевых продуктах потребления: фармацевтическая продукция, медицинское оборудование, электроника и инструменты; высокая степень зависимости от импорта продукции, потребляемой здравоохранением, является одним из главных барьеров обеспечения необходимых темпов роста отрасли; реализация программ импортозамещения послужит не только целям развития экономики, но и обеспечению национальной безопасности.

В территориальном разрезе последнее направление будет наиболее эффективным в регионах, специализирующихся на соответствующих видах экономической деятельности (табл. 5).

Таблица 5. Территории, специализирующиеся на продукции промежуточного потребления здравоохранения с высокой долей импорта

Вид экономической деятельности	Регионы с соответствующей специализацией
Производство фармацевтических субстанций	Республика Мордовия (21,2); Республика Марий Эл (14,2); Владимирская область (11,4); Рязанская область (8,4); Ярославская область (3,5); Московская область (2,3); Псковская область (2,1); г. Москва (1,9); Республика Алтай (1,6); Калужская область (1,6); Курская область (1,5); Белгородская область (1,4); Архангельская область (без НАО) (1,4); г. Санкт-Петербург (1,4); Ленинградская область (1,4); Нижегородская область (1,1)

Производство лекарственных препаратов и материалов, применяемых в медицинских целях и ветеринарии	Курганская область (7,4); Курская область (3,3); Калужская область (3,3); Московская область (2,7); Кировская область (2,4); г. Санкт-Петербург (2,3); Новосибирская область (2,2); Владимирская область (1,9); Пензенская область (1,9); Томская область (1,9); Самарская область (1,6); Ярославская область (1,5); Республика Башкортостан (1,5); Иркутская область (1,5); Орловская область (1,4); Белгородская область (1,4); Тверская область (1,4); г. Москва (1,3); Карачаево-Черкесская Республика (1,2); Ставропольский край (1,1)
Производство облучающего и электротерапевтического оборудования, применяемого в медицинских целях	Рязанская область (15,9); Ивановская область (4,5); Кабардино-Балкарская Республика (4,5); Московская область (3); Тамбовская область (2,3); г. Санкт-Петербург (2); Брянская область (1,9); Свердловская область (1,7); Ленинградская область (1,7); г. Москва (1,6); Удмуртская Республика (1,5); Челябинская область (1,4); Томская область (1,1)
Производство медицинских инструментов и оборудования	Республика Марий Эл (4,1); Брянская область (3,9); Республика Мордовия (3,2); Московская область (2,2); Нижегородская область (2); Новосибирская область (1,9); Свердловская область (1,8); Республика Татарстан (1,8); г. Санкт-Петербург (1,7); г. Москва (1,7); Псковская область (1,6); Смоленская область (1,6); Тульская область (1,5); Липецкая область (1,5); Ярославская область (1,4)
Примечание: в скобках указано значение коэффициента локализации. Источник: рассчитано авторами по данным ЕМИСС.	

Вклад исследования в науку заключается в обосновании важности здравоохранения как альтернативного отраслевого драйвера экономического роста в условиях сложной эпидемиологической обстановки. Практическая значимость состоит в возможности использования полученных результатов органами власти в целях больше-

го понимания текущего положения отрасли здравоохранения и разработки мер по ее стимулированию. Дальнейшие исследования будут направлены на анализ вовлеченности сектора услуг, в том числе отрасли здравоохранения, в цепочки создания добавленной стоимости, как глобальные, так и межрегиональные.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов А.О., Гореев А.В. (2019). Оценка влияния национальных проектов на развитие экономики России с использованием динамической межотраслевой модели // ЭКО. № 10 (544). С. 94–114. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-10-94-114
- Белоусов Д.Р., Ивантер В.В., Блохин А.А. [и др.] (2017). Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста в России. Москва: Научный консультант. 196 с.
- Ленчук Е.Б., Филатов В.И. (2016). Новая индустриализация как условие формирования новой модели экономического роста в России // Новая промышленная политика России в контексте обеспечения технологической независимости. Санкт-Петербург: Алетейя. С. 33–54.
- Леонидова Е.Г. (2021). Туризм в России в условиях COVID-19: оценка экономического эффекта от стимулирования спроса для страны и регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 2. С. 59–74. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.4
- Леонидова Е.Г., Сидоров М.А. (2019). Структурные изменения экономики: поиск отраслевых драйверов роста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 6. С. 166–181. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.9
- Лукин Е.В., Леонидова Е.Г., Сидоров М.А. (2018). Стимулирование внутреннего спроса как фактора экономического роста (на примере сферы внутреннего туризма) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 4. С. 125–143. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.8

- Миронов В.В., Коновалова Л.Д. (2019). О взаимосвязи структурных изменений и экономического роста в мировой экономике и России // Вопросы экономики. № 1. С. 54–78. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-1-54-78
- Михеева Н.Н. (2011). Таблицы «затраты – выпуск»: новые возможности экономического анализа // Вопросы экономики. № 7. С. 140–148.
- Починок Н.Б., Кодзоков Р.Л. (2020). Пути повышения социально-экономической эффективности функционирования сферы услуг на примере здравоохранения в периоды нестабильности // Социальная политика и социология. Т. 19. № 2 (135). С. 39–47. DOI: 10.17922/2071-3665-2020-19-2-39-47
- Румянцев Н.М. (2020). Методические подходы к моделированию социально-экономического развития региона: достоинства и недостатки // Научные записки молодых исследователей. Т. 8. № 6. С. 5–17.
- Серебряков Г.Р. (2000). Опыт построения динамической межотраслевой равновесной модели российской экономики // Проблемы прогнозирования. № 2. С. 3–19.
- Сидоров М.А. (2020). Территориальное развитие на основе стимулирования российской электронной промышленности // Проблемы развития территории. № 3 (107). С. 27–44. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.2
- Суслов Н.И., Бузулуцков В.Ф. (2017). Моделирование и анализ межотраслевых и межрегиональных взаимосвязей развития энергетического сектора России // Интерэкспо Гео-Сибирь. Т. 3. № 2. С. 18–27.
- Титова А.В. (2020). Россия на мировом рынке услуг // Научный электронный журнал «Меридиан». № 6 (40). С. 378–380.
- Шилов А.А., Гусев М.С., Колпаков А.Ю. [и др.] (2018). Трансформация структуры экономики: механизмы и управление. Москва: МАКС Пресс. 264 с. DOI: 10.29003/m221.978-5-317-05985-9
- Шилов А.А., Гусев М.С., Янговский А.А. (2012). Обоснование возможных сценариев долгосрочного развития российской экономики // ЭКО. 2012. № 6. С. 60–80.
- Широкова Е.Ю. (2021). Химическая промышленность как драйвер роста экономики страны и региона // Проблемы развития территории. Т. 25. № 2. С. 59–72. DOI: 10.15838/ptd.2021.2.112.4
- Behun M., Gavurova B., Tkacova A., Kotaskova A. (2018). The impact of the manufacturing industry on the economic cycle of European Union Countries. *Journal of Competitiveness*, 10 (1), 23–39. DOI: 10.7441/joc.2018.01.02
- Jiang X. (2011). *Statistical and Economic Applications of Chinese Regional Input-Output Tables*. Groningen: University of Groningen.
- Kurz H.D. (2011). Who is going to kiss sleeping beauty? On the «Classical» analytical origins and perspectives of input – output analysis. *Review of Political Economy*, 23 (1), 25–47.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Никита Михайлович Румянцев – научный сотрудник, заведующий лабораторией исследования воспроизводственных процессов Центра структурных исследований и прогнозирования территориального развития, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: rumyanik.95@gmail.com)

Елена Юрьевна Широкова – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: shir11@bk.ru)

Геворг Ншанович Суприкан – магистрант, Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина (Российская Федерация, 160555, г. Вологда, с. Молочное, ул. Шмидта, д. 2; e-mail: gs-200@mail.ru)

Rumyantsev N.M., Shirokova E.Yu., Suprikyan G.N.

HEALTH CARE AS A SECTORAL DRIVER OF ECONOMIC GROWTH

The pandemic of a new coronavirus infection has had a significant impact on the global and Russian economy: there has been a decline in economic activity, an increase in unemployment, and a decrease in the welfare of the population. Funds aimed at combating COVID-19 allowed stimulating healthcare and related industries, which entailed multiplicative effects in the Russian economy. The aim of the research is to assess the economic effects at the country and regional level of health sector stimulation during a pandemic. The methodological approach is based on the methods of intersectoral modeling. The information base is the data of Rosstat, EMISS, the World Bank, the World Health Organization, the Ministry of Finance of the Russian Federation, the Accounts Chamber, as well as the latest available tables “input-output” for 2016. We have revealed that health care in the Russian Federation lags behind the health care of developed countries both in terms of the degree of impact on the economy and in terms of public funding. Using intersectoral modeling we have calculated the effects of stimulating the health care system by means of the Reserve Fund, expressed in the growth of gross output, number of employees and labor remuneration fund. The Central, Volga and North Caucasian federal districts were named as the main recipients of the effects, which allows talking about the possibility of equalizing the disparities in the territorial development of the Russian Federation. Such types of economic activities as manufacturing industry and wholesale and retail trade are identified as sectoral consumers of the effects. The development of these industries will lead, among other things, to the intensification of the health sector growth. As suggestions for the development of the health care sector, a number of directions that can accelerate the growth rate of the sector and the economic effects derived from it are indicated. The practical significance lies in the possibility of using the results obtained by the authorities in order to better understand the current situation of the health sector and to develop measures to stimulate it.

Health care, pandemic, cross-sector modeling, economic growth.

REFERENCES

- Baranov A.O., Goreev A.V. (2019). Evaluation of the impact of national projects on development of the Russian economy using a dynamic input-output model. *EKO=ECO Journal*, 10(544), 94–114. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-10-94-114 (in Russian).
- Behun M., Gavurova B., Tkacova A., Kotaskova A. (2018). The impact of the manufacturing industry on the economic cycle of European Union Countries. *Journal of Competitiveness*, 10(1), 23–39. DOI: 10.7441/joc.2018.01.02
- Belousov D.R., Ivanter V.V., Blokhin A.A. et al. (2017). *Strukturno-investitsionnaya politika v tselyakh obespecheniya ekonomicheskogo rosta v Rossii* [Structural and Investment Policy to Ensure Economic Growth in Russia]. Moscow: Nauchnyi konsul'tant.
- Jiang X. (2011). *Statistical and Economic Applications of Chinese Regional Input-Output Tables*. Groningen: University of Groningen.
- Kurz H.D. (2011). Who is going to kiss sleeping beauty? On the “Classical” analytical origins and perspectives of input – output analysis. *Review of Political Economy*, 23(1), 25–47.
- Lenchuk E.B., Filatov V.I. (2016). New industrialization as a condition for the formation of a new model of economic growth in Russia. In: *Novaya promyshlennaya politika Rossii v kontekste obespecheniya tekhnologicheskoi nezavisimosti* [Russia’s New Industrial Policy in the Context of Ensuring Technological Independence]. Saint Petersburg: Aleteiya (in Russian).

- Leonidova E.G. (2021). Russian tourism during the COVID-19: Assessing effect of stimulating domestic demand for the country and regions' economy. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14(2), 59–74. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.4 (in Russian).
- Leonidova E.G., Sidorov M.A. (2019). Structural changes in the economy: Searching for sectoral drivers of growth. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 12(6), 166–181. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.9 (in Russian).
- Lukin E.V., Leonidova E.G., Sidorov M.A. (2018). Boosting domestic demand as a driving force of economic growth (on the example of domestic tourism sphere). *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 11(4), 125–143. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.8 (in Russian).
- Mikheeva N.N. (2011). Input-output tables: New options of economic analysis. *Voprosy ekonomiki*, 7, 140–148 (in Russian).
- Mironov V.V., Konovalova L.D. (2019). On the relationship of structural changes and economic growth in the world economy and Russia. *Voprosy ekonomiki*, 1, 54–78. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-1-54-78 (in Russian).
- Pochinok N.B., Kodzokov R.L. (2020). Ways to improve the socio-economic efficiency of the functioning of the service sector on the example of health care in periods of instability. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*, 19, 2(135), 39–47. DOI: 10.17922/2071-3665-2020-19-2-39-47 (in Russian).
- Rumyantsev N.M. (2020). Methodological approaches to modelling the socio-economic development of the region: Advantages and disadvantages. *Nauchnye zapiski molodykh issledovatelei*, 8(6), 5–17 (in Russian).
- Serebryakov G.R. (2000). Experience in building a dynamic intersectoral equilibrium model of the Russian economy. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 2, 3–19 (in Russian).
- Shirokova E.Yu. (2021). Chemical industry as an economic growth driver of the country and the region. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 25(2), 59–72. DOI: 10.15838/ptd.2021.2.112.4 (in Russian).
- Shirov A.A., Gusev M.S., Kolpakov A.Yu. et al. (2018). *Transformatsiya struktury ekonomiki: mekhanizmy i upravlenie* [Transformation of Economic Structure: Mechanisms and Management]. Moscow: MAKS Press. DOI: 10.29003/m221.978-5-317-05985-9 (in Russian).
- Shirov A.A., Gusev M.S., Yantovskii A.A. (2012). Justification of possible scenarios of long-term development of the Russian economy. *EKO=ECO Journal*, 6, 60–80 (in Russian).
- Sidorov M.A. (2020). Territorial development based on stimulation of the Russian electronic industry. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 3(107), 27–44. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.2 (in Russian).
- Suslov N.I., Buzulutskov V.F. (2017). Modeling and analysis of interindustry and interregional interrelationships of the energy sector development in Russia. *Interekspo Geo-Sibir'*, 3(2), 18–27 (in Russian).
- Titova A.V. (2020). Russia in the global services market. *Nauchnyi elektronnyi zhurnal "Meridian"*, 6 (40), 378–380 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikita M. Rumyantsev – Researcher, head of laboratory for research of producing processes, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: rumyanik.95@gmail.com)

Elena Yu. Shirokova – Junior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: shir11@bk.ru)

Gevorg N. Suprikyan – Master Degree student, Vologda State Dairy Farming Academy named after N.V. Vereshchagin (2, Schmidt Street, Molochnoe Rural Settlement, Vologda, 160555, Russian Federation; e-mail: gs-200@mail.ru)

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.4

УДК 504.03 | ББК 20.18

© Медведева Е.И., Крошилин С.В.

ОСОЗНАННОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В РАМКАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

ЕЛЕНА ИЛЬНИЧНА МЕДВЕДЕВА

Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН
Научно-исследовательский институт организации здравоохранения
и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы
Москва, Российская Федерация
e-mail: e_lenam@mail.ru

ORCID: [0000-0003-4200-1047](https://orcid.org/0000-0003-4200-1047); ResearcherID: [B-8964-2018](https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/author/108964218/)

СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ КРОШИЛИН

Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН
Научно-исследовательский институт организации здравоохранения
и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы
Москва, Российская Федерация
Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова
Рязань, Российская Федерация
e-mail: krosh_sergey@mail.ru

ORCID: [0000-0002-6070-1234](https://orcid.org/0000-0002-6070-1234); ResearcherID: [J-2184-2018](https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/author/1021842018/)

Экологическое поведение определяется сознательностью, особенностями экологической культуры и воспитания индивида. Важную роль при этом играют просвещение и образование, которые в дальнейшем влияют на рациональность поступков, конкретных действий или бездействия, собственного ответственного и бережливого отношения человека к окружающей среде и природе. Сегодня экологическая повестка является актуальной составляющей не только в выстраивании социально-экономических отношений, но и в политическом аспекте, так как все чаще именно ESG-принципы становятся доминантными при принятии политических решений. Цель исследования заключается в определении отношения молодежи к собственному ра-

Для цитирования: Медведева Е.И., Крошилин С.В. (2023). Осознанное экологическое поведение молодежи в рамках устойчивого развития территорий // Проблемы развития территории. Т. 27. № 5. С. 41–58. DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.4

For citation: Medvedeva E.I., Kroshilin S.V. (2023). Youth's conscious environmental behavior within the framework of sustainable territorial development. *Problems of Territory's Development*, 27 (5), 41–58. DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.4

циональному экологическому поведению, а также в оценке роли и форматов ответственности за решение экологических проблем на региональном уровне. Авторы применяют собственный инструментарий (анкету) для проведения пилотного исследования в двух регионах: на юго-востоке Московской области и в Рязанской области. Несмотря на то, что регионы граничат между собой, по многим вопросам выявлены принципиально разные точки зрения. Уникальность работы состоит в том, что полученные результаты были сопоставлены с результатами аналогичных исследований ВЦИОМ. Усредненная оценка исследуемых регионов почти в два раза отличается от базы сравнения. Такая разница доказывает необходимость осуществления именно локальных региональных срезов, так как только в этом случае можно выявить региональные особенности. Ценность авторских результатов (на данном этапе исследования) заключается в изучении региональной специфики обозначенной проблемы. Полученные данные и методику проведения опроса могут использовать специалисты и региональные власти для решения экологических вопросов.

Экологическое поведение, экология, здоровье, осознанное экологическое поведение, устойчивое развитие территорий, социально-экономические проблемы.

Введенный немецким ученым Э. Геккелем в середине XIX века научный термин «экология» определял ее как «...науку об отношениях между растительным и животным миром с окружающей средой» (Яо, 2017). Сегодня под экологией понимается достаточно широкий круг вопросов, который касается самых разных аспектов жизнедеятельности, начиная от экологических проблем, заканчивая экологической культурой (Тобоев, 2015) и сознанием (Фахретдинова, Замалетдинова, 2017). Однако наиболее целесообразно сегодня говорить об «экологическом сознании» различных поколений и «экологической сознательности» молодежи, так как именно от этого зависят условия проживания наших потомков и форматы развития взаимодействий человека и природы.

В настоящее время экологическое сознание может быть определено как «...способность человека понимать свою общность с природой и уметь согласовывать свои действия с ее ритмами... Это самостоятельный выбор человека, в котором отражается степень его ответственности за окружающий мир» (Тобоев, 2015). Другие ученые считают, что «экологическое сознание входит в основные формы сознания... выполняя роль интегратора не только индивидуального, но и общественного сознания...» (Гимазетдинова, Сабирзянов, 2014). Независимо от того, как

тракуется экологическое сознание, оно не только играет основную роль при формировании мировоззрения человека, но и влияет на его экологическую культуру и поведение, что представляет собой нечто большее, чем просто разумное природопользование. Заложенные с самого раннего детства ориентиры и выстраиваемая система образования всегда опираются на экологические знания.

Становление экологического образования в России началось еще в 60-х гг. XX века. В период реформ в начале 1990-х гг. в РФ были приняты ключевые нормативно-правовые документы по охране окружающей среды. В них в качестве приоритетных направлений названы основы экологического образования и просвещения населения. Было доказано, что экологические знания должны предоставляться на всех уровнях российского образования, так как это позволит в будущем анализировать, оценивать и понимать последствия влияния действий человека на природу (Гимазетдинова, Сабирзянов, 2014). Главная задача экологического образования состояла в оказании воздействия на формирование экологической культуры человека с целью наиболее рационально использовать существующие природные ресурсы.

Экологическое просвещение и образование направлены, прежде всего, на необходи-

мость развития осознанного поведения человека и понимание ценности окружающей его природы. Основная цель заключается в изучении основных положений, требующихся для получения основных знаний, умений и навыков (ЗУН) в понимании и осознании прямой и обратной взаимосвязи между человеком и природой, окружающей средой, культурой человека и биологическим окружением. Такое образование призвано привить практические навыки и компетенции для бережного и грамотного отношения к окружающей среде, а также выработать у индивида поведение, которое могло бы способствовать улучшению экологической ситуации и повышению качества окружающей среды обитания для будущих поколений (Дзятковская, 2013).

В конце XX века просвещение в сфере природоохраны давало лишь общие представления о проблемах природопользования. На тот момент не были даже сформулированы основы экологических ЗУНов, и они не применялись в практической деятельности (Хорошавин и др., 2014). Специалисты в сфере образования и ученые того времени отмечали необходимость изменений в системе ценностей людей для значительных успехов в решении экологических проблем, так как существующая на тот момент парадигма технологического прогресса стала причиной возникновения проблем с окружающей средой (Панов, Лидская, 2012). В дальнейшем экологические проблемы и ряд техногенных катастроф привели к необходимости изучения и учету экологической повестки, так как встал вопрос о физическом выживании человечества. Именно тогда исследователи обратились к понятию «экологическое сознание» и стали его рассматривать в различных аспектах, так как именно такой подход способствует достижению оптимального равновесия во взаимодействии человека с природой (Фахретдинова, Замалетдинова, 2017).

В связи с этим экологическое сознание представляется как некая совокупность знаний о выстраивании системы взаимодей-

ствия общества и природы (Аутлева, Шорова, 2019), которое в своей основе имеет четкое понимание негативных последствий потребительского отношения к окружающей среде. Согласно исследованиям ряда авторов (Д. Маркович, Э.В. Гирусов и др.) под экологическим сознанием можно понимать «... охват наших представлений, поведения, желаний и ожиданий относительно окружающей нас среды... Это некий конгломерат теорий и взглядов на проблемы «отношения» общества с окружающей средой, природой, направленный на принятие оптимальных решений для реализации таких взаимоотношений с учетом природных ресурсов и возможностей» (Фахретдинова, Замалетдинова, 2017).

Другие российские ученые (В.А. Скребца, П.К. Анохина, Г.С. Смирнова и др.) определяли понятие «экологическое сознание человека» не только с точки зрения анализа ситуации на данный момент времени, но и с точки зрения оценки перспективы – будущего состояния окружающей среды и экологической ситуации. Именно такой подход в формировании экологического сознания позволит человечеству «сберечь себя» (свое существование) (Яо, 2017). Правильно сформированное экологическое сознание способствует пониманию и осмыслению экологических проблем, и именно оно должно быть взято за основу принимаемых человеком решений с учетом будущего (Бегидова, Макрушина, 2014).

Для современного социума особое место в вопросах формирования экологического сознания занимает отношение молодого поколения, так как помимо имеющих у молодежи компетенций и знаний в области экологического поведения необходимо сформировать умение рационального использования всех ресурсов общества. Особое значение отводится именно экологическому образованию, так как полученные знания и умения могут впоследствии трансформироваться у молодежи в необходимые убеждения, которые и формируют «оптимальное» экологическое сознание (Петрова, Микрюков, 2019).

При таком подходе соблюдаются нравственные принципы и правовые нормы природопользования, которые ориентированы на изучение возможностей и охрану природы. Молодежь в процессе получения экологического образования «подводят» к пониманию, что именно нужно для оптимального сосуществования природы и общества, формируют форматы благоприятных жизненных условий, позволяющих сохранять, беречь ресурсы, необходимые поколениям в будущем.

Система образования призвана воздействовать на воспитание индивида в вопросах грамотного экологического поведения, представляющее собой непрерывный и систематический процесс по целенаправленному формированию бережливого (нравственного) отношения человека к окружающей среде. Это особая форма воздействия на личность, так как оно способствует созданию системы экологических ценностей, формируя морально-этическую основу взаимодействия с природой. В таком воспитании важно участвовать не только образовательным организациям, но и семье, и обществу в целом (Ануфриев, Пономарев, 2020). Рациональное экологическое поведение индивида формируется с раннего детства внутри семьи. Например, Л.Г. Титаренко в работе «Экологический аспект образа жизни: основные ценности и типы поведения» выделил несколько типов экологического поведения горожан, взаимосвязанные с ценностными ориентирами и установками на экологическую сознательность, которые доминируют у каждого члена общества. К ним отнесены: потребительский, пассивный и активный ресурсосберегающие типы экологического поведения жителей городов (Титаренко, 2015).

В настоящее время борьба с экологическими проблемами может быть эффективной только при условии формирования правильного экологического сознания молодежи, опирающегося на экологическое образование и культуру человека, на которые оказывают воздействие не только учебные заведения, но и семья. Формат рациональ-

ного экологического поведения формируется институтами, семьей, обществом с раннего детства (Римашевская и др., 2016). Необходимо сформировать экологически ответственное поведение, так как на современном этапе развития техногенной цивилизации практически исчерпан резерв способности природы к самоочищению (Фахретдинова, Замалетдинова, 2017). Современные технологические достижения спровоцировали экологический кризис, который явился следствием человеческой деятельности, ориентированной лишь на собственные интересы без учета возможности бережного обращения с природой. Именно поэтому экологическая повестка уходила «на задний план» при достижении новых волн индустриального развития. Для возникновения в социуме и в сознании каждого индивида экологической обеспокоенности потребовались годы и многократное обоснование необходимости видеть экологическую проблему в качестве доминантной задачи общества.

На современном этапе развития особую значимость приобретает экологическая устойчивость социально-экономических систем, под которой понимается достижение экологических целей концепции устойчивого развития (Замятина, Тишков, 2022), т. е. обеспечение качества окружающей среды, достаточного для удовлетворения потребностей текущего и будущих поколений (Бобылев и др., 2019). Отметим, что экологическая устойчивость выступает отдельным фактором устойчивого развития территории. На наш взгляд, экологически устойчивое развитие формирует такую социально-экономическую систему, которая характеризуется сохранением природного капитала региона (Селименков, Кузнецов, 2014).

Для российских регионов экологические вызовы являются актуальными несмотря на современные экзогенные и эндогенные факторы, влияющие на экономические, политические и социальные процессы в обществе. О необходимости использования

принципов ESG-менеджмента¹ уже сегодня не только при управлении предприятиями и фирмами, но и на муниципальном уровне все чаще говорят современные специалисты и топ-руководители предприятий. Такие подходы в перспективе станут важнейшим инструментом для реализации всех проектов в рамках управления, основанного на пространственном развитии и актуализации Концепции устойчивого развития, признанной мировым сообществом с 1992 года. Данная концепция – это парадигма развития современной цивилизации, в которой социальная, экономическая и экологическая составляющие взаимосвязаны, взаимозависимы, а их сбалансированность является основой устойчивого развития (Замятина, Тишков, 2022).

Концепция устойчивого развития была разработана и предложена к реализации в ООН в 2015 году. Период ее реализации назначен на 2015–2030 гг. Основная идея проекта заключалась в необходимости достижения определенных целей, а именно целей устойчивого развития (ЦУР). На тот момент данный документ имел важное значение для решения глобальных экологических проблем, так как увязывал воедино мировую экологическую повестку, систему управления на уровне как стран, так и предприятий, а также социальные задачи развития регионов (Рязанова, 2018). Вся деятельность ООН в период с 2005 по 2014 год была направлена на решение поставленных задач по достижению ЦУР. Были задействованы образовательные ресурсы для просвещения в вопросах экологии людей во всем мире (Scott, Stephen, 2003; Scott, Stephen, 2004). Задача создания устойчивого будущего для всех стран стала основной (Cotton et al., 2007).

В практике управления зарубежными предприятиями ЦУР прописываются на уровне стратегии развития. Более того, любые финансовые вложения (проекты) оцениваются с учетом изменяющихся институциональных условий на устойчивое развитие с учетом ESG-факторов. Такой подход отражается в стратегических планах развития большинства зарубежных компаний (Cinelli, 2020; Orlitzky, 2008; Yoon, Gurhan-Canli, 2003).

В России такая политика применяется в основном в организациях, которые работают с зарубежными партнерами на внешнем рынке, особенно в финансовом секторе. В 2006 году в Государственной Думе РФ были проведены парламентские слушания по вопросам о перспективах реализации Стратегии Европейской экономической комиссии ООН, прежде всего в сфере образования, в интересах устойчивого развития. Однако на практике в области реализации устойчивого развития (экологическая, экономическая, социальная составляющие) в российском образовании реализовывалась лишь экологическая составляющая. В числе поручений Президента РФ по итогам заседания Госсовета в 2017 году одним из пунктов стала необходимость включения базовых знаний в области охраны окружающей среды и устойчивого развития во ФГОСы (Замятина, Тишков, 2022).

В настоящее время для решения вопросов в экологической сфере достаточно много делается со стороны региональных властей и Правительства РФ: реализуются важные проекты и воплощаются принятые решения для улучшения экологии в регионах, в стране в целом. Например, в Московской области в 2016 году принята государственная программа «Экология и окружающая

¹ ESG-менеджмент (Environmental, Social, Governance – экологическая, социальная сфера и управление) – это принцип ведения деятельности (хозяйственной или инвестиционной) в соответствии с лучшими практиками корпоративного управления и с учетом ее благоприятного влияния на окружающую среду и общество. Аббревиатуру ESG можно расшифровать как «экология, социальная политика и корпоративное управление». В широком смысле это устойчивое развитие коммерческой деятельности, которое строится на следующих принципах: ответственное отношение к окружающей среде (англ., E – environment); высокая социальная ответственность (англ., S – social); высокое качество корпоративного управления (англ., G – governance). ESG-принципы – принципы деятельности, основанные на защите окружающей среды, создании благоприятных социальных условий, добросовестном отношении и надлежащем управлении. Источник: Портал РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/614b224f9a7947699655a435> (дата обращения 24.07.2023).

среда Подмосковья» на период 2017–2026 гг.² Данный документ разработан для охраны природных ресурсов и окружающей среды (водоемов, лесов) в Подмосковье. В нем утверждена региональная программа обращения с твердыми бытовыми отходами (ТБО) и промышленными отходами.

20 декабря 2022 года Правительство Московской области приняло постановление № 1410/47, которым внесены корректировки в отдельные разделы государственной программы Московской области «Экология и окружающая среда Подмосковья», реализуемой до 2026 года³, в связи с изменением актуальности тех или иных мер и мероприятий, запланированных и уже реализованных в рамках указанной программы. Например, в новую редакцию были внесены мероприятия по профилактической работе с борщевиком Сосновского. Причиной тому стало бесконтрольное распространение растения, являющегося угрозой как для сельского хозяйства, так и лесных массивов вследствие распространения в лесах Подмосковья.

Одним из наиболее острых и актуальных вопросов экологической повестки выступает проблема утилизации и переработки твердых бытовых отходов. Подпрограмма стартовала с 2016 года. Она постоянно модернизируется, в нее включаются дополнительные форматы работы. В современной практике российской переработки ТБО примерно до 40% может представлять собой сырье для вторичной переработки. В настоящее время в России лишь 8% ТБО перерабатывается, а остальное перевозится на полигоны. К середине 2022 года на территории Московской области было создано свыше 50 площадок «Мегабак».

Полученные в процессе реализации проекта «Мегабак» результаты уже в настоящее время доказали эффективность такого подхода: собрано более 100 тыс. куб. м вторичного сырья (из них за 2021 год более 50 тыс. куб. м, что свидетельствует о положительном эффекте от реформы обращения с ТКО⁴.

Все это в совокупности, конечно же, направлено на создание благоприятных экологических условий проживания/отдыха и т. д. жителей данного региона. Однако контролируемые меры носят чаще итоговый (отчетный) характер. Ситуация изменится в положительную сторону только в том случае, если сами граждане будут сознательно относиться к решению экологических проблем. Статистические данные подтверждают позитивный тренд более сознательного распределения бытовых отходов: большинство жителей занимаются сортировкой мусора, заранее планируют утилизацию крупных бытовых отходов и т. д.

Согласно результатам исследований, проведенных ВЦИОМ в конце 2021 года, большинство российских респондентов утверждают, что наибольшее негативное влияние на экологическую ситуацию в регионах их проживания оказывают расположение полигонов захоронения ТБО (свалки мусора), сложная транспортная обстановка и, как следствие, вредные выбросы. Также в качестве основных факторов влияния на экологическую обстановку указывались вырубка лесов (бесконтрольная) и деятельность коммерческих организаций (промышленных предприятий)⁵.

По аналогичной методике аналитики ВЦИОМ повторили опрос в начале 2023 года.

² Об утверждении государственной программы Московской области «Экология и окружающая среда Подмосковья» на 2017–2026 гг.: Постановление № 795/39 // Портал Правительства МО. URL: <https://mosreg.ru/download/document/71579> (дата обращения 03.04.2023).

³ О внесении изменений в государственную программу Московской области «Экология и окружающая среда Подмосковья» на 2017–2026 гг.: Постановление Правительства Московской области от 20 декабря 2022 г. № 1410/47 // Портал Правительства МО. URL: <https://mosreg.ru/download/document/1235290> (дата обращения 26.04.2023).

⁴ Свыше 50 площадок «Мегабак» работает в Московской области // Портал Правительства МО. URL: <https://mosreg.ru/sobytiya/novosti/organy/ministerstvo-zhilischno-kommunalnogo-hozyayst-v-podmoskove-rabotaet-59-ploshhadok-megabak> (дата обращения 26.04.2023).

⁵ Самый большой вред экологии наносят мусор и транспорт. Третье место делят промышленность и лесозаготовки / Аналитические обзоры. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/samui-bolshoi-vred-ehkologii-nanosjat-musor-i-transport-trete-mesto-deljat-promyshlennost-i-lesozagotovki> (дата обращения 26.04.2023).

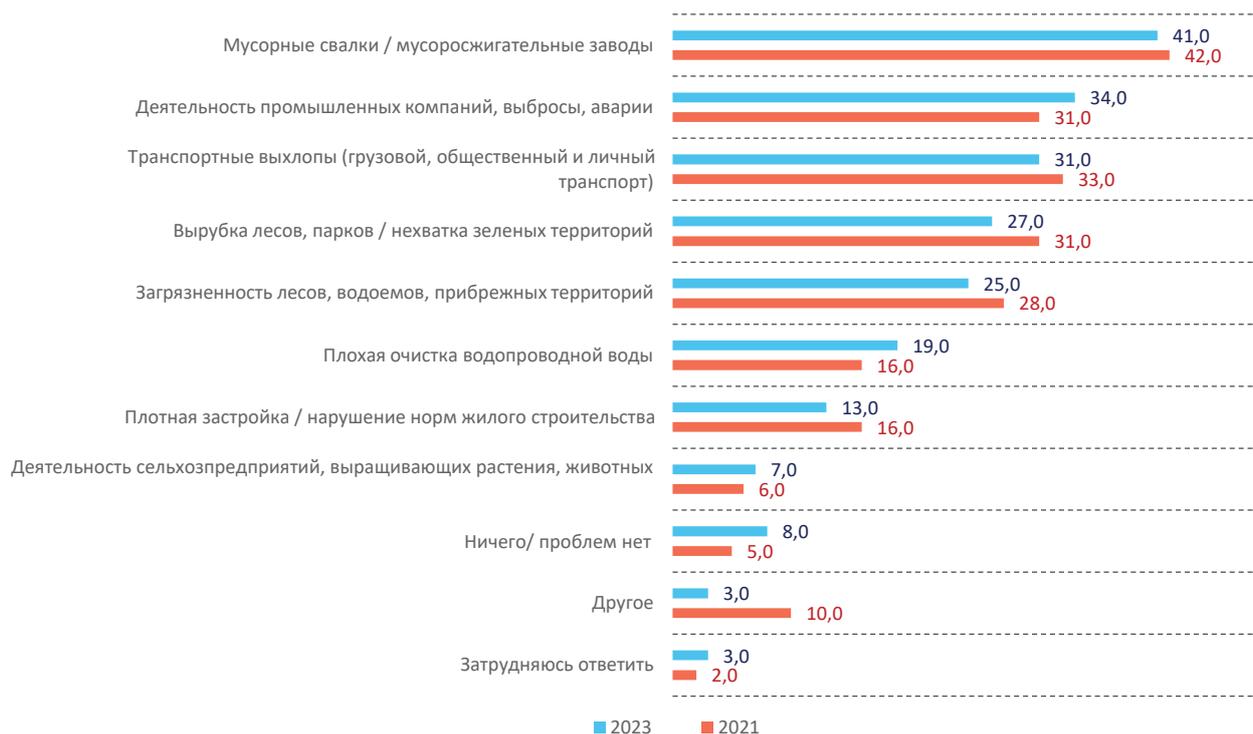

Рис. 1. Результаты ответов респондентов на вопрос «На Ваш взгляд, что оказывает наиболее сильное негативное влияние на экологическую ситуацию в Вашем регионе?», % от числа опрошенных

Источник: Экологическая ситуация и промышленная политика: актуальные акценты // Обзоры. 9 марта 2023 г. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskaja-situacija-v-rossii-monitoring-20230309> (дата обращения 10.04.2023).

Сравнительный анализ результатов опросов показал, что положительная динамика в оценках экологической ситуации стала отмечаться чаще не только на региональном уровне, но и в стране в целом. В исследованиях 2023 года нейтрально оценили ситуацию 40% респондентов (3 балла из 5, то есть, по мнению опрошенных, обстановку можно назвать «удовлетворительной»), в предыдущем году показатель составлял 44%. Положительных ответов на 4 и 5 баллов в 2023 году насчитывалась треть (34%); в 2021 году – 23%. Доля отрицательных ответов (1 и 2 балла) снизилась до 17%. Региональные оценки также повысились. В 2023 году 46% назвали экологическую обстановку «хорошей» (4 и 5 баллов), в 2021 году – 35%. В 2023 году 23% оценили ситуацию как «плохую» (1 и 2 балла), в 2021 году

таких было около трети. 30% «удовлетворены» (3 балла) экологической ситуацией в своем регионе⁶.

Полигоны ТБО и деятельность мусороперерабатывающих заводов, по мнению респондентов, являются основными источниками негативного воздействия на экологию. В 2023 году их отметил 41% опрошенных, как и в 2021 году. В пятерку негативных факторов, влияющих на ситуацию, включены промышленность (34%), проблемы транспорта и вредные выхлопы (31%), бесконтрольная вырубка лесов (27%) и их загрязнение (25%), а также загрязнение территорий около водоемов и самих водных ресурсов. Практически аналогичный перечень факторов был указан и в 2021 году (рис. 1).

В 2023 году 41% респондентов отметили, что сами люди, а именно их действие

⁶ Экологическая ситуация и промышленная политика: актуальные акценты // Обзоры. 9 марта 2023 г. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskaja-situacija-v-rossii-monitoring-20230309> (дата обращения 10.04.2023).

или бездействие, оказывают негативное воздействие на окружающую среду и экологию. В 2021 году подобный ответ дали 38% опрошенных. Почти четверть всех россиян считают, что бездействие властей регионов и местного руководства приводят к наиболее негативным последствиям для экологии. Негативное воздействие промышленных предприятий и «недоработка» социальных надзорных органов и служб также, по мнению 18% респондентов, негативно сказываются на ухудшении экологических условий проживания людей. Основные причины, сдерживающие изменение экологических показателей, россияне видят в недостаточном уровне ответственности самих людей в вопросах экологии (42%). Для исправления ситуации необходимо прежде всего повысить уровень экологической грамотности и ответственности граждан (38%). То есть россияне уверены, что переломить негативную тенденцию в регионах и стране можно только на основе просвещения через эффективную систему экологического образования. Только при таком подходе можно получить

надлежащий уровень экологической культуры и сознательности россиян, а также сформировать рациональное экологическое поведение у молодого поколения (рис. 2).

С одной стороны, «экологическая обстановка» – это общая проблема, решение которой зависит от властей, а с другой – результат непосредственного поведения каждого индивида, его сознательного и осознанного отношения к проблемам экологии. Именно поэтому сегодня все чаще говорят об экологическом поведении, которое определяется особенностями экологического сознания человека и основными практическими делами, умениями в области природопользования. Важно, что экологическое поведение каждого индивида предопределяет условия проживания всех людей в будущем на данной территории. От того, как новое поколение выстраивает рациональное экологическое поведение, зависит будущее, так как достаточно часто эгоцентрическое сознание индивида (бытовые нужды), расточительное отношение к природным ресурсам и бездействие в решении самых простых экологических задач (например, разделение мусора,

Рис. 2. Результаты ответов респондентов на вопрос «На Ваш взгляд, чьи действия или бездействие прежде всего приводят к ухудшению экологической ситуации?», % от числа опрошенных

Источник: Экологическая ситуация и промышленная политика: актуальные акценты // Обзоры. 9 марта 2023 г. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskaja-situacija-v-rossii-monitoring-20230309> (дата обращения 10.04.2023).

которое может организовать каждый человек) приводят к необратимым последствиям и загрязнению окружающей среды. Именно сегодня целесообразно задуматься о грамотном и эффективном экологическом просвещении, выстраивании образовательной траектории с учетом экологической проблематики (а также с учетом ЦУР) на всех уровнях подготовки с использованием всех доступных средств коммуникации: интернет-каналов, социальных сетей и СМИ.

Институтом социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римашевской в начале 2023 года было проведено пилотное исследование с целью определения отношения учащейся молодежи к собственному рациональному экологическому поведению, а также оценки роли и форматов ответственности за решение региональных экологических проблем.

Выборка носила случайный характер, объем 472 респондента. Выборка квотированная пропорционально половозрастному составу населения в исследуемых районах. Целевая аудитория: жители России в возрасте

16–20 лет. Географический охват: юго-восток Московской области (далее – ЮВ МО) – 56,2% (города: Коломна, Луховицы, Воскресенск, Егорьевск, Зарайск, Кашира, Ступино) и Рязанская область (далее – РО) – 43,8% (города: Рязань, Рыбное, Касимов, Сасово, Скопин, Рязжск). В исследовании приняли участие учащиеся общеобразовательных школ (старшие классы; 54,6% – на ЮВ МО, 52,1% – в РО) и учащиеся вузов (45,4% – ЮВ МО, 47,9% – РО). Опрос проводился по авторской методике. Было опрошено на ЮВ МО 43,5% респондентов мужского пола и 56,4% – женского; в РО 35,8 и 64,2% респондентов соответственно. Ошибка выборки с вероятностью 95% не превышает 2,5%. Метод опроса: анкетирование с применением GoogleForm, при котором опрашиваемый самостоятельно отвечает на вопросы и фиксирует ответы.

По мнению опрошенных, наиболее сильное негативное влияние на экологическую ситуацию в регионе оказывают мусорные свалки. Их отметили как в подмосковном, так и в рязанском регионе (63,2 и 69,1% респондентов соответственно; рис. 3).

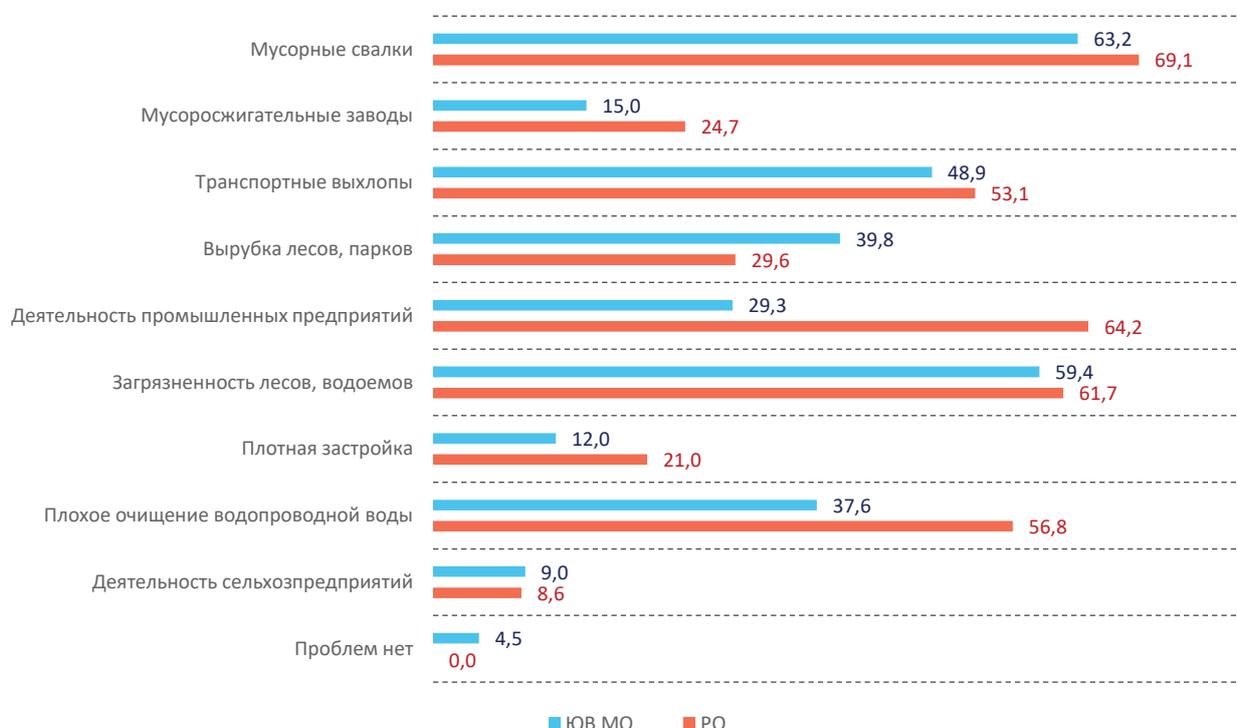

Рис. 3. Факторы, оказывающие наиболее сильное негативное влияние на экологическую ситуацию в регионе, по мнению респондентов, %
 Примечание: здесь и далее ЮВ МО – юго-восток Московской области; РО – Рязанская область.
 Источник: результаты исследований авторов, 2023 год.

На втором месте для ЮВ МО стоит проблема загрязненности лесов и водоемов (59,4%), а для РО – деятельность промышленных предприятий (64,2%). На третьем месте в ЮВ МО – неблагоприятная транспортная обстановка и загазованность от выхлопов автомобилей (48,9%); для РО третья по значимости проблема – загрязнение лесов и водоемов (61,7%). Для РО также актуальны вопросы транспортных выхлопов (53,1%), плохое качество воды (56,8%), деятельность мусоросжигательных заводов (24,7%); для ЮВ МО – вырубка лесов (39,8%), качество воды (37,6%) и деятельность промышленных предприятий (29,3%). Только 4,5% опрошенных ЮВ МО сказали, что экологических проблем нет. Среди жителей РО таких ответов не было (см. рис. 3).

Для улучшения экологической ситуации в регионе, по мнению учащейся молодежи, прежде всего необходимо повысить уровень экологической ответственности самих людей (74,4% – ЮВ МО, 85,2% – РО). Недостаточный контроль состояния окружающей среды и соблюдения экологических норм отметили 45,9% респондентов ЮВ МО, 69,1% – в РО. 41,4% опрошенных из ЮВ МО говорят о незаинтересованности власти в

улучшении экологических показателей, среди респондентов из РО таких больше – 58%. Причем столько же молодых людей из РО отметили низкий уровень экологической ответственности предприятий, в ЮВ МО такой ответ зафиксирован примерно у трети опрошенных (34,6%; рис. 4).

Четверть всех респондентов видят проблему в устаревшем оборудовании на региональных предприятиях. Треть в ЮВ МО отметили отсутствие (или неэффективность применения) законов, регулирующих экологические стандарты. Среди молодежи РО таких еще больше – 43,2%. Только 4,5% опрошенных сказали, что улучшению экологической обстановки в регионе (ЮВ МО) ничего не препятствует. Респондентами из РО такой вариант ответа не был выбран вообще (см. рис. 4).

Больше 85% всех опрошенных молодых людей уверены, что именно от действий самих граждан в большей мере зависит экологическая ситуация. 70,4% респондентов из РО и 56,4% – ЮВ МО возлагают ответственность на государственные структуры. Почти треть в обоих изучаемых регионах считает ответственными за изменение ситуации бизнес-структуры и производство. Пятая

Рис. 4. Основные препятствия на пути к улучшению экологической ситуации в регионе, по мнению респондентов, %

Источник: результаты исследований авторов, 2023 год.

часть (23,3% – ЮВ МО; 19,8% – РО) уверена, что необходимо усилить работу в данном направлении общественных (некоммерческих) организаций (рис. 5).

Для оценки экологической сознательности респондентов в рамках исследования задавался вопрос «Каким образом лично Вы выбрасываете бытовые отходы дома?». Более сознательной оказалась молодежь ЮВ МО: 37,6% сортируют бытовые отходы, складывая их в разные контейнеры, 21,8% даже относят отдельные фракции в пункты приема. Только половина респондентов из ЮВ МО выбрасывает весь бытовой мусор в один контейнер. Среди молодежи РО «не-сознательных» 84%, лишь 12,3% сортируют отходы (рис. 6).

Следует подчеркнуть, что 10% опрошенных из РО готовы разделять бытовые отходы, но у них нет возможности реализовать данное

стремление из-за отсутствия общедомовых контейнеров для отдельного сбора мусора. Такую услугу не предоставляют местные ЖКХ. Однако, как можно заметить, сознательность молодежи в РО невысока. Это связано не только с экологическим воспитанием и установками, формирующимися в семье, особое влияние оказывает специфика обсуждения проблем в учебных заведениях (рис. 7).

В учебных заведениях отсутствуют занятия у 44,4% респондентов из РО, на которых обсуждались бы практики и решения экологических проблем региона проживания. Лишь 38,8% опрошенных из Рязанской области обсуждали обозначенную проблематику на уроках (в школах), лекциях (в вузах) и практических занятиях по экологии. На ЮВ МО вопросы экологии обсуждались, совместно с учащимися вырабатывались решения. Практически по всем вариантам

Рис. 5. Перечень субъектов, от действий которых зависит принятие решений по вопросам экологии, по мнению респондентов, %

Источник: результаты исследований авторов, 2023 год.

Рис. 6. Способы утилизации собственных бытовых отходов, %

Источник: результаты исследований авторов, 2023 год.

Рис. 7. Форматы обсуждения экологических проблем в учебном заведении респондентов, %
 Источник: результаты исследований авторов, 2023 год.

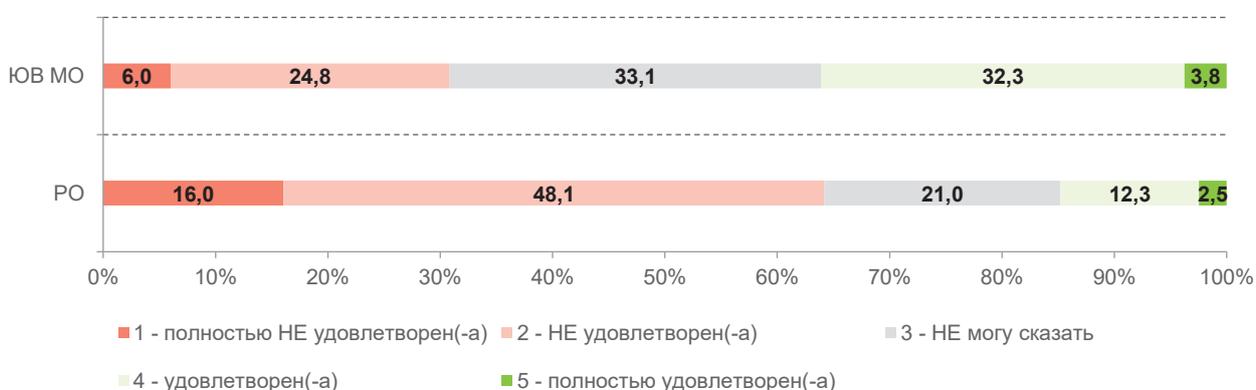

Рис. 8. Оценка удовлетворенности респондентов текущим состоянием экологической ситуации в месте проживания (населенном пункте), %
 Источник: результаты исследований авторов, 2023 год.

доли ответов респондентов ЮВ МО превышают доли ответов по РО в 2–3 раза. Лишь 13,5% учащейся молодежи на ЮВ МО дали ответ «Такой практики не существует».

Одна из задач исследования заключалась в оценке удовлетворенности респондентов текущим состоянием экологической ситуации в своем регионе (городе). Результаты оценки по пятибалльной шкале (где «1» – полностью не удовлетворен(-а); «2» – не удовлетворен(-а); «3» – не могу сказать; «4» – удовлетворен(-а); «5» – полностью удовлетворен(-а)) приведены на рис. 8.

В меньшей степени удовлетворены экологической ситуацией в своем регионе респонденты из РО – более 60% из опрошенных дали ответ «полностью не удовлетворены» и «не удовлетворены». Среди молодежи ЮВ МО таковых около 30%. Треть респондентов ЮВ МО и пятая часть молодых людей РО не

смогли определиться с ответом. 36,1% на ЮВ МО и 14,8% в РО сказали, что удовлетворены или полностью удовлетворены состоянием экологии в своем регионе.

Таким образом, в ходе авторского исследования по вопросам рационального экологического поведения молодежи и оценке восприятия ответственности за экологическую обстановку на уровне регионов выявлено, что 45% респондентов из двух изучаемых областей не удовлетворены экологической ситуацией в своем регионе. Для сопоставления результатов исследований с данными ВЦИОМ аналогичным образом была пересчитана шкала оценки удовлетворенности респондентов текущим состоянием экологической ситуации в регионе (населенном пункте; рис. 9).

Исследования ВЦИОМ показали, что в среднем по регионам страны 23% жителей

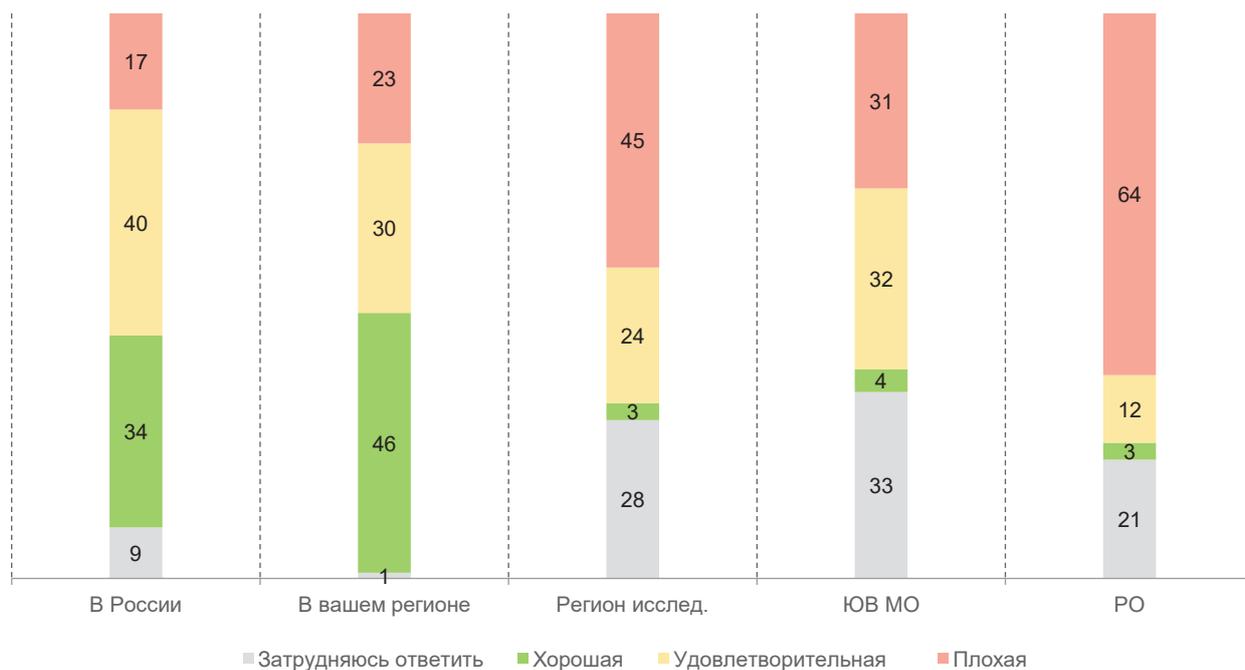

Рис. 9. Оценка удовлетворенности респондентов текущим состоянием экологической ситуации в своем регионе (населенном пункте), 2023 год, %

Источники: Экологическая ситуация и промышленная политика: актуальные акценты // Обзоры. 9 марта 2023 г. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskaja-situacija-v-rossii-monitoring-20230309> (дата обращения 10.04.2023); результаты исследований авторов, 2023 год.

считают экологическую обстановку плохой. Усредненная оценка по исследуемым нами регионам почти в два раза отличается от результатов ВЦИОМ. В значительной степени это связано с РО, где более 64% респондентов негативно оценили экологическую обстановку. Согласно данным ВЦИОМ, хорошей назвали экологическую ситуацию 46% опрошенных, однако по результатам нашего авторского исследования таковых лишь 3%.

Среди респондентов много «неопределившихся». Однако это объективный показатель, т. к. среди представителей учащейся молодежи мало тех, кто задумывается о важности решения экологических задач в месте проживания. Вряд ли можно предположить, что «неопределившиеся» могут положительно оценить экологическую обстановку исходя из анализа результатов других вопросов анкеты, когда в большей степени преобладали «удовлетворительные» оценки. Разница в полученных результатах по пограничным территориям лишний раз доказывает актуальность и необходимость проведения именно региональных срезов, так как экологиче-

ская составляющая даже в пределах одной области может значительно отличаться. На это оказывает значительное влияние расположение на территориях объектов промышленности (особенности производств), федеральных трасс, полигонов ТБО и мусороперерабатывающих заводов. Если на территории МО в данный момент наличие и «качество» работы полигонов ТБО контролируются и регламентируются, а вопрос мусороперерабатывающих заводов курирует руководство Москвы, то в Рязанской области требуется значительная модернизация большинства полигонов и строительство мусороперерабатывающих заводов последнего поколения.

Несмотря на разницу в подходах по переработке и утилизации мусора в рассматриваемых регионах, респонденты отметили наибольшее негативное влияние мусорных свалок на ухудшение экологической ситуации в регионе. Также названы проблемы загрязненности лесов и водоемов, неблагоприятная транспортная обстановка, наличие у предприятий устаревших технологий и несоблюдение или даже нарушение

законодательства в экологической сфере. Очевидно, что для преломления ситуации и улучшения экологии в регионе необходимы новые подходы к формированию осознанного экологического поведения, прежде всего у молодого поколения, от которого в будущем будет зависеть качество жизни, а также возможность реализации принципов устойчивого развития. В связи с этим на первое место выходят экологическое образование и самосознательность граждан. Молодое поколение рассматриваемых регионов указывает на необходимость повышения уровня экологической ответственности самих людей, а также изменение контроля (в сторону усиления) над состоянием окружающей среды и соблюдением экологических норм со стороны руководства территорий. Причем большинство опрошенных уверены, что именно от действий самих граждан в большей мере зависит экологическая ситуация в регионе и стране в целом.

Очевидно, что позитивной динамики в решении задач экологической повестки можно достичь при условии правильного формирования экологического сознания (экоцентрического) и позиции (этико-экологической) (Бегидова, Макрушина, 2014). Эти две составляющие станут основой для ответственного экологического поведения

нынешнего молодого поколения. Следует акцентировать внимание на угрозах личному здоровью граждан, так как обычно это позволяет усилить «правильную» экологическую позицию (ориентированность) общества. На всех уровнях управления и во всех сферах деятельности необходимо активизировать природоохранную деятельность и организовывать мероприятия, создавать специальные условия, для того чтобы люди, особенно молодежь, могли принимать участие в реализации экологических мероприятий и проектов. Причем это нужно делать не только в рамках образовательных организаций, но и на предприятиях, с привлечением социальных институтов, некоммерческих объединений и организаций.

Проведенное пилотное авторское исследование является некой итерацией в решении обозначенных проблем. Авторы планируют продолжить исследования в этом направлении и усовершенствовать инструментарий, а также расширить выборку и региональный охват. Ценность результатов на данном этапе исследования заключается в изучении региональной специфики обозначенной проблемы, а полученные выводы могут быть использованы региональными властями для решения задач по улучшению экологической ситуации в регионах.

ЛИТЕРАТУРА

- Ануфриев В.П., Пономарев А.В. (2020). Экологическое образование молодежи. Проблемы и перспективы // Педагогический журнал. Т. 10. № 3А. С. 273–285. DOI: 10.34670/AR.2020.50.41.110
- Аутлева А.Н., Шорова Ж.И. (2019). Химический эксперимент как средство экологического образования обучающихся // International Independent Scientific Journal. № 9-1 (9). С. 27–30.
- Бегидова С.Н., Макрушина И.В. (2014). Структура экологического сознания // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Сер. 3: Педагогика и психология. № 3 (143). С. 14–21.
- Бобылев С.Н., Соловьева С.В., Палт М.В., Ховавко И.Ю. (2019). Индикаторы цифровой экономики в Целях устойчивого развития для России // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. № 4. С. 24–41.
- Гимазетдинова А.Х., Сабирзянов А.М. (2014). Экологическое сознание в структуре ситуационной картины мира // Казанская наука. № 12. С. 123–125.
- Дзятковская Е.Н. (2013). О понятийно-терминологическом аппарате экологического образования // Экологическое образование: до школы, в школе, вне школы. № 1. С. 10–18.
- Замятина М.Ф., Тишков С.В. (2022). ESG-факторы в стратегиях компаний и регионов России и их роль в региональном инновационном развитии // Вопросы инновационной экономики. Т. 12. № 1. С. 501–518. DOI: 10.18334/vinec.12.1.114369

- Панов В.И., Лидская Э.В. (2012). Концепция устойчивого развития: экологическое мышление, сознание, ответственность // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер.: Социально-экологические технологии. № 1. С. 38–50.
- Петрова Е.А., Микрюков В.О. (2019) Проблема экологического воспитания и образования подрастающей молодежи в современной России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 12-2 (39). С. 49–52. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-11883
- Римашевская Н.М., Медведева Е.И., Крошилин С.В. [и др.] (2016). Здоровье молодежи: сравнительное исследование Россия, Беларусь, Польша: кол. монография. Москва: Экон-Информ. 214 с.
- Рязанова Н.Е. (2018). Цели устойчивого развития ООН и модернизация профессионального экологического образования: практико-ориентированный подход // Образование и образованный человек в XXI веке. № 2. С. 13–23. DOI: 10.17805/zpu.2018.2.2
- Селименков Р.Ю., Кузнецов А.П. (2014). Проблемы экологически устойчивого развития территории // Проблемы развития территории. № 3 (71). С. 105–115.
- Титаренко Л.Г. (2015). Экологический аспект образа жизни: основные ценности и типы поведения // Социологические исследования. № 2 (370). С. 106–112.
- Тобоев А.И. (2015). Понятие экологического сознания // Гуманитарные исследования. № 3 (7). С. 23–26.
- Фахретдинова А.Б., Замалетдинова Л.Р. (2017). Экологическое сознание современной молодежи // Вестник экономики, права и социологии. № 1. С. 173–175. DOI: <https://doi.org/10.18454/VEPS.2017.1.5521>
- Хорошавин Л.Б., Бадьина Т.А., Бадьин И.Д. (2014). Интерактивные технологии в экологическом образовании в высшей школе // Техносферная безопасность. № 3 (4). С. 60–64.
- Яо Л.М. (2017). Экологическое образование молодежи для устойчивого развития Республики Татарстан (на материале социологических исследований) // Управление устойчивым развитием. № 4 (11). С. 65–74.
- Cinelli S.A. (2020). Real estate crowdfunding: 2015 and beyond. Foreign direct investments: Concepts, methodologies, tools, and applications. *IGI Global*, 720–747. Available at: <https://doi.org/10.4018/978-1-7998-2448-0.ch031>
- Cotton D.R.E., Warren M.F., Maiboroda O., Bailey I. (2007). Sustainable development, higher education and pedagogy: A study of lecturers' beliefs and attitudes. *Environmental Education Research*, 13, 579–597. Available at: <https://doi.org/10.1080/13504620701659061>
- Orlitzky M. (2008). *Corporate social performance and financial performance: A research synthesis*. Oxford: Oxford University Press, 113–134.
- Scott W., Stephen G. (2003). *Sustainable development and learning: Framing the issues*. London; New York, Routledge Falmer.
- Scott W., Stephen G. (eds.) (2004). *Key Issues in Sustainable Development and Learning*. London; New York: Routledge Falmer.
- Yoon Y., Gurhan-Canli Z. (2003). Negative consequences of doing good: The effects of perceived motives underlying corporate social responsibility. *Advances in consumer research*: In: Keller P.A., Rook D.W. (eds.). *Advances in consumer research – 33rd Annual Conference of the Association-for-Consumer-Research*, 30, 323–324.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Елена Ильинична Медведева – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римашевской Федерального научного исследовательского социологического центра РАН (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32); научный сотрудник, Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы (Российская Федерация, 115088, г. Москва, ул. Шарикоподшипниковская, д. 9); e-mail: e_lenam@mail.ru

Сергей Викторович Крошилин – кандидат технических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римашевской Федерального научного исследовательского социологического центра РАН (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32); научный сотрудник, Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы (Российская Федерация, 115088, г. Москва, ул. Шарикоподшипниковская, д. 9); доцент, Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова (Российская Федерация, 390026, г. Рязань, ул. Высоковольтная, д. 9); e-mail: krosh_sergey@mail.ru

Medvedeva E.I., Kroshilin S.V.

YOUTH'S CONSCIOUS ENVIRONMENTAL BEHAVIOR WITHIN THE FRAMEWORK OF SUSTAINABLE TERRITORIAL DEVELOPMENT

Ecological behavior is determined by consciousness, features of ecological culture and upbringing of an individual. In this case, an important role is played by enlightenment and education, which further influence the rationality of deeds, specific actions or inaction, a person's own responsible and thrifty attitude to the environment and nature. Today, the environmental agenda is a relevant component not only in building socio-economic relations, but also in the political aspect, as more and more often it is ESG-principles that become dominant in making political decisions. The aim of the research is to determine the youth's attitude to their own rational environmental behavior, as well as to assess the role and formats of responsibility for solving environmental problems at the regional level. We use our own tools (questionnaire) to conduct a pilot study in two regions: in the south-east of the Moscow Oblast and in the Ryazan Oblast. Despite the fact that the regions border each other, we have revealed fundamentally different points of view on many issues. The uniqueness of the work lies in the fact that we have compared the obtained results with the results of similar studies by VCIOM. The average assessment of the studied regions differs almost twice from the comparison base. This difference proves the necessity of local regional cross-sections, as only in this case it is possible to identify regional features. The value of our results (at this stage of the research) lies in the study of regional specifics of the identified problem. The obtained data and survey methodology can be used by specialists and regional authorities to address environmental issues.

Ecological behavior, ecology, health, conscious ecological behavior, sustainable development of territories, socio-economic problems.

REFERENCES

- Anufriev V.P., Ponomarev A.V. (2020). Environmental education of young people. Problems and prospects. *Pedagogicheskiy zhurnal=Pedagogical Journal*, 10(3A), 273–285. DOI: 10.34670/AR.2020.50.41.110 (in Russian).
- Autleva A.N., Shorova Zh.I. (2019). Chemical experiment as a means of environmental education of students. *International Independent Scientific Journal*, 9-1(9), 27–30 (in Russian).
- Begidova S.N., Makrushina I.V. (2014). Structure of ecological consciousness. *Vestnik Adygeiskogo gos. un-ta. Ser. 3: Pedagogika i psikhologiya*, 3(143), 14–21 (in Russian).
- Bobylev S.N., Solovyeva S.V., Palt M.V., Khovavko I.Yu. (2019). The digital economy indicators in the sustainable development goals for Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 6: Ekonomika=Moscow University Bulletin*, 4, 24–41 (in Russian).
- Cinelli S.A. (2020). Real estate crowdfunding: 2015 and beyond. Foreign direct investments: Concepts, methodologies, tools, and applications. *IGI Global*, 720–747. Available at: <https://doi.org/10.4018/978-1-7998-2448-0.ch031>
- Cotton D.R.E., Warren M.F., Maiboroda O., Bailey I. (2007). Sustainable development, higher education and pedagogy: A study of lecturers' beliefs and attitudes. *Environmental Education Research*, 13, 579–597. Available at: <https://doi.org/10.1080/13504620701659061>
- Dzyatkovskaya E.N. (2013). On the conceptual and terminological apparatus of environmental education. *Ekologicheskoe obrazovanie: do shkoly, v shkole, vne shkoly*, 1, 10–18 (in Russian).
- Fakhretdinova A.B., Zamaletdinova L.R. (2017). Ecological consciousness of modern youth. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 1, 173–175. DOI: 10.18454/VEPS.2017.1.5521 (in Russian).
- Gimazetdinova A.Kh., Sabirzyanov A.M. (2014). Environmental consciousness in structure of the situational picture of the world. *Kazanskaya nauka*, 12, 123–125 (in Russian).
- Khoroshavin L.B., Bad'ina T.A., Bad'in I.D. (2014). Interactive technology in environmental education in higher education. *Tekhnosfernaya bezopasnost'*, 3(4), 60–64 (in Russian).
- Orlitzky M. (2008). *Corporate social performance and financial performance: A research synthesis*. Oxford: Oxford University Press, 113–134.
- Panov V.I., Lidskaya E.V. (2012). The concept of sustainable development: Ecological thinking, consciousness, responsibility. *Vestnik MGGU im. M.A. Sholokhova. Ser.: Sotsial'no-ekologicheskie tekhnologii*, 1, 38–50 (in Russian).
- Petrova E.A., Mikryukov V.O. (2019) The problem of environmental education and education of young people in modern Russia. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk=International Journal of Humanities and National Sciences*, 12-2(39), 49–52. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-11883 (in Russian).
- Rimashevskaya N.M., Medvedeva E.I., Kroshilin S.V. et al. (2016). *Zdorov'e molodezhi: sravnitel'noe issledovanie Rossiya, Belarus', Pol'sha: kol. monografiya* [Youth Health: Comparative Study Russia, Belarus, Poland: Collective Monograph]. Moscow: Ekon-Inform.
- Ryazanova N.E. (2018). UN sustainable development goals and modernization of professional environmental education: Practice-oriented approach. *Obrazovanie i obrazovanniye chelovek v XXI veke*, 2, 13–23. DOI: 10.17805/zpu.2018.2.2 (in Russian).
- Scott W., Stephen G. (2003). *Sustainable development and learning: Framing the issues*. London; New York, Routledge Falmer.
- Scott W., Stephen G. (Eds.) (2004). *Key Issues in Sustainable Development and Learning*. London; New York: Routledge Falmer.
- Selimenkov R.Yu., Kuznetsov A.P. (2014). Environmentally sustainable development issues. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory Development*, 3(71), 105–115 (in Russian).

- Titarenko L.G. (2015). Ecological aspect of way of life: Basic values and behavior types. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 2(370), 106–112 (in Russian).
- Toboev A.I. (2015). The concept of ecological consciousness. *Gumanitarnye issledovaniya*, 3(7), 23–26 (in Russian).
- Yao L.M. (2017) Environmental education of youth for sustainable development of the Republic of Tatarstan (based on sociological research). *Upravlenie ustoichivym razvitiem*, 4(11), 65–74 (in Russian).
- Yoon Y., Gurhan-Canli Z. (2003). Negative consequences of doing good: The effects of perceived motives underlying corporate social responsibility. *Advances in consumer research*: In: Keller P.A., Rook D.W. (Eds.). *Advances in consumer research – 33rd Annual Conference of the Association-for-Consumer-Research*, 30, 323–324.
- Zamyatina M.F., Tishkov S.V. (2022). ESG factors in the strategies of companies and regions of Russia and their role in regional innovation development. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki*, 12(1), 501–518. DOI: 10.18334/vinec.12.1.114369 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena I. Medvedeva – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation); Researcher, Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management (9, Sharikopodshipnikovskaya Street, Moscow, 115088, Russian Federation); e-mail: e_lenam@mail.ru

Sergei V. Kroshilin – Candidate of Sciences (Engineering), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation); Researcher, Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management (9, Sharikopodshipnikovskaya Street, Moscow, 115088, Russian Federation); Associate Professor, Ryazan State Medical University named after Academician I.P. Pavlov (9, Vysokovoltnaya Street, Ryazan, 390026, Russian Federation); e-mail: krosh_serгей@mail.ru

DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.5

УДК 338.48 | ББК 65.433

© Леонидова Е.Г.

ТЕНДЕНЦИИ ПОТРЕБЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЕМ ТУРИСТСКИХ УСЛУГ В РЕГИОНАХ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

ЕКАТЕРИНА ГЕОРГИЕВНА ЛЕОНИДОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: eg_leonidova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9206-6810; ResearcherID: I-8400-2016

Для Российской Федерации характерны сильные диспропорции потребления турпродуктов: основной спрос россиян приходится на несколько дестинаций. В контексте выполнения целей национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» интерес представляет выявление тенденций потребления населением туристских услуг Северо-Западного федерального округа, что и стало целью исследования. Для ее реализации был выполнен анализ спроса на туристские услуги макрорегиона со стороны его жителей и граждан страны в целом, определены ограничения и ключевые риски потребления туристских услуг, предложены направления по развитию туризма в субъектах округа. Результаты проведенного исследования позволили констатировать значительный уровень дифференциации развития туризма в субъектах СЗФО. В ходе анализа были выявлены территории округа, в которых возможно наращивание объема потребления туристских услуг, для чего предложен комплекс соответствующих направлений. Научная новизна исследования состоит в необходимости раскрытия современных закономерностей потребления населением туристских услуг СЗФО и обосновании путей развития регионального туризма, способствующих росту востребованности туристских продуктов среди населения и повышению их конкурентоспособности. Информационной базой послужили работы ученых, занимающихся проблематикой стимулирования туристского потребления, в том числе на примере Северо-Западного федерального округа, а также сведения органов государственной статистики, данные Всемирной туристской организации, результаты социологических опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения и Фонда общественного мнения.

Для цитирования: Леонидова Е.Г. (2023). Тенденции потребления населением туристских услуг в регионах Северо-Западного федерального округа // Проблемы развития территории. Т. 27. № 5. С. 59–78. DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.5

For citation: Leonidova E.G. (2023). Trends in the consumption of tourist services in the Northwestern Federal District regions. *Problems of Territory's Development*, 27 (5), 59–78. DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.5

В ходе исследования применялись методы сравнительного анализа и синтеза, экономического и статистического анализа. Материалы статьи представляют практический интерес для органов власти и управления, способствуя большему пониманию текущего положения в отношении тенденций потребления населением туристских услуг Северо-Западного федерального округа в связи с существующими ограничениями официальной статистики и последующей разработки направлений его стимулирования.

Туристские услуги, туризм, внутренний туризм, СЗФО, потребление.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья выполнена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0012 «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды».

Введение

Туризм является одной из сфер экономики, способной обеспечить высокий мультипликативный эффект и выступить драйвером развития территорий. Потребление туристских услуг как особая экономическая категория (Thano, Kote, 2015) представляет собой расходы на приобретение ряда товаров и услуг в месте пребывания, обусловленные спросом туристов. Индустрия туризма обеспечивает экономическую активность в мире. В допандемийном 2019 году на сектор путешествий и туризма приходилось более 10% мирового ВВП, однако из-за ограничений, связанных с COVID-19, эта доля снизилась до 7,6% в 2022 году¹. Долгосрочным мировым трендом является доминирование внутренних туристских расходов по сравнению с международными: в среднем их доля в 2021 году составила 85%, увеличившись по сравнению с 2019 годом на 13%². Так, в США в 2021 году 94,8% всех расходов на туризм осуществлены гражданами внутри страны, в Китае этот показатель составил 97%, в Великобритании – 96,2%³. В рейтинге стран мира по данному показателю Россия находилась на 14-й позиции (86,9%). В то же время по размеру дохода

от туристской отрасли она уступает многим государствам. Например, в США общий вклад сектора туризма и путешествий в 2021 году составил 1271,2 млн долларов США, в Китае – 814,3 млн долларов США, в России – 66 млн долларов США⁴.

В 2022–2023 гг. на российский рынок туризма оказывала влияние нестабильная геополитическая обстановка, что привело к сокращению объемов выездного туризма из-за введения визовых ограничений, отсутствия прямых авиарейсов, сложностей с обслуживанием российских самолетов из-за санкций, а также к существенному снижению числа въезжающих в Россию туристов. Так, их количество за 2019–2022 гг. сократилось в 25,5 раза и составило по итогам 2022 года порядка 200 тыс. человек, что намного меньше, чем в «ковидные» 2020 и 2021 гг. Это негативно отразилось на работе предприятий сферы туризма, уменьшив их вклад в экономику. В таких условиях основным драйвером развития отрасли стал внутренний туризм, которому в последнее время органы власти уделяют особое внимание в связи с реализацией национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства». Одной из приоритетных целей проекта является удвоение к 2035 году количества пу-

¹ World Tourism Organization (2022). Impact Assessment of the COVID-19 Outbreak on International Tourism. URL: <https://www.unwto.org/impact-assessment-of-the-COVID-19-outbreak-on-international-tourism>

² World Travel & Tourism Council. Economic Impact 2022: Global Trends. URL: <https://wtcc.org/Portals/0/Documents/Reports/2022/EIR2022-Global%20Trends.pdf>

³ Там же.

⁴ Statistical Bulletin of Rosstat for World Tourism Day – 2022. URL: https://eng.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Statistical%20bulletin%20of%20Rosstat%20for%20World%20Tourism%20Day_2022%20Eng.pdf

тешествий граждан России по стране до 140 млн поездок в год.

Известно, что для Российской Федерации характерны сильные диспропорции потребления турпродуктов: основной спрос россиян приходится на несколько направлений. В связи с этим актуализируется потребность в исследовании востребованности населением туристских услуг перспективных с точки зрения развития туризма территорий. К таковым относится Северо-Западный федеральный округ, обладающий высоким туристско-рекреационным потенциалом. Все субъекты макрорегиона⁵ вовлечены в реализацию межрегионального историко-культурного проекта «Серебряное ожерелье России»⁶. Таким образом, интерес представляет выявление тенденций потребления населением туристских услуг Северо-Запада в контексте выполнения целей национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства», что и стало целью исследования. Для ее реализации проанализирован спрос на туристские услуги⁷ макрорегиона со стороны жителей страны и СЗФО, определены ограничения и ключевые риски потребления туристских услуг, предложены направления по развитию туризма в исследуемых субъектах.

Информационной базой послужили работы ученых, занимающихся проблематикой стимулирования туристского потребления, в том числе на примере Северо-Западного федерального округа, а также сведения органов государственной статистики, данные Всемирной туристской организации, результаты социологических опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения и Фонда общественного мнения. В ходе исследования применялись методы сравнительного анализа и синтеза, экономического и статистического анализа.

Теоретико-методологические основы исследования

Анализ трудов зарубежных авторов позволил выявить усиление интереса к исследованию внутреннего туризма после пандемии COVID-19, в условиях которой он не только стал катализатором восстановления сектора туризма во многих странах (Rogerson, Rogerson, 2021), оказавшись более устойчивым к влиянию COVID-19, чем международный туризм (Duro et al., 2022), но и выступил как важнейший элемент восстановления экономики в целом после пандемии (Arbulú et al., 2021; Gossling et al., 2021; Kreiner, Ram, 2021; Wojo, 2021). В некоторых работах указывается, что внутренний туризм характеризуется внутренним спросом и внутренним предложением, относительно независимыми от международных потрясений, что наряду с его преимуществами для экономики (создание рабочих мест, вклад в инвестиции и производство) является фактором для снижения экономической уязвимости (Nguyen, Su, 2020).

В России в последнее время отмечен интерес к исследованию внутреннего туризма и его экономической оценке. Авторами поднимается проблема поиска новых стратегических векторов его развития в изменившихся геополитических условиях. Констатируется, что без целевого роста доходов граждан выполнение цели нацпроекта «Туризм и индустрия гостеприимства» по достижению к 2030 году двукратного роста числа путешествий по стране маловероятно: из-за низкого уровня доходов граждан спрос на туризм пока не имеет оснований для увеличения, а выполнение заявленных показателей возможно лишь за счет роста частоты поездок платежеспособного населения (Симонян, Сарян, 2022). То, что снижение покупательной способности остается сдерживающим фактором для развития внутреннего туризма,

⁵ В исследовании под термином «макрорегион» понимаются административные границы федеральных округов Российской Федерации.

⁶ На Северо-Запад России поехали больше экскурсионных туристов. URL: <https://www.atorus.ru/node/48021> (дата обращения 01.06.2023).

⁷ Анализ спроса на туристские услуги проведен на основе статистических данных, характеризующих востребованность населением коллективных средств размещения, а также результатов социологических опросов, посвященных предпочтениям россиян в отношении направлений внутреннего туризма.

указывается и в других исследованиях (Донскова и др., 2022). Отмечаются различия между территориями с точки зрения доступности туруслуг для населения (Морошкина, Кондратьева, 2021), внутрирегиональные диспропорции между величиной турпотока и развитостью туристской инфраструктуры (Иванов и др., 2022).

Российские ученые уделяют довольно много внимания раскрытию перспектив развития туризма Северо-Запада России. Так, С.В. Кондратьева подчеркивает, что одним из ограничений роста турпотока в регион является слабая узнаваемость турпродукта на внутреннем рынке (Кондратьева, 2022). Она отмечает важность удовлетворения потребностей в отдыхе и туризме местного населения на основе туристских ресурсов региона (Виды туризма ..., 2022). В других исследованиях обозначено, что туристский рынок региона находится на стадии развития, которое сдерживается слабой транспортной доступностью (Орлова, 2021), недостатком туристской инфраструктуры, дороговизной туруслуг и сложными климатическими условиями (Яковчук, 2020).

Однако в то же время многими исследователями выявлены привлекательные для туристов точки роста, способствующие притоку туристов в регион. В качестве таковых выступает потенциал гастрономического и этнографического туризма (Поспелова, Кутыева, 2022), создание межрегиональных туристских маршрутов (Кожевников, Секушина, 2021).

Обобщая работы по оценке востребованности туристских ресурсов региона населением, следует отметить, что они базируются главным образом на данных официальной статистики, характеризующей состояние инфраструктуры отрасли (средств размещения, турфирм, предприятий общественного питания, транспорта, туристско-информационных центров). Стоит отметить, что сведения Росстата остаются основным источником информации о развитии туризма, хоть и нуждаются в расширении и детализации (Леонидова, Сидоров, 2019; Овчаров, 2014; Овчаров, 2021). При

этом при анализе зачастую используются абсолютные показатели, которые не всегда объективно отражают состояние изучаемого объекта. Анализ немногочисленных работ по проблематике туристской отрасли субъектов СЗФО, в которых применялся расчет относительных индикаторов с учетом численности населения, показал, что авторами выводы сформулированы на основании либо неполных данных, характеризующих объекты инфраструктуры туризма (Иванов и др., 2022), либо на узком временном интервале, не включающем оценку состояния туризма в регионе в постпандемийный период (Леонидова, 2022). Кроме того, зачастую исследования по данной проблематике не включают в себя результаты социологических опросов, что существенно сказывается на выводах. Таким образом, нами учтены вышесказанные аспекты, что существенно повышает значимость полученных результатов и является основой для формирования дальнейшего вектора развития туризма СЗФО.

Оценка спроса населения на туристские услуги округа была проведена на основе статистических данных, характеризующих деятельность коллективных средств размещения (КСР), а именно:

- число россиян, остановившихся в КСР, на 1000 жителей территории;
- количество ночевок лиц, остановившихся в КСР, на 1000 жителей территории.

Для выявления ограничений потребления населением туристских услуг макро-региона были использованы показатели, отражающие уровень цен на услуги внутреннего туризма и доходов населения, обеспеченность исследуемых субъектов туристской инфраструктурой (число мест в КСР). Данные индикаторы достаточно объективно отражают сложившиеся тенденции в отношении спроса, социально-экономическую ситуацию, пригодны для сопоставления во временной динамике. Полученные выводы подкреплены результатами анализа социологических исследований.

Результаты исследования

Возможности официальной российской статистики по туризму весьма ограничены. Объективно оценить объем внутреннего туристского потока затруднительно, так как рассчитываемые Росстатом индикаторы спроса населения на гостиничную инфраструктуру, в том числе введенный в 2022 году показатель «внутренний туристский поток по Российской Федерации», основаны на сведениях гостиничных предприятий о числе поездок, а не количестве путешественников. При анализе публикуемой статистической информации стоит учитывать, что она отражает интенсивность туристских поездок, в целом соответствуя международной практике. Это предполагает, что в данном случае один и тот же турист за определенный промежуток времени может совершить несколько поездок с целью отдыха, которые учитываются в итоге. Также в российской статистике не учитываются посетители, которые не останавливаются в месте пребывания на ночевку (экскурсанты), и путешественники, выбирающие услуги размещения в частном секторе, что является ограничением данного исследования. В связи с вышесказанным основным источником информации, характеризующей реальный

объем потребления туристских услуг, остаются статистические данные коллективных средств размещения.

Результаты оценки спроса россиян на услуги средств размещения СЗФО

Всего за двадцатилетний период наблюдений в среднем по стране внутренний турпоток увеличился в 3,1 раза, в то время как в СЗФО – в 3,6 раза (рис. 1). За анализируемый период доля макрорегиона в общем внутреннем турпоток не превышала 13,9% (показатель 2009 года).

В абсолютных значениях по итогам 2022 года, как и двумя годами ранее, лидером в стране стал Центральный федеральный округ, в гостиницах которого разместились 20 млн чел., т. е. 28% от всего внутреннего турпоток в стране (рис. 2). Гостиничный сектор Северо-Запада в 2022 году принял вдвое меньше постояльцев, чем в ЦФО. В то же время по сравнению с прошлогодним значением показатель продемонстрировал положительную динамику, увеличившись на 10,3%.

Несмотря на небольшой рост туристской активности в СЗФО в постпандемийный период, по итогам 2022 года по динамике числа внутренних туристов округ занял лишь 7 место среди всех макрорегионов страны (табл. 1).

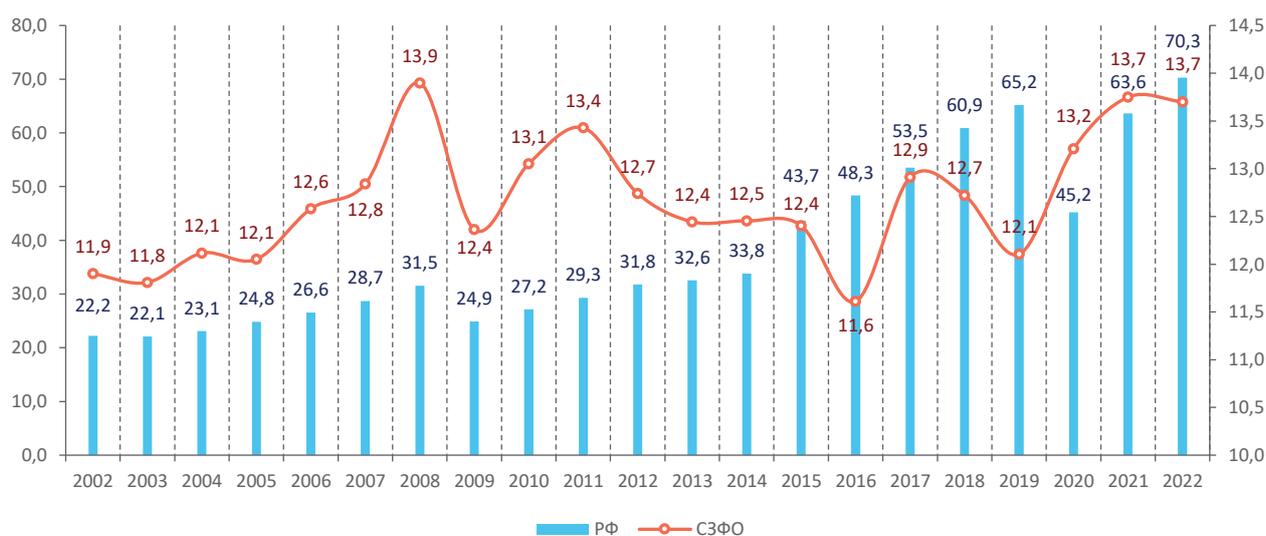

Рис. 1. Динамика численности россиян, остановившихся в коллективных средствах размещения (млн чел.), и доля туристского потока СЗФО, %

Источник: ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31560>

Рис. 2. Динамика объема внутреннего туризма в РФ в разрезе федеральных округов в 2020–2022 гг., млн чел.

Источник: ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31560>

Таблица 1. Динамика численности россиян, остановившихся в коллективных средствах размещения, в разрезе субъектов СЗФО в 2020–2022 гг.

Территория	% к предыдущему году			Ранг*, 2022 год
	2020 год	2021 год	2022 год	
РФ	69,4	140,7	110,5	-
СЗФО	75,7	146,5	110,1	7
1. Вологодская область	59,7	131,7	125,3	10
2. Псковская область	64,3	144,3	124,4	12
3. Новгородская область	80,8	130,8	121,1	22
4. Ненецкий автономный округ	65,1	140,3	116,1	33
5. Санкт-Петербург	72,4	151,8	114,4	40
6. Архангельская область	58,1	168,1	106,0	59
7. Республика Карелия	87,6	146,4	105,8	61
8. Ленинградская область	89,7	129,8	103,3	66
9. Мурманская область	85,8	148,4	103,0	68
10. Республика Коми	62,1	135,2	96,8	76
11. Калининградская область	92,7	159,3	91,1	79

* Ранг соответствующего региона и федерального округа по динамике показателя в 2022 году среди 85 субъектов Федерации (без учета Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей) и 8 федеральных округов.
Источник: данные Росстата.

По данным Росстата, лучшее значение показателя в стране в 2022 году зафиксировано в Северо-Кавказском федеральном округе (+25%), во многом обусловленное продолжающимся с 2020 года спросом туристов на турпоездки в Республику Дагестан (+73,5%), которая приобрела в период пандемии большую известность благодаря продвижению в социальных сетях⁸.

Основной вклад в динамику роста показателя внесли Вологодская (+25,3%), Псковская (+24,4%) и Новгородская (+21,1%) области, что свидетельствует об интересе туристов к этим регионам. По итогам 2022

года туризм в Дагестане продолжил стремительно развиваться. В регионе наблюдается высокий уровень туристической активности, что способствует росту экономики и созданию новых рабочих мест. Власти Дагестана активно работают над улучшением туристической инфраструктуры, что позволит привлечь еще больше туристов в регион.

⁸ «Толпа людей хлынула»: как соцсети открыли для туризма Дагестан. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/455689-tolpa-ludej-hlynula-kak-socseti-otkryli-dla-turizma-dagestan>

Таблица 2. Динамика численности россиян, остановившихся в коллективных средствах размещения, в разрезе субъектов СЗФО в 2019–2022 гг., на 1000 человек населения, чел.

Территория	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год	2022 год к 2021 году, %	2022 год к 2019 году, %
РФ	444,1	308,2	435,4	483,2	110,0	108,8
СЗФО	564,7	427,2	627,6	693,0	110,4	122,7
Республика Карелия	704,3	620,9	916,6	979,3	106,8	139,0
Мурманская область	352,6	305,4	458,5	477,9	104,2	135,5
Калининградская область	555,1	509,1	806,1	727,9	90,3	131,1
Новгородская область	509,4	414,2	545,4	667,8	122,4	131,1
г. Санкт-Петербург	712,5	514,5	783,2	897,3	114,6	125,9
Псковская область	615,9	398,2	580,2	730,2	125,8	118,6
Ленинградская область	574,9	508,2	653,9	668,6	102,2	116,3
Архангельская область	303,9	177,7	301,4	323,3	107,2	106,4
Ненецкий автономный округ	289,4	187,3	261,1	302,2	115,7	104,4
Вологодская область	400,9	240,7	319,7	404,6	126,5	100,9
Республика Коми	274,8	172,6	235,3	230,5	98,0	83,9

Источник: данные Росстата.

года в гостиницах и прочих коллективных средствах размещения в Вологодской области остановились 461 тыс. чел. В Псковской и Новгородской областях показатель составил 448 и 391 тыс. чел. соответственно. Вологодские власти связывают такой успех с улучшившейся транспортной доступностью главной зимней точки притяжения туристов – Вотчины Деда Мороза в Великом Устюге, в котором перед Новым годом открыли обновленный аэропорт, запустили из Москвы специализированные турпоезда («Мороз-экспресс») и впервые после пандемии возобновили автобусные туры⁹. В Псковской области рост туристской активности объясняется популярностью региона среди туристов, прежде всего из Москвы и Санкт-Петербурга, в новогодние праздники, а также интересом к культурно-познавательному туризму. Музеи региона приняли около 2 млн туристов, что почти на 50% больше, чем в 2021 году¹⁰.

Спад отмечен в Республике Коми и Калининградской области (на 3,2 и 8,9% со-

ответственно). Снижение туристской привлекательности Калининградской области по итогам 2022 года в большей степени обусловлено ухудшением геополитической обстановки и негативным информационным фоном, повлиявшим на настроения туристов: резкий отток людей, большое количество отказов от туров пришлось именно на конец февраля – начало марта 2022 года, когда было объявлено об СВО и закрытии воздушного коридора над регионом¹¹.

Более объективную оценку потребления населением туристских услуг с учетом пространственного распределения может дать сравнительный анализ в региональном аспекте, для чего выявлена динамика количества внутренних туристов на 1000 жителей территории (табл. 2). Показатель характеризует интенсивность туристских прибытий и рассчитан на временном интервале 2019–2022 гг., чтобы учесть значения допандемийного периода и текущую ситуацию.

Результаты анализа свидетельствуют, что по итогам 2022 года лидерами в СЗФО по

⁹ Турпоток в регионы вырос на рекордные 15% // Деловой Петербург. URL: https://www.dp.ru/a/2023/02/06/Ne_privikli_k_rekordam

¹⁰ В Псковской области подсчитали туристический поток за 2022 год. URL: <https://hotelier.pro/news/item/v-pskovskoy-oblasti-podschitali-turisticheskiy-potok-za-2022-god>

¹¹ «Ъ»: инвесторы сворачивают турпроекты в Калининградской области // ПБК. URL: <https://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/21/12/2022/63a2f0fd9a7947021b6a445b>

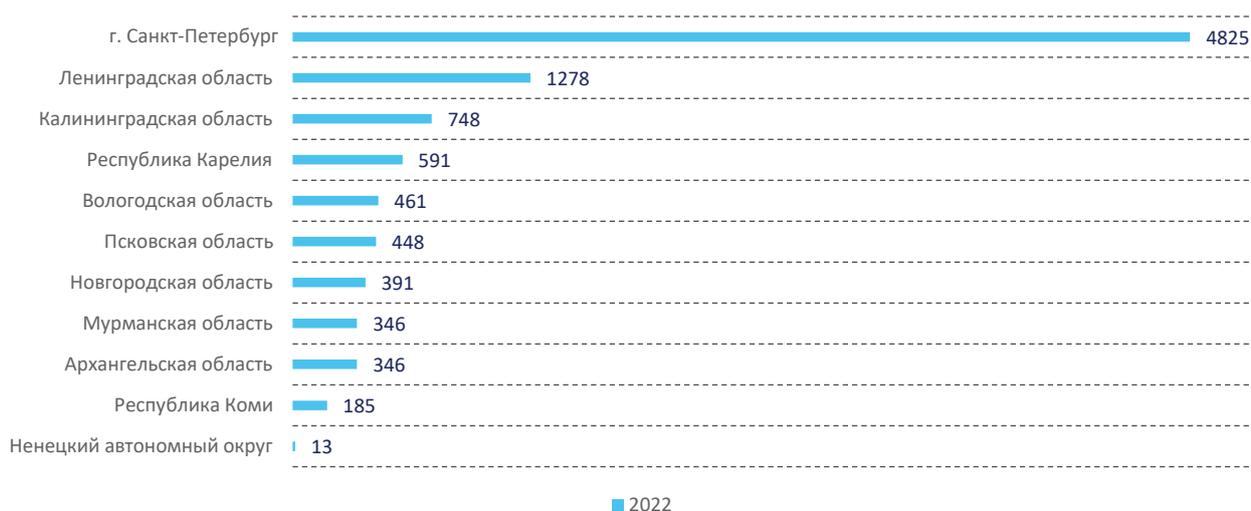

Рис. 3. Динамика численности россиян, остановившихся в коллективных средствах размещения, в разрезе субъектов СЗФО в 2020–2022 гг., тыс. чел.

Источник: ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31560>

числу внутренних туристов на 1000 жителей стали Республика Карелия, г. Санкт-Петербург, Псковская, Калининградская, Ленинградская и Новгородская области. Значение показателя в них выше среднестранового уровня. Примечательно, что в большинстве субъектов Северо-Запада туристская активность восстановилась и даже усилилась, превзойдя значения 2019 года. Особенно заметен рост в Республике Карелии (на 39%), Мурманской (на 35,5%), Калининградской и Новгородской (на 31,1%) областях. К числу регионов, продемонстрировавших самую слабую динамику показателя (+0,9%), относится Вологодская область. Несмотря на внушительный рывок за 2021–2022 гг. (+26,5%), она лишь восстановила допандемийный уровень. К явным аутсайдерам относится Республика Коми, где отмечена негативная тенденция спада интереса туристов и низкой востребованности туристских продуктов региона, в котором существует большой потенциал для наращивания турпотока и объема потребления населением туристских услуг за счет расширения туристской инфраструктуры и открытия новых маршрутов.

В абсолютных цифрах по итогам 2022 года в Республике Карелии остановились

591 тыс. человек (рис. 3), в результате чего она стала единственным регионом СЗФО, где среднегодовое число туристов превысило численность жителей. Это свидетельствует о высокой активности туристов, которая положительно влияет на экономику региона: по сравнению с 2021 годом на 70% вырос объем налоговых поступлений от деятельности организаций, работающих в сфере туризма, составив 400 млн руб.¹² В 2022 году Республика Карелия заняла 4 место среди субъектов России по объему привлеченных средств федерального бюджета на развитие инфраструктуры туризма: на эти цели регион получил рекордную сумму – около 500 млн руб.¹³

О динамике потребления туристских услуг в макрорегионе можно судить по количеству ночевок туристов в средствах размещения на 1000 жителей.

За период с 2019 по 2022 год наилучшие значения этого показателя, превысившие допандемийный уровень, отмечены в Калининградской области (рост на 23,3%), Республике Карелии (+28,4%), Мурманской (+25%), Псковской (+20,5%) и Новгородской (+14,2%) областях, г. Санкт-Петербурге (+8,5%; табл. 3).

¹² Число туристов в Карелии в 2022 году вдвое превысило количество местных жителей. URL: <https://stolicaonego.ru/news/chislo-turistov-v-karelii-v-2022-godu-vdvoe-prevysilo-kolichestvo-mestnyh-zhitelej>

¹³ Турпоток в Карелию в 2022 году составил более 1,3 млн человек // Интерфакс Северо-Запад. URL: <https://www.interfax-russia.ru/northwest/main/turpotok-v-kareliyu-v-2022-godu-sostavil-bolee-1-3-mln-chelovek>

Таблица 3. Динамика количества ночевков туристов в коллективных средствах размещения Северо-Запада в 2019–2022 гг., на 1000 человек населения, ед.

Территория	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год	2022 год к 2021 году, %	2022 год к 2019 году, %
РФ	1929,6	1305,3	1889,4	2171,1	114,9	112,5
СЗФО	2275,4	1436,5	2144,1	2451,0	114,3	107,7
Калининградская область	2103,3	1824,4	2950,3	3219,7	109,1	153,1
Республика Карелия	1690,6	1440,7	2030,1	2171,4	107,0	128,4
Мурманская область	1342,5	1117,1	1590,7	1676,8	105,4	124,9
Псковская область	1930,6	1096,0	2032,4	2325,6	114,4	120,5
Новгородская область	1855,9	1201,9	1718,4	2118,6	123,3	114,2
г. Санкт-Петербург	2979,5	1646,3	2689,0	3232,4	120,2	108,5
Вологодская область	1221,2	853,4	999,2	1202,7	120,4	98,5
Ненецкий автономный округ	754,2	634,4	741,0	661,2	89,2	87,7
Архангельская область	1381,3	889,7	1131,4	1199,5	106,0	86,8
Ленинградская область	2901,9	1872,9	2382,6	2507,2	105,2	86,4
Республика Коми	1112,0	891,5	997,5	885,7	88,8	79,7

Источник: данные Росстата.

По числу ночевков на 1000 жителей достичь докризисного уровня пока не удалось почти половине субъектов округа, а именно Вологодской области, Ненецкому АО, Архангельской, Ленинградской областям и Республике Коми. В этих регионах туристы сократили время своего пребывания, что, соответственно, отразилось и на вкладе предприятий туристической индустрии в экономику.

Выявление ограничений потребления населением туристских услуг СЗФО

На объем потребления туристских услуг влияет уровень цен. В целом по России цены на услуги внутреннего туризма выросли в 2022 году на 12,2%¹⁴ к декабрю предыдущего года после повышения на 8,8% годом ранее (табл. 4).

В СЗФО показатель увеличился на 11,2%¹⁵, что также существенно больше подорожания в предыдущем году. Наиболее значимым стал рост цен, опередивший среднестрановой уровень, в Ненецком АО (на 25,7%), Калининградской и Мурманской областях (на 18,8 и 16,2% соответственно).

Отмеченное подорожание в секторе внутреннего туризма накладывает опреде-

ленные ограничения на востребованность туристских услуг макрорегиона со стороны жителей Северо-Запада, объем потребления которых определяется уровнем их дохода.

Реальные денежные доходы жителей СЗФО в 2022 году сократились на 2,5%, что является худшим результатом среди остальных федеральных округов страны (табл. 5). Лишь в Новгородской области отмечен прирост реальных денежных доходов населения (на 1%). Негативная динамика показателя в стране и макрорегионе детерминирована влиянием санкционного кризиса 2022 года: на протяжении первых трех кварталов показатель падал в годовом выражении¹⁶. Резко сократились доходы по сравнению с предыдущим годом у жителей Архангельской и Калининградской областей, занявших по этому показателю 76 и 81 место в стране соответственно.

Подушевые доходы в СЗФО в 2022 году были выше, чем в среднем по России. По данному показателю макрорегион занял второе место в стране после Центрального федерального округа. Это объясняется вы-

¹⁴ При общем уровне инфляции в РФ в 2022 году в 96,7% к декабрю предыдущего года.

¹⁵ При общем уровне инфляции в РФ в 2022 году в 102,4% к декабрю предыдущего года.

¹⁶ Доходы россиян упали на 1% по итогам года // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/08/02/2023/63e3aab79a7947b6ad7f53b9>

Таблица 4. Динамика цен на услуги внутреннего туризма в СЗФО в 2019–2022 гг., % к предыдущему году

Территория	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год
РФ	104,3	101,1	108,8	112,2
СЗФО	106,2	99,7	109,8	111,2
Ненецкий автономный округ	113,5	104,3	101,1	125,7
Калининградская область	105,7	101,7	110,4	118,8
Мурманская область	103,0	97,5	118,2	116,2
Псковская область	104,0	102,4	105,6	113,1
Новгородская область	103,3	104,7	104,9	113,0
Вологодская область	104,5	102,8	109,1	111,8
г. Санкт-Петербург	105,9	98,6	109,9	111,4
Ленинградская область	106,7	101,7	106,6	111,1
Республика Карелия	107,2	101,3	116,0	109,9
Республика Коми	107,7	96,9	109,1	106,9
Архангельская область	106,6	101,8	108,4	104,5

Источник: составлено на основе ЕМИСС.

Таблица 5. Динамика реальных денежных доходов населения СЗФО в 2020–2022 гг.

Территория	% к предыдущему году			Ранг*, 2022 год	Территория	Объем на 1 жителя 2022 года, тыс. руб.	Ранг**		
	2020 год	2021 год	2022 год				2020 год	2021 год	2022 год
РФ	98,6	103,8	98,6	-	РФ	45	-	-	-
СЗФО	100,2	105,6	97,5	8	СЗФО	49	2	2	2
1. Новгородская область	96,7	103,1	101,0	7	1. Ненецкий автономный округ	96	3	4	4
2. Ленинградская область	100,9	105,4	98,7	26	2. Санкт-Петербург	65	9	8	7
3. Ненецкий автономный округ	101,1	99,6	98,5	27	3. Мурманская область	57	11	11	11
4. Санкт-Петербург	100,8	109,5	98,4	30	4. Республика Коми	42	17	19	20
5. Псковская область	99,8	103,3	97,5	46	5. Архангельская область	42	20	20	22
6. Мурманская область	101,0	102,7	96,4	63	6. Ленинградская область	41	22	22	24
7. Вологодская область	99,9	99,4	96,3	65	7. Республика Карелия	39	25	26	29
8. Республика Карелия	100,9	99,4	96,1	67	8. Вологодская область	35	38	41	40
9. Республика Коми	97,8	98,9	95,1	74	9. Калининградская область	34	39	40	46
10. Архангельская область	98,3	100,1	94,7	76	10. Новгородская область	33	56	56	53
11. Калининградская область	99,0	101,4	93,7	81	11. Псковская область	33	55	55	57

* Ранг соответствующего региона и федерального округа по динамике показателя в 2022 году среди 85 субъектов Федерации (здесь и далее – без учета Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей) и 8 федеральных округов.

** Ранг соответствующего региона и федерального округа по объему доходов на 1 жителя среди 85 субъектов Федерации и 8 федеральных округов.

Источник: данные ЕМИСС. Реальные денежные доходы. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31422>

Таблица 6. Динамика числа мест в коллективных средствах размещения СЗФО, ед.

Территория	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год	2022 год к 2021 году, %	2022 год к 2019 году, %
РФ	2495687	2472969	2634447	2760124	104,7	110,6
СЗФО	242189	228684	250333	271755	108,6	112,2
Калининградская область	16982	17768	18714	23339	124,7	137,4
Мурманская область	8139	9029	9684	9953	102,8	122,3
Ненецкий АО	241	174	287	293	102,1	121,6
Новгородская область	9176	9447	9661	11045	114,3	120,4
Республика Карелия	10661	10569	11571	12523	108,2	117,5
Ленинградская область	45317	41203	48279	52152	108,0	115,1
г. Санкт-Петербург	105034	97674	106197	116301	109,5	110,7
Псковская область	10887	11309	10494	11586	110,4	106,4
Вологодская область	14631	13694	14738	15137	102,7	103,5
Архангельская область	13811	11043	13077	13110	100,3	94,9
Республика Коми	7310	6774	7631	6316	82,8	86,4

Источник: составлено на основе ЕМИСС.

соким значением индикатора в Ненецком автономном округе, обусловленным нефтегазодобывающим и северным статусом региона, в Санкт-Петербурге (один из центров экономической жизни страны, в котором развиты промышленность, торговля, банковский сектор, IT-отрасль, сфера коммуникации и транспорта), в Мурманской области, что связано с действием в ней районных коэффициентов и надбавок к заработной плате из-за особых климатических условий, а также высокой оплатой труда в отраслях, сопряженных с добычей полезных ископаемых и рыболовством. В то же время в подавляющем большинстве субъектов округа среднедушевые доходы населения ниже среднероссийских, особенно в Псковской, Новгородской, Калининградской и Вологодской областях.

Инфраструктурные возможности СЗФО за последние годы расширяются, что выражается в росте числа мест в коллективных средствах размещения. Так, за 2019–2022 гг. этот показатель увеличился на 12,2% (табл. 6). Позитивная динамика показателя зафиксирована во всех субъектах Северо-Запада, за исключением Архангельской области, кото-

рая почти вышла на докризисный уровень, и Республики Коми.

Самый высокий рост отмечен в Калининградской области (+37,4%), Мурманской области (+22,3%), Ненецком АО (+21,6%) и Новгородской области (+20,4%). Существенные темпы наращивания номерного фонда в Калининградской области объясняются активной политикой региональных органов власти по поддержке турбизнеса, а именно субсидированием процентных ставок по кредитам на строительство гостиниц и отелей¹⁷.

Следует отметить, что основной объем номерного фонда сконцентрирован в г. Санкт-Петербурге, в котором по итогам 2022 года насчитывалось 116 тыс. мест – практически половина от общего числа мест гостиничных объектов СЗФО. Таким образом, можно сделать вывод о наличии территориальной дифференциации по уровню развития туристской инфраструктуры.

Анализ востребованности турпродуктов СЗФО россиянами

Использование данных социологического опроса, проведенного Фондом общественного мнения в 2022 году, позволило

¹⁷ На строительство гостиниц власти региона субсидируют 150 млн рублей. URL: <https://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/01/12/2020/5fc655719a79472cd42ced53>

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «В какие из перечисленных мест в России Вы когда-либо выезжали на отдых?»*, % от числа опрошенных

* Вопрос не задавался тем, кто никогда не выезжал в другие регионы России на отдых; отвечали 70% респондентов. Карточка, любое число ответов.

Источник: Внутренний туризм. ФОМнибус – еженедельный всероссийский поквартирный опрос. 22–24 июля 2022 г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Статпогрешность не превышает 3,6%.

URL: <https://fom.ru/Kultura-i-dosug/14758>

определить, насколько востребованы туристические услуги округа его жителями и жителями других регионов. Как показали результаты опроса, г. Санкт-Петербург посетили с целью туризма 19% респондентов, а в Республике Карелии, Калининградской области с турпоездкой побывали по 4% опрошенных, на Русском Севере – 3% (рис. 4). Таким образом, основной спрос на Северо-Западе по-прежнему приходится на северную столицу, в которой сконцентрирована туристская и транспортная инфраструктура макрорегиона.

Однако число россиян, желающих посетить дестинации Северо-Запада, намного больше (рис. 5). Так, Санкт-Петербург в качестве привлекательного места для турпоездки отметили 27% респондентов, Республику Карелию – 18%, Калининградскую область – 9%, регионы Русского Севера – 7%. Это позволя-

ет говорить о неиспользованном туристском потенциале макрорегиона и существующем потенциальном спросе туристов, не совершающих путешествия, как следует из социологических опросов ВЦИОМ, главным образом по причине отсутствия финансовых средств на эти цели.

Так, существенно не поменялось число россиян, которые остаются в летний отпуск дома: 51% в 2023 году (в 2021 году их доля составляла 52%)¹⁸. У 38% респондентов из числа тех, кто остается дома, отсутствуют финансовые возможности для совершения поездки. Порядка 65% россиян, прошедших опрос в 2023 году, ответили, что в прошлый год не выезжали летом в другие регионы России¹⁹.

Также интересна тенденция роста доли респондентов, совершающих турпоездки

¹⁸ Летние планы россиян – 2023: запросы, ожидания, направления // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/letnie-plany-rossijan-2023-zaprosy-ozhdaniya-napravleniya> (дата обращения 10.06.2023).

¹⁹ Там же.

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Если говорить о поездках по России, то какие места Вы хотели бы посетить, вне зависимости от того, бывали Вы там ранее или нет?», % от числа опрошенных (любое число ответов)

Источник: Внутренний туризм. ФОМнибус – еженедельный всероссийский поквартирный опрос. 22–24 июля 2022 г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Статпогрешность не превышает 3,6%. URL: <https://fom.ru/Kultura-i-dosug/14758>

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «Вы когда-нибудь выезжали в другие регионы России на отдых или никогда не выезжали? И если да, то когда последний раз Вы ездили отдыхать в какой-либо регион России, в том числе в короткие поездки (на несколько дней)?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДВФО
Менее года назад	28	19	23	10	15	18	17	14
От года до трех лет назад	14	14	21	28	15	22	17	21
От трех до пяти лет назад	9	9	8	9	8	6	5	8
От пяти до десяти лет назад	9	9	8	11	3	5	8	8
Десять лет назад и более	18	21	19	9	16	24	13	21
Никогда	21	27	20	35	43	26	40	28
Затрудняюсь ответить	0	1	2	0	0	0	0	0

Источник: Внутренний туризм. ФОМнибус – еженедельный всероссийский поквартирный опрос. 22–24 июля 2022 г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Статпогрешность не превышает 3,6%. URL: <https://fom.ru/Kultura-i-dosug/14758>

дважды в год: за 2021–2023 гг. доля таких ответов выросла на 4 п. п. и составила 33% в 2023 году. Это позволяет сделать вывод, что рост внутреннего туризма в большей степени обусловлен спросом со стороны не новых

туристов, а тех, кто путешествовал и ранее, просто стал делать это более регулярно²⁰.

Почти треть жителей Северо-Запада (27%) никогда не выезжала на отдых в другие регионы России (табл. 7).

²⁰ Летние планы россиян – 2023: запросы, ожидания, направления // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/letnie-plany-rossijan-2023-zaprosy-ozhidaniya-napravleniya> (дата обращения 10.06.2023).

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «В какие из перечисленных мест в России Вы когда-либо выезжали на отдых?»*, % от числа опрошенных, проживающих в СЗФО

* Вопрос не задавался тем, кто никогда не выезжал в другие регионы России на отдых; отвечали 70% респондентов. Карточка, любое число ответов.

Источник: Внутренний туризм. ФОМнибус – еженедельный всероссийский поквартирный опрос. 22–24 июля 2022 г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Статпогрешность не превышает 3,6%.

URL: <https://fom.ru/Kultura-i-dosug/14758>

Среди тех, кто путешествовал, самым популярным для поездки в СЗФО был Санкт-Петербург, который посетили 20% респондентов (рис. 6). Намного меньше жителей округа побывали в Калининградской области (9%) и на Русском Севере (6%).

Анализ программных документов, определяющих развитие субъектов СЗФО, показал, что стратегии по туризму существуют только в Мурманской и Ленинградской областях. В Архангельской области действует концепция развития туризма. В стратегиях социально-экономического развития остальных регионов округа туризм упоминается как перспективная для развития отрасль. Таким образом, для повышения эффективности ее функционирования необходимо совершенствовать систему стратегического управления в части разработки отдельных стратегий развития туризма на основе соответствующего методического обеспечения.

Выводы и заключение

Проведенное исследование позволило выявить тенденции потребления населением туристских услуг Северо-Западного федерального округа. По итогам работы можно сделать следующие выводы:

- наблюдается устойчивый тренд роста интереса туристов к регионам Северо-Западного федерального округа;
- спрос со стороны россиян на услуги гостиничного сектора в большинстве субъектов СЗФО достиг уровня 2019 года;
- у жителей страны и СЗФО существует нереализованный спрос на туристские услуги макрорегиона;
- маловостребованными среди дестинаций Северо-Запада остаются регионы Русского Севера (Архангельская, Вологодская, Мурманская области, Республика Коми).

Потребление туристских услуг макрорегиона сдерживается ростом цен на них и

низким уровнем дохода жителей, наличием существенных территориальных диспропорций в отношении обеспечения туристской инфраструктурой.

В связи с этим представляется важным выделение приоритетов, определяющих развитие туризма и стимулирующих потребление туристских услуг СЗФО в ближайшей перспективе.

1. Развитие перспективных видов туризма

Богатый культурно-исторический и природный потенциал субъектов СЗФО позволяет организовывать различные виды туристской деятельности: культурно-познавательный, горнолыжный, экологический, этнографический, сельский, событийный, деловой, рыболовный, охотничий, активный, религиозный, лечебно-оздоровительный, круизный, арктический туризм.

В последнее время со стороны государства оказывается существенная поддержка российским регионам в отношении тех видов туризма, развитие которых способно генерировать туристский поток, реализовать имеющийся туристско-рекреационный потенциал, снизить сезонность и соответствует запросам современных туристов.

Одним из таких видов является промышленный туризм, предполагающий посещение туристами объектов производства. В России в последнее время он весьма динамично развивается. С 2019 года его комплексным развитием в стране занимается Агентство стратегических инициатив, специалистами которого создана методология по организации промышленного туризма в регионах РФ и сформированы пошаговые инструкции по ее внедрению. В 2021–2022 гг. участниками программы в СЗФО стали Архангельская, Мурманская, Псковская области, Республика Карелия и г. Санкт-Петербург. В результате в этих субъектах был определен перечень предприятий для посещения туристами, разработаны экскурсии. В 2023 году лидерами по развитию данного направления в СЗФО стали Республика Карелия и г. Санкт-Петербург, чьи предпри-

ятия (Сегежский целлюлозно-бумажный комбинат и АО «Силовые машины») вошли в список лучших организаторов промышленного туризма. Эти практики по развитию промышленного туризма перспективны для внедрения и в других субъектах округа.

Другим перспективным направлением, способным обеспечить рост турпотока, является экологический туризм. СЗФО располагает существенным потенциалом для его развития: особо охраняемые природные территории, выступающие ресурсом экологического туризма, занимают 13,1% всей территории Республики Коми, что во многом объясняется расположением там крупнейшего природного парка «Югыд ва» – объекта ЮНЕСКО. В основном его развитие сдерживается неразвитостью законодательства. В ближайшей перспективе ожидается принятие законопроекта о туризме на особо охраняемых природных территориях, что значительно увеличит посещаемость региона.

Драйвером развития территорий может стать событийный туризм, которому оказывается значительная финансовая поддержка со стороны федеральных органов власти. Так, на его развитие в 2023 году правительство по результатам конкурсного отбора выделило российским регионам 638 млн руб. для поддержки и продвижения событийных проектов. Среди получателей субсидии оказались следующие субъекты СЗФО: Архангельская, Псковская, Ленинградская области, г. Санкт-Петербург и Республика Карелия. В то же время остальные территории также располагают высоким потенциалом для его развития.

Еще одним перспективным направлением для развития выступает поддержка в субъектах СЗФО развития автомобильного туризма. Во многих странах мира автомобильный туризм является катализатором внутреннего турпотока. В 2023 году Президент РФ В.В. Путин поручил ускорить разработку концепции развития автомобильного туризма в России²¹. По данным социологических

²¹ Перечень поручений по итогам совещания с членами Правительства. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/71145>

опросов, 83% жителей России имеют опыт таких путешествий, а больше всего автотуристов проживает в Северо-Западном федеральном округе²². Одним из барьеров, сдерживающих развитие автотуризма в России, является недостаток инфраструктуры, в том числе объектов придорожного сервиса.

2. Адресное субсидирование туристических поездок внутри региона в отношении отдельных категорий граждан (детей, пенсионеров, малообеспеченных семей и т. д.)

В настоящее время российским правительством выделен 1 млрд рублей на программу бесплатных школьных поездок в рамках национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» для 29 российских регионов. Вологодская область является единственным участником программы школьного туризма среди субъектов СЗФО. По итогам 2022 года в рамках проекта в путешествие было отправлено около трех тысяч школьников. В 2023 году планируется увеличить их число вдвое. Перспективно использовать финансовое стимулирование поездок для пенсионеров.

3. Межрегиональное взаимодействие субъектов СЗФО в сфере туризма

Необходима активизация взаимодействия субъектов макрорегиона в рамках реализации межрегионального историко-культурного проекта «Серебряное ожерелье», объединяющего 11 регионов Северо-Запада России. Несмотря на сформированный за десятилетний период его реализации пул туристских маршрутов, собственно межрегиональных маршрутов создано не так много. В основном каждый субъект продвигает туры в рамках своего региона, не включая в программу предложения соседей, в результате чего теряется смысл проекта – общее продвижение туристских возможностей территории. Кроме того, нуждается в доработке информационное и маркетинговое обеспечение проекта. Существующий в настоящее время единый ресурс с описанием

туристских маршрутов предлагает только справочно-ознакомительную информацию. Возможность забронировать непосредственно тур отсутствует.

Результаты проведенного исследования позволили констатировать значительный уровень дифференциации развития туризма в субъектах СЗФО. К явным лидерам, на долю которых приходится наибольший объем потребления туристских услуг, можно отнести г. Санкт-Петербург, Республику Карелию, Псковскую, Калининградскую и Ленинградскую области. Для этих регионов характерна неравномерность распределения туристского потока из-за различного уровня развития туристской инфраструктуры и наличия туристских ресурсов, сезонности. Видится, что в отношении их целесообразно диверсифицировать туристское предложение и сделать его более доступным и разнообразным для потребителей.

Регионами СЗФО, в которых уровень потребления туристских услуг мог бы быть выше, являются Вологодская и Архангельская области, Республика Коми и Ненецкий АО. В этих субъектах необходимо повышать уровень сервиса, развивать туристскую и транспортную инфраструктуру, усиливать информационное продвижение туристских продуктов и повышать уровень межрегионального взаимодействия.

Реализация указанных направлений развития туризма СЗФО позволит нивелировать выявленные риски спада туристской активности и нарастить объем туристского потребления. Следует отметить, что во многом успешность их реализации зависит от активности региональных органов власти в вопросе привлечения федерального финансирования и создания благоприятных условий для инвесторов.

Научная новизна работы состоит в необходимости раскрытия современных закономерностей потребления населением туристских услуг СЗФО и обосновании путей раз-

²² Всероссийский опрос проведен Аналитическим центром НАФИ в декабре 2022 года с помощью собственной исследовательской платформы «Тет-о-твет». Опрошены 1600 человек в возрасте от 18 лет и старше. Выборка построена на данных официальной статистики Росстата и репрезентирует население РФ по полу, возрасту, уровню образования и типу населенного пункта. Статистическая погрешность данных не превышает 3,4%. URL: <https://naf.ru/analytics/novyuy-trend-avtoputeshestviya-po-rossii-populyarny-u-treti-rossiyan>

вития регионального туризма, способствующих росту востребованности туристских продуктов среди населения и повышению их конкурентоспособности. Полученные результаты имеют практическую значимость для органов власти и управления, способ-

ствуя большему пониманию текущего положения в отношении тенденций потребления туристских услуг населением в связи с существующими ограничениями официальной статистики и разработки направлений его стимулирования.

ЛИТЕРАТУРА

- Виды туризма и география турпотоков в зеркале пандемии COVID-19 (2022): монография / под ред. А.Г. Манакова. Псков: Псковский гос. ун-т. 214 с.
- Донскова Л.И., Баранников А.Л., Маковецкий М.Ю. (2022). Состояние внутреннего туризма в России в современный период: количественный и качественный анализ // Вестник академии знаний. № 52 (5). С. 127–136.
- Иванов И.А., Васильева Т.В., Красильникова И.Н., Манаков А.Г. (2022). Внутренний туризм в муниципальных образованиях СЗФО: статистические оценки и влияние пандемии COVID-19 // Известия Русского географического общества. Т. 154. № 5–6. С. 59–72. DOI: 10.31857/S0869607122050044
- Кожевников С.А., Секушина И.А. (2021). Межрегиональное сотрудничество: опыт регионов Европейского Севера России // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Экономика. Т. 23. № 4. С. 56–70. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2021.4.5
- Кондратьева С.В. (2022). Развитие туризма в регионах Европейского Севера // Арктика и Север. № 47. С. 164–187. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.164
- Леонидова Е.Г. (2022). Приоритеты и угрозы развития регионального туризма // Регионоведение. Т. 30. № 3. С. 624–646. DOI: 10.15507/2413-1407.120.030.202203.624-646
- Леонидова Е.Г., Сидоров М.А. (2019). Структурные изменения экономики: поиск отраслевых драйверов роста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 6. С. 166–181. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.9
- Морошкина М.В., Кондратьева С.В. (2021). Региональная доступность как фактор развития туристского направления // Регионоведение. Т. 29. № 1. С. 60–81. DOI: 10.15507/2413-1407.114.029.202101.060-081
- Овчаров А.О. (2021). К вопросу о совершенствовании статистического учета туристских поездок в условиях кризиса // Вопросы статистики. № 28 (2). С. 67–79. DOI: 10.34023/2313-6383-2021-28-2-67-79
- Овчаров А.О. (2014). Классификация видов экономической деятельности в туристском сегменте экономики // Вопросы статистики. № 8. С. 40–45. DOI: 10.34023/2313-6383-2014-0-8-40-45
- Орлова В.С. (2021). Потенциал сферы туризма и рекреации Европейского Севера: оценка и направления развития в условиях освоения Арктики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 1. С. 141–153. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.10
- Поспелова С.В., Кутыева Э.Р. (2022). Ресурсы развития этнического туризма на территории Арктической части России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 3. С. 211–214.
- Симонян Г.А., Сарян А.А. (2022). Стратегические цели и задачи развития внутреннего туризма в новых условиях // Современная научная мысль. С. 266–273. DOI: 10.24412/2308-264X-2022-6-273-277
- Яковчук А.А. (2020). Проблемы развития туристской отрасли в регионах Арктической зоны Российской Федерации // Арктика и Север. № 38. С. 56–72. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.5656
- Arbulú I., Razumova M., Rey-Maqueira J., Sastre F. (2021). Can domestic tourism relieve the COVID-19 tourist industry crisis? The case of Spain. *Journal of Destination Marketing and Management*, 20, 100568. DOI: 10.1016/j.jdmm.2021.100568
- Duro J.A., Perez-Laborda A., Fernandez M. (2022). Territorial tourism resilience in the COVID-19 summer. *Annals of Tourism Research Empirical Insights*, 3, 1. DOI: 10.1016/j.annale.2022.100039

- Gossling S., Scott S., Hall M. (2021). Pandemics, tourism, and global change: A rapid assessment of COVID-19. *Journal of Sustainable Tourism*, 29, 1–20.
- Kreiner N.C., Ram Y. (2021). National tourism strategies during the COVID-19 pandemic. *Annals of Tourism Research*, 89, 103076.
- Nguyen C.P., Su T.D. (2020). Domestic tourism spending and economic vulnerability. *Annals of Tourism Research*, 85, 103063. DOI: 10.1016/j.annals.2020.103063
- Rogerson C.M., Rogerson J.M. (2021). COVID-19 and changing tourism demand: Research review and policy implications for South Africa. *African Journal of Hospitality, Tourism and Leisure*, 10 (1), 1–21. DOI: 10.46222/ajhtl.19770720-83
- Thano R., Kote D. (2015). The tourism consumption, a special economic category of the final demand in Albania and in the countries of the region. *EuroEconomica*, 34, 103–112.
- Woyo E. (2021). The sustainability of using domestic tourism as a post-COVID-19 recovery strategy in a distressed destination. In: Wörndl W., Koo C., Stienmetz J.L. (eds.). *Information and Communication Technologies in Tourism*. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-030-65785-7_46

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Екатерина Георгиевна Леонидова – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией отраслевых исследований Центра структурных исследований и прогнозирования территориального развития отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: eg_leonidova@mail.ru)

Leonidova E.G.

TRENDS IN THE CONSUMPTION OF TOURIST SERVICES IN THE NORTHWESTERN FEDERAL DISTRICT REGIONS

The Russian Federation is characterized by strong disproportions in the consumption of tourist products: the main demand of Russians falls on several destinations. In the context of fulfilling the objectives of the national project “Tourism and Hospitality Industry”, it is of interest to identify the trends in the consumption of tourist services in the Northwestern Federal District, which is the aim of the research. For its implementation, we have carried out the analysis of demand for tourism services in the macroregion by its residents and citizens of the country as a whole, identified the limitations and key risks of tourism services consumption, and proposed directions for tourism development in the subjects of the district. The results of the research allow establishing a significant level of differentiation of tourism development in the subjects of the Northwestern Federal District. In the course of the analysis, we have identified the territories of the district, in which it is possible to increase the consumption volume of tourist services, for which a set of relevant directions was proposed. The scientific novelty of the study lies in the necessity to reveal the modern regularities of the population’s consumption of tourist services in the NWFD and justification of ways to develop regional tourism, contributing to the growth of demand for tourist products among the population and increasing their competitiveness. The information base is the works of scientists dealing with the problems of stimulating tourist consumption including the case study of the Northwestern Federal District, as well as data from state statistics the World Tourism Organization, the results of sociological surveys of the All-

Russian Center for Public Opinion Research, and the Public Opinion Foundation. The research uses the methods of comparative analysis and synthesis, economic and statistical analysis. The materials of the article are of practical interest for authorities and management bodies, contributing to a better understanding of the current situation with regard to the trends in the consumption of tourist services by the population of the Northwestern Federal District in connection with the existing limitations of official statistics and the subsequent development of directions for its stimulation.

Tourism services, tourism, domestic tourism, Northwestern Federal District, consumption.

REFERENCES

- Arbulú I., Razumova M., Rey-Maqueira J., Sastre F. (2021). Can domestic tourism relieve the COVID-19 tourist industry crisis? The case of Spain. *Journal of Destination Marketing and Management*, 20, 100568. DOI: 10.1016/j.jdmm.2021.100568
- Donskova L.I., Barannikov A.L., Makovetskii M.Yu. (2022). Consumer research in the domestic tourism market during the pandemic: Preference and trends. *Vestnik akademii znanii=Bulletin of the Academy of Knowledge*, 52(5), 127–136 (in Russian).
- Duro J.A., Perez-Laborda A., Fernandez M. (2022). Territorial tourism resilience in the COVID-19 summer. *Annals of Tourism Research Empirical Insights*, 3, 1. DOI: 10.1016/j.annale.2022.100039
- Gossling S., Scott S., Hall M. (2021). Pandemics, tourism, and global change: A rapid assessment of COVID-19. *Journal of Sustainable Tourism*, 29, 1–20.
- Ivanov I.A., Vasil'eva T.V., Krasil'nikova I.N., Manakov A.G. (2022). Domestic tourism in the NWFD municipalities: Statistical estimations and the impact of the COVID-19 pandemic. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva=Proceedings of the Russian Geographical Society*, 154(5-6), 59–72. DOI: 10.31857/S0869607122050044 (in Russian).
- Kondrat'eva S.V. (2022). Tourism development in the regions of European North. *Arktika i Sever=Arctic and North*, 47, 164–187. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.164 (in Russian).
- Kozhevnikov S.A., Sekushina I.A. (2021). Interregional cooperation: Experience of the regions of the European North of Russia. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Ekonomika=Journal of Volgograd State University. Economics*, 23(4), 56–70. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2021.4.5 (in Russian).
- Kreiner N.C., Ram Y. (2021). National tourism strategies during the COVID-19 pandemic. *Annals of Tourism Research*, 89, 103076.
- Leonidova E.G. (2022). Priorities and threats for the development of regional tourism. *Regionologiya=Russian Journal of Regional Studies*, 30(3), 624–646. DOI: 10.15507/2413-1407.120.030.202203.624-646 (in Russian).
- Leonidova E.G., Sidorov M.A. (2019). Structural changes in the economy: Searching for sectoral drivers of growth. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 12(6), 166–181. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.9 (in Russian).
- Manakov A.G. (Ed.). (2022). *Vidy turizma i geografiya turpotokov v zerkale pandemii COVID-19: monografiya* [Tourism Types and Geography of Tourist Flows in the Mirror of the COVID-19 Pandemic: Monograph]. Pskov: Pskovskii gos. un-t.
- Moroshkina M.V., Kondrat'eva S.V. (2021). Regional accessibility as a factor in the development of a tourism destination. *Regionologiya=Russian Journal of Regional Studies*, 29(1), 60–81. DOI: 10.15507/2413-1407.114.029.202101.060-081 (in Russian).
- Nguyen C.P., Su T.D. (2020). Domestic tourism spending and economic vulnerability. *Annals of Tourism Research*, 85, 103063. DOI: 10.1016/j.annals.2020.103063

- Orlova V.S. (2021). Potential of the tourism and recreation sphere in the European North: Evaluation and development vector in terms of the Arctic development. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*=*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14(1), 141–153. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.10 (in Russian).
- Ovcharov A.O. (2014). Classification of economic activities in the tourism segment of the economy. *Voprosy statistiki*, 8, 40–45. DOI: 10.34023/2313-6383-2014-0-8-40-45 (in Russian).
- Ovcharov A.O. (2021). On the improvement of statistical accounting for tourism trips amidst crisis. *Voprosy statistiki*, 28(2), 67–79. DOI: 10.34023/2313-6383-2021-28-2-67-79 (in Russian).
- Pospelova S.V., Kutyeva E.R. (2022). Resources for the development of ethic tourism in the territories of the Arctic part of Russia. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 3, 211–214 (in Russian).
- Rogerson C.M., Rogerson J.M. (2021). COVID-19 and changing tourism demand: Research review and policy implications for South Africa. *African Journal of Hospitality, Tourism and Leisure*, 10(1), 1–21. DOI: 10.46222/ajhtl.19770720-83
- Simonyan G.A., Saryan A.A. (2022). Strategic goals and objectives of the development of domestic tourism in new conditions. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*=*Modern Scientific Thought*, 6, 266–273. DOI: 10.24412/2308-264X-2022-6-273-277 (in Russian).
- Thano R., Kote D. (2015). The tourism consumption, a special economic category of the final demand in Albania and in the countries of the region. *EuroEconomica*, 34, 103–112.
- Woyo E. (2021). The sustainability of using domestic tourism as a post-COVID-19 recovery strategy in a distressed destination. In: Wörndl W., Koo C., Stienmetz J.L. (Eds.). *Information and Communication Technologies in Tourism*. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-030-65785-7_46
- Yakovchuk A.A. (2020). Tourism industry development issues in the Arctic zone of the Russian Federation. *Arktika i SeverArctic and North*, 38, 56–72. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.5656 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina G. Leonidova – PhD in Economics, head of the laboratory of sectoral studies of the center for structural research and forecasting of territorial development of the department of problems for socio-economic development and management in territorial systems, Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: eg_leonidova@mail.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.6

УДК 332.1 | ББК 65.04

© Заколюкина Е.С.

ТРАНСПОРТНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА РЕГИОНА КАК ФАКТОР ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА ЗАКОЛЮКИНА

Уральский государственный экономический университет

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: k_zako@mail.ru

ORCID: 0009-0004-4570-7285

Статья посвящена изучению транспортной инфраструктуры региона как фактора развития территорий. В ходе работы проанализированы научные исследования по данной тематике. В результате анализа сформулированы ключевые особенности транспортной инфраструктуры как фактора пространственного развития территорий на примере Российской Федерации, а также дано авторское определение этого феномена. К характерным особенностям относятся зависимость между региональными различиями по уровню социально-экономического развития и степени эффективности транспортной инфраструктуры; наличие связи между инвестициями в транспортную инфраструктуру и уровнем развития региона; связь транспортной инфраструктуры и качества жизни населения и др. Проведен сравнительный анализ рейтингов федеральных округов по индексу развития транспортной инфраструктуры и одному из индикаторов качества жизни – среднедушевые доходы населения, в результате чего было продемонстрировано наличие связи между этими показателями. Также в работе подчеркивается наличие не только положительных эффектов от функционирования транспортной инфраструктуры в рамках развития территорий, но и возможность отрицательных воздействий. Подобный аспект на сегодняшний день изучен недостаточно. По мнению автора, основной проблемой является отсутствие объективной оценки функционирования транспортной инфраструктуры в целом. Имеющиеся методики оценки транспортного комплекса, транспортной инфраструктуры включают в себя хаотичный набор индикаторов. Подчеркивается необходимость качественной оценки транспортной инфраструктуры посредством разработки интегрального показателя.

Для цитирования: Заколюкина Е.С. (2023). Транспортная инфраструктура региона как фактор пространственного развития территории // Проблемы развития территории. Т. 27. № 5. С. 79–95. DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.6

For citation: Zakolyukina E.S. (2023). Transport infrastructure as a factor of the territory's spatial development. *Problems of Territory's Development*, 27 (5), 79–95. DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.6

В связи с этим упоминается тенденция перехода к цифровой транспортной инфраструктуре. Комплексная объективная оценка транспортной инфраструктуры будет способствовать определению максимально точного вектора пространственного развития региона, а также позволит корректировать принятые стратегические планы.

Пространственное развитие, транспортная инфраструктура, развитие территорий, социально-экономическое развитие региона, методика оценки.

Введение

В настоящее время транспортная составляющая имеет огромное значение в рамках процессов развития как государства, так и региона, что связано с повсеместной тенденцией к интеграции, с повышением мобильности и др. С учетом особенностей географического положения Российской Федерации, а также текущей геополитической ситуации, специфика пространственного развития в масштабах страны особенно важна. Неотъемлемым направлением освоения пространства выступает внедрение эффективной транспортной системы. В связи с этим цель исследования заключается в выявлении барьеров, препятствующих эффективному функционированию транспортной инфраструктуры региона как фактора пространственного развития территории. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) проанализировать взгляды как российских, так и зарубежных ученых по вопросу транспортной инфраструктуры, транспорта в целом;
- 2) выделить особенности транспортной инфраструктуры как фактора пространственного развития территорий (на примере Российской Федерации);
- 3) сформулировать авторское определение фактора пространственного развития территорий в виде транспортной инфраструктуры;
- 4) рассмотреть известные методики оценки транспортной инфраструктуры, транспорта в целом;
- 5) провести анализ связи индекса развития транспортной инфраструктуры и одного из социально-экономических показателей РФ,

демонстрирующих уровень жизни населения («среднедушевые доходы населения»).

В ходе работы использовались следующие теоретические методы исследования: анализ, синтез, сравнение, абстрагирование.

Проведение научного анализа в этой сфере является актуальным в силу принятых в РФ стратегий развития, территориальных особенностей государства, а также недостаточной глубины изученности вопроса.

Так, согласно Стратегии пространственного развития Российской Федерации, до 2030 года ключевыми тенденциями выступают концентрация экономического роста в ограниченном числе центров, рост социально-экономической роли городов; стабилизация численности населения в большинстве субъектов РФ; сокращение межрегиональных социально-экономических диспропорций; трансформация пространственной организации экономики; сохранение инфраструктурных ограничений федерального значения; усиление влияния научно-технического прогресса на пространственное развитие РФ¹.

При этом к основным проблемам пространственного развития в РФ в соответствии с обозначенной выше стратегией относятся несоответствие уровня развития магистральной транспортной инфраструктуры потребностям экономики и населения, наличие инфраструктурных ограничений, низкая транспортная связанность центров экономического роста с другими территориями, низкий уровень интегрированности различных видов транспорта, нереализованный транзитный потенциал РФ.

В отношении регионального аспекта необходимо подчеркнуть, что политика госу-

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения 17.07.2023).

дарства в рамках развития регионов нацелена на обеспечение равных возможностей для граждан всей территории страны. А.А. Баширова отмечает ключевую роль региона в рамках территориальной структуры экономики (Баширова, 2018). Также она обращает внимание на функционирование регионов в состоянии неопределенности и подчеркивает, что на современном этапе необходим переход к нематериальным факторам их развития.

В соответствии с Основами государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года предполагается достижение следующих результатов: снижение различий в уровне и качестве жизни населения РФ, проживающего в различных регионах и местности; снижение различий в уровне социально-экономического развития регионов; достижение необходимого уровня инфраструктурной обеспеченности всех территорий РФ; развитие процесса урбанизации и др.²

Стоит отметить, что, согласно этому документу, к факторам, влияющим на государственную политику развития регионов, относятся инфраструктурная обеспеченность регионов и городов, износ транспортной инфраструктуры³.

Одной из особенностей развития РФ выступают значительные различия степени освоения территорий. Существенные диспропорции объясняются огромным масштабом страны, наличием разных климатических зон, неоднородностью заселения территорий, расстояниями до экономических центров, транспортных коридоров, а также специализацией регионов⁴.

С.П. Земцов и Ю.А. Смелов указывают на диспропорции в социально-экономическом развитии регионов РФ, а также на такие определяющие факторы для развития ре-

гионов, как сырьевые и агроклиматические ресурсы, выгодное географическое положение (Земцов, Смелов, 2018). Необходимо подчеркнуть, что в ходе работы авторами был подтвержден ряд гипотез о значимости факторов для развития региона, включая расположение на основных транспортных магистралях.

На сегодняшний день одним из ключевых факторов, ограничивающих рост российской экономики, является недостаточное развитие транспортной системы⁵. Уровень развития транспорта не позволяет в полной мере удовлетворять потребности экономики, в том числе спрос инновационного сектора. Таким образом, необходима перестройка системы. Результаты научного исследования, позволяющего выявить препятствия на пути к внедрению отвечающей вызовам времени транспортной системы, эффективно функционирующей транспортной инфраструктуры, могут быть использованы в ходе разработки стратегий пространственного развития.

Литературный обзор

Тема транспорта, его взаимосвязи с экономическим развитием не нова, широко освещена как российскими, так и зарубежными учеными. Отметим, что, несмотря на заявленную тему исследования, касающуюся транспортной инфраструктуры региона, в обзор также включены работы, посвященные как транспорту в целом, так и транспортным системам.

Н.А. Лебедева подчеркивает возрастающее значение транспортной системы как связующего элемента экономических субъектов на территории Российской Федерации (Лебедева, 2021). Подобная ситуация связана с необходимостью интеграции экономического пространства.

² Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Указом Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13. URL: <https://minvr.gov.ru/upload/iblock/dd2/указ.pdf> (дата обращения 11.07.2023).

³ Там же.

⁴ Формирование стратегии пространственного развития Российской Федерации: проблемы и перспективы // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/59975> (дата обращения 27.07.2023).

⁵ Совет Безопасности Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/economic/document123> (дата обращения 11.07.2023).

Е.В. Дробот и Е.В. Ярикова, анализируя дифференциацию социально-экономического пространства РФ, отмечают неравномерное распределение транспортных сетей по регионам. Исследователи говорят о существенном влиянии инфраструктурных сетей на развитие территорий и выделяют три типа развивающихся регионов, один из которых предполагает социально-экономическое развитие на основе транспортно-инфраструктурного потенциала и географического положения (Дробот, Ярикова, 2019).

Н.О. Ли и А.И. Кибиткин также подчеркивают наличие неравенства в социально-экономическом развитии регионов РФ, обозначают регионы-доноры и регионы-реципиенты. Подобное деление основывается на возможностях регионального бюджета и налогового потенциала того или иного региона. Так, одним из факторов, влияющих на налоговый потенциал территории, является уровень развития транспортной инфраструктуры (Ли, Кибиткин, 2020).

Г.И. Поподько говорит об асимметрии социально-экономического развития регионов, сдерживающей экономический рост государства. Как отмечает исследователь, существуют объективные и субъективные факторы наблюдаемых диспропорций. К объективным относятся природно-климатические условия, наличие природных ресурсов, положение относительно производственной и транспортной инфраструктуры. Экономическая политика в регионе, специализация территории выступают субъективными факторами (Поподько, 2022).

Согласно О.Н. Владимировой и А.А. Морозовой, пространственные особенности России придают транспорту исключительную роль (Владимирова, Морозова, 2023). В соответствии с определением исследователей транспортная инфраструктура представляет собой совокупность путей сообщения, технических и цифровых средств, зданий и сооружений, обеспечивающих эффективные перевозки грузов и пассажиров. Авторы отмечают, что в существующих трактовках понятия не отражаются процессы цифровизации, посредством которых меняются

экономические отношения. Пространство региона не может быть полноценно сформировано без необходимой транспортной инфраструктуры, коррелирующей с уровнем социально-экономического развития территории.

Л.Ю. Бережная говорит о неразрывной связи между транспортной отраслью и социально-экономическим развитием того или иного региона. Отдельное внимание исследователь уделяет приграничным территориям (Бережная, 2021). Согласно результатам исследования Л.Ю. Бережной, низкий уровень транспортной доступности приграничного региона негативно влияет на рост экономики в регионе. Развитая приграничная территория способствует благоприятному использованию внешнеэкономических связей, а также сохранению территориальной целостности. Для приграничных территорий добавляется внешнеторговая функция.

Необходимо подчеркнуть, что в другой научной работе, исследуя взаимосвязь регионального развития и транспортной инфраструктуры, Л.Ю. Бережная приходит к заключению о том, что уровень развития инфраструктуры может иметь как положительное, так и отрицательное влияние на экономику региона (Бережная, 2019). При этом наблюдается также и противоположная зависимость: наличие сложностей и проблем в регионе в целом негативно сказывается на транспортной инфраструктуре.

Е.Н. Томашева на примере Дальневосточного федерального округа выделяет наличие развитой инфраструктуры различных видов транспорта на территории округа, устойчивую транспортно-логистическую систему как факторы, положительно влияющие на социально-экономическое развитие Приморского края (Томашева, 2020).

Н.А. Серова предлагает для оценки развития региональной транспортной инфраструктуры использовать методику, включающую следующие этапы: сбор показателей, расчет интегральных показателей по социальному и производственному блоку и разработка рекомендаций по результатам оценки. Также исследователь подчеркивает

ет, что наличие эффективной транспортной инфраструктуры выступает обязательным условием социально-экономического развития территории (Серова, 2022).

В.В. Мищенко и И.К. Мищенко выявляют стратегические проблемы транспортной инфраструктуры Алтайского края, оказывающие влияние на социально-экономическое развитие всего региона. К слабым местам учеными отнесены недостаточная пропускная способность автомобильных дорог, низкий уровень развития авиационного транспорта и авиаперевозок, низкий уровень развития транспортной инфраструктуры, препятствующий развитию туризма, и др. По мнению исследователей, решение данных проблем должно быть отражено в Стратегии развития региона, что благоприятно отразится на развитии территорий (Мищенко, Мищенко, 2022).

М. Степняк и П. Росик отмечают, что пространственная дифференциация транспортных составляющих зависит от множества факторов, например транспортной инфраструктуры и трансформаций в расселении населения (Stepniak, Rosik, 2018).

Российские исследователи предлагают методику оценки транспортной доступности, учитывающую временные и стоимостные затраты. По мнению ученых, полученные результаты оценки могут быть применены для выявления воздействия тех или иных факторов на социально-экономическое развитие территорий и др. (Лавриненко и др., 2019).

Т.В. Богданова и К.А. Евдокимова в контексте урбанизации говорят о том, что транспортная составляющая выступает одним из ключевых компонентов комфортной городской среды, при этом подчеркивая необходимость разработки научно-методического инструментария по оценке ее влияния (Богданова, Евдокимова, 2021).

Т.М. Позднякова основным фактором организации производительных сил на терри-

тории региона называет степень транспортной освоенности. Транспортный фактор способствует формированию производственной структуры региона, что позволяет эффективно функционировать всей социально-экономической системе. Исследователь подчеркивает, что транспортный фактор имел определяющее значение как на региональном, так и на государственном уровне на протяжении различных общественно-исторических этапов. При этом он может не только стимулировать развитие региона, но и иметь обратный эффект (Позднякова, 2018).

Необходимо отметить, что транспортная освоенность подразумевает «характер проникновения и обслуживания транспортным сообщением определенной территории»⁶. Синонимом данного понятия может выступать «транспортная обеспеченность территории». Выделяют несколько пространственных типов освоения территории (рис. 1).

Важное значение транспортной обеспеченности становится все более очевидным в связи с нестабильной геополитической обстановкой, освоением новых территорий. Открытие транспортных коридоров, автомобильных дорог, проходящих по новым территориям, несомненно, будет способствовать экономическому росту, развитию туризма, бизнеса⁷.

Т.В. Ускова говорит о транспортной инфраструктуре, занимающей основное место в рамках развития пространства и экономики. Как отмечает автор, недостаточный уровень развития транспортной инфраструктуры может стать препятствием для инвестиций, следовательно, сдерживать размещение производительных сил. Транспортная составляющая инфраструктуры может способствовать трансформации географических особенностей РФ в ее конкурентные преимущества. Особую важность имеет определение особенностей развития транспорта на уровне конкретных территорий (Ускова, 2021).

⁶ Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/transportnaia-osvoennost-territorii-0d2e6d> (дата обращения 21.07.2023).

⁷ Басюк: Развитие транспортных коридоров в новых регионах даст мощный толчок для бизнеса // Парламентская газета: офиц. сайт. URL: <https://www.pnp.ru/politics/basyuk-razvitie-transportnykh-koridorov-v-novykh-regionakh-dast-moshhnyy-tolchok-dlya-biznesa.html> (дата обращения 19.07.2023).

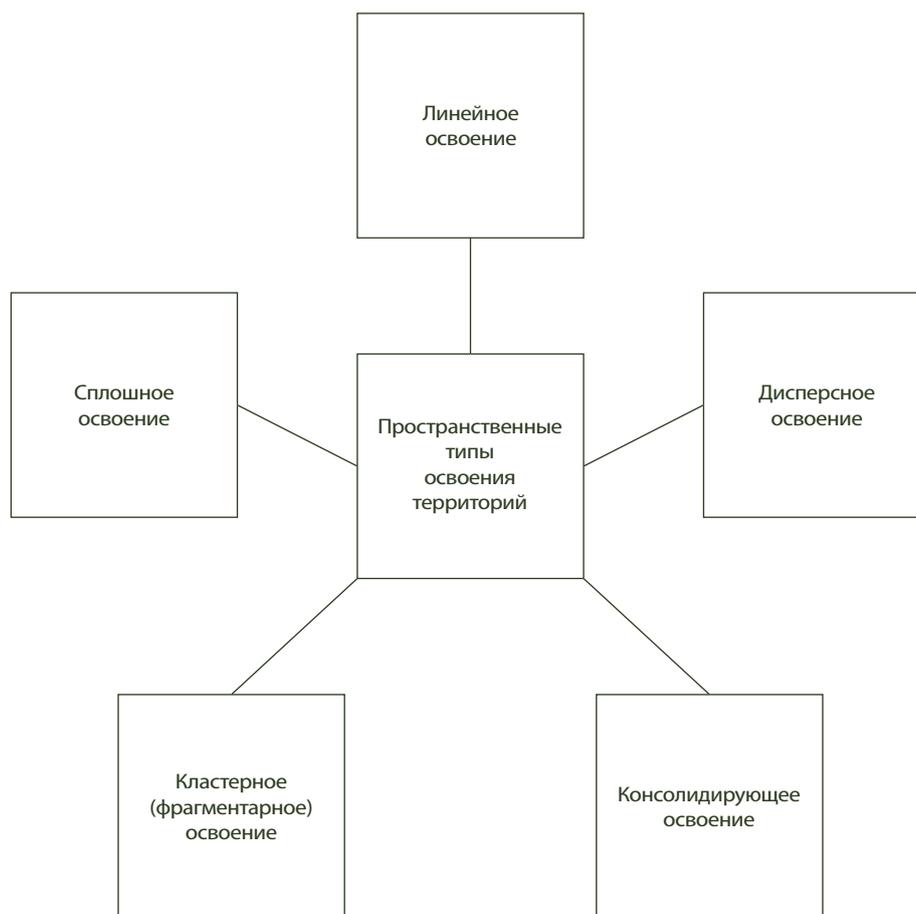

Рис. 1. Пространственные типы освоения территорий

Источник: Большая российская энциклопедия.

URL: <https://bigenc.ru/c/transportnaia-osvoennost-territorii-0d2e6d> (дата обращения 21.07.2023).

Т. Коморницкий и С. Голишек в рамках своего исследования сделали вывод о том, что основное влияние на экономическое развитие приходится на начало развития транспортной инфраструктуры. Они предложили тезис о динамической пространственной последовательности касательно зависимости между инвестициями в инфраструктуру и развитием регионов и мегаполисов (Komornicki, Goliszek, 2023).

Группа зарубежных исследователей рассмотрела взаимосвязь между инвестициями в транспорт и экономическим развитием региона. Подчеркивается роль инвестиций в транспорт, благодаря которым повышается привлекательность регионов, происходит стимулирование ВРП и роста городов (Pokharel et al., 2023).

А. Нестико, Ф. Руссо также говорят о значении экономических изменений, кото-

рые влечет транспортная инфраструктура (Nesticò, Russo, 2022). Одним из преимуществ инвестиционной деятельности в этой сфере является повышение уровня доступности территорий.

На примере Уганды было проведено исследование, показывающее, что инвестиции в инфраструктуру автомобильного транспорта существенно влияют на экономический рост государства как в долгосрочном, так и в краткосрочном периоде (Muvawala et al., 2021).

Китайские ученые, исследуя транспортные регионы, отмечают наличие существенного влияния дорожной инфраструктуры на местную экономику, что способствует привлечению иностранных инвестиций, а также развитию рынка недвижимости (Li et al., 2018).

Е.В. Ильина и А.В. Пурис обозначают транспортную инфраструктуру стратегиче-

ским фактором социально-экономического развития региона, способствующим экономическому росту, переходу на путь инновационного развития как региональной, так и международной кооперации, повышению качества жизни населения (Ильина, Пурис, 2019). Таким образом, посредством развития транспортной отрасли возможно достижение поставленных целей: финансово-экономических, социальных, внешнеполитических. Транспортная составляющая все активнее приобретает системообразующую роль в социально-экономическом развитии.

Роль транспорта в качестве двигателя социально-экономического роста существенно возросла в связи с процессами глобализации, развитием международных отношений и др. (Oketchukwu et al., 2021).

А.Д. Корнилова и К.А. Бабенчук рассматривают различные эффекты, привносимые развитием транспортной инфраструктуры (Корнилова, Бабенчук, 2021): эффект повышения инвестиционного спроса на продукцию, услуги в ходе строительства объектов инфраструктуры и т. п.; эффект от повышения транспортной доступности территории; эффект от увеличения выпуска продукции как результат устранения инфраструктурных ограничений; эффект от деятельности участников инфраструктурных проектов.

Названные следствия развития транспортной инфраструктуры способствуют не только экономическому росту, но и повышению качества жизни населения, интеграции территорий в масштабах страны, увеличению числа торговых межрегиональных связей и т. п.

Д.Р. Салимова и Ю.Ю. Пономарев также подчеркивают наличие положительных эффектов от развития транспортной инфраструктуры: экономический рост, повышение факторной производительности. При этом акцентируется внимание на благоприятном воздействии более развитой региональной инфраструктуры на объем экспорта (Салимова, Пономарев, 2020).

Среди работ есть исследования, посвященные выявлению значимости транспорта для качества жизни. Например, учеными

была продемонстрирована связь транспорта с индексом качества жизни на примере Дании (Hybel, Mulalic, 2022).

Полученные результаты и обсуждение

Основываясь на проведенном анализе научных источников, обозначим особенности транспортной инфраструктуры как фактора пространственного развития территорий, характерные для Российской Федерации:

- транспортная инфраструктура обладает исключительной ролью (уникальность географического положения государства);
- обеспечение территориальной связи;
- присутствует зависимость между дифференциацией регионов по степени социально-экономического развития и уровню эффективности транспортной инфраструктуры;
- присутствует зависимость между объемом инвестиций в транспортную инфраструктуру и уровнем благосостояния региона;
- присутствует зависимая связь с уровнем качества жизни населения того или иного региона;
- имеются как положительные, так и отрицательные эффекты от развития транспортной инфраструктуры.

В результате проведенного анализа предлагается следующее определение фактора пространственного развития территорий в виде транспортной инфраструктуры. Так, по нашему мнению, транспортная инфраструктура как фактор пространственного развития – это состояние и условия ее функционирования, которые имеют влияние (взаимное) на социально-экономическое, внешнеполитическое, межрегиональное развитие посредством обеспечения максимально эффективной связи всех процессов, касающихся перемещения в пространстве населения и объектов хозяйственной деятельности в ходе освоения новых территорий, а также поддержания связи между субъектами.

Как уже упоминалось выше, в научной литературе присутствуют исследования, подтверждающие возможность возникновения отрицательных эффектов от функци-

Рис. 2. Транспортная инфраструктура как фактор пространственного развития

Источник: составлено автором.

онирования транспортной инфраструктуры. При этом данный аспект недостаточно изучен. На наш взгляд, негативные последствия действительно возможны. Проблемой является вопрос нивелирования отрицательных эффектов, всевозможных рисков. Решением может стать качественная оценка транспортной инфраструктуры (рис. 2). Очевидно, что любая качественная оценка предполагает методiku, а также методический инструментарий.

На сегодняшний день известно множество различных методов оценки транспорта и транспортных систем в целом. С возникновением концепции «умных городов» стали все более актуальными исследования, посвященные транспортной составляющей в городах. Отметим, что концепция «умный город» может рассматриваться как один из компонентов цифровой транспортной инфраструктуры (Пьянкова, Заколюкина, 2022а).

Назовем некоторые из известных систем оценок транспорта в масштабе городов. Так, специалистами консалтинговой компании McKinsey & Company был подготовлен отчет по исследованию транспортных систем

крупнейших городов мира⁸. Оценка проводилась по следующим категориям показателей: физическая активность, финансовая доступность, эффективность, удобство и безопасность и устойчивое развитие. В результате исследования транспортных систем крупнейших городов мира лидирующие позиции заняли Сингапур, Большой Париж, Гонконг, Лондон, Мадрид, Москва, Чикаго, Сеул, Нью-Йорк, Милан (провинция).

В отчете отмечается зависимость степени развития транспорта от уровня экономического благосостояния. Действительно, для развития эффективной транспортной инфраструктуры города необходимы существенные инвестиции. Возникает вопрос, справедливо ли утверждение о том, что только в городах, демонстрирующих экономический рост, возможно развитие транспортных систем. В ходе исследования McKinsey & Company выявлено, что, несмотря на тенденцию развития транспорта в более богатых городах, степень экономического развития города не может препятствовать развитию транспортной системы, а также гарантировать успех. Поэтому необходимо

⁸ Кнупфер Ш., Покотило В., Вотцель Дж. (2008). Транспортные системы 24 городов мира: составляющие успеха. McKinsey & Company. URL: <https://goo.su/2J042> (дата обращения 28.07.2023).

подчеркнуть важное значение политики города, региона, принятой стратегии в сфере транспорта.

Коллективом ученых МГУ был подготовлен аналитический отчет об уровне развития крупнейших городов, как российских, так и зарубежных, включающий методику расчета интегрального индекса развития транспортного комплекса⁹. В структуру расчета индекса входят следующие субиндексы: индекс качества транспортных услуг для населения; индекс доступности транспортных услуг для населения; индекс безопасности дорожного движения и воздействия транспорта на окружающую среду. В качестве исходных данных выступают более 100 первичных показателей. Рейтинг индекса развития транспортного комплекса российских городов выглядит следующим образом:

- 1) Москва;
- 2) Санкт-Петербург;
- 3) Нижний Новгород;
- 4) Новосибирск;
- 5) Самара;
- 6) Екатеринбург;
- 7) Казань;
- 8) Ростов-на-Дону;
- 9) Красноярск;
- 10) Воронеж¹⁰.

Необходимо упомянуть разработанный в рамках национального проекта России индекс качества городской среды, включающий показатели улично-дорожной сети: улицы, проезды, набережные¹¹. Достаточно ли оценки только этих параметров относительно функционирования транспорта в городе и наличия соответствующей инфраструктуры? Расчет индекса в целом содержит 36 индикаторов, опирающихся на показатели пространства (жилье и прилегающие пространства, озеленение, общественно-деловая инфраструктура, социально-досуговая, улично-городская сеть, общегородское

пространство) и критерии оценки (безопасность, комфортность, экологичность, идентичность и разнообразие, современность и актуальность среды, эффективность управления).

Как видно из обзора методик, системы оценок включают в себя различные показатели. Объективны ли результаты подобных оценок?

Касательно оценки транспортной инфраструктуры в целом стоит упомянуть исследование инвестиционной компании InfraOne Research, в котором рассчитывается индекс развития транспортной инфраструктуры, как интегральный, так и по регионам¹². Согласно результатам этого исследования, средний индекс развития транспортной инфраструктуры в РФ составил 3,24. Отметим, что индекс рассчитывается по субиндексам, индексу развития инфраструктуры автомобильных и железнодорожных дорог, авиационного транспорта. В связи с этим также возникает вопрос, достаточно ли такого набора параметров для объективной оценки развития транспортной инфраструктуры? На *рис. 3* представлен индекс по федеральным округам за 2020–2021 гг. Как видно из графика, в некоторых округах, в том числе в Центральном федеральном округе, значение показателя снизилось, в большинстве округов или увеличилось незначительно, или не изменилось. На *рис. 4* отражены показатели за 2021 год. Лидирующие позиции по развитию транспортной инфраструктуры в 2021 году занимали Центральный и Северо-Западный федеральные округа. В аутсайдерах находился Приволжский федеральный округ.

Как отмечалось выше, среди научных работ присутствуют исследования, где фиксируется связь транспортной составляющей и качества жизни населения. Проанализируем эту связь, используя индекс развития транс-

⁹ Федянин А.А., Грунин А.А., Карасев О.И. (и др.) (2020). Индекс развития транспортного комплекса. Аналитический доклад. 116 с. URL: https://www.msu.ru/upload/pdf/2020/Transport_Index_MSU_2020.pdf (дата обращения 14.07.2023).

¹⁰ Там же.

¹¹ Индекс качества городской среды: офиц. сайт. URL: <https://индекс-городов.рф> (дата обращения 17.07.2023).

¹² Индекс развития инфраструктуры России 2021 // InfraOne Research: официальный сайт. URL: https://infraoneresearch.ru/index_id/2021 (дата обращения 17.07.2023).

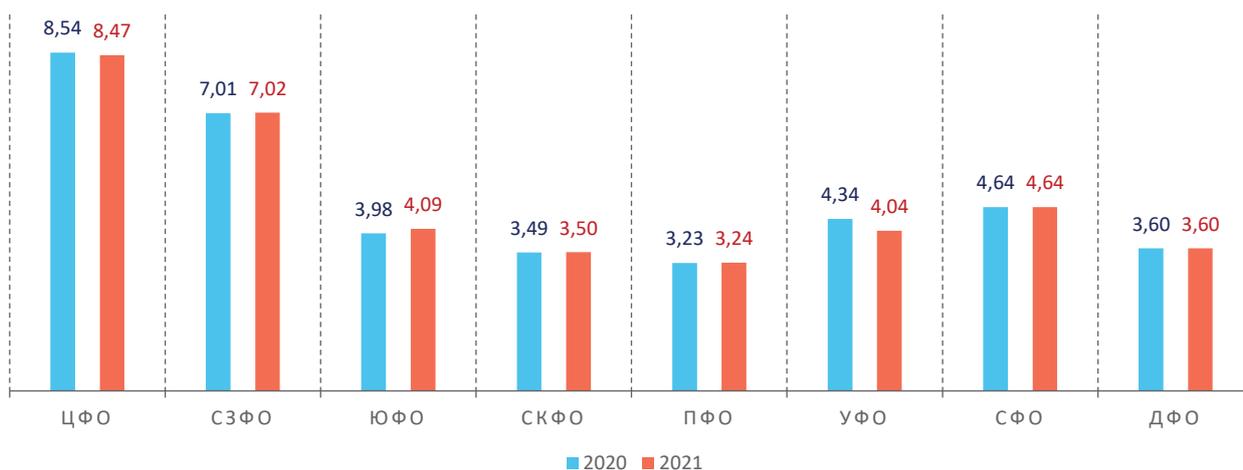

Рис. 3. Индекс развития транспортной инфраструктуры по федеральным округам за 2020–2021 гг.

Источник: Индекс развития инфраструктуры России 2021 // InfraOne Research: офиц. сайт.
URL: https://infraoneresearch.ru/index_id/2021 (дата обращения 17.07.2023).

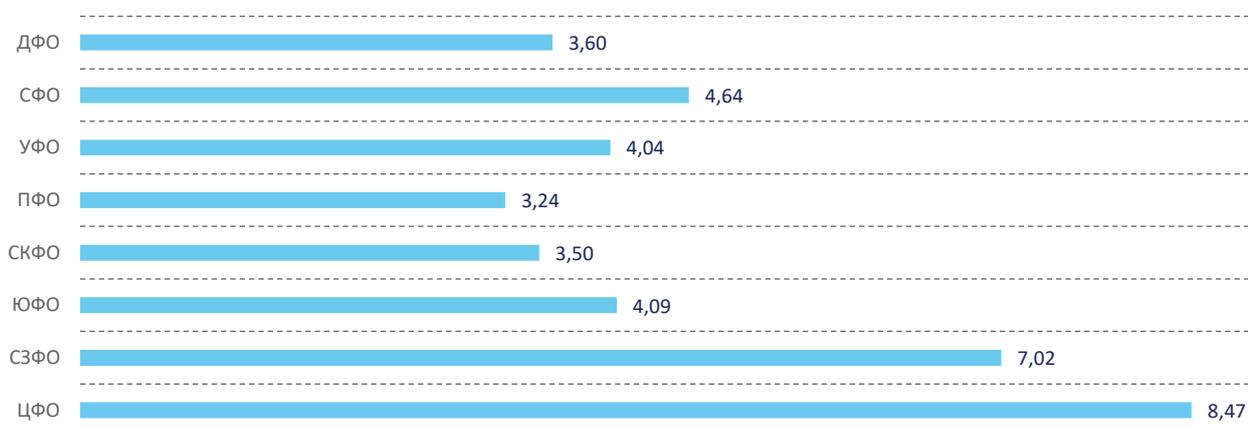

Рис. 4. Индекс развития транспортной инфраструктуры по федеральным округам, 2021 год

Источник: Индекс развития инфраструктуры России 2021 // InfraOne Research: офиц. сайт.
URL: https://infraoneresearch.ru/index_id/2021 (дата обращения 17.07.2023).

портной инфраструктуры InfraOne Research и один из социально-экономических показателей РФ, демонстрирующих уровень жизни населения. Возьмем показатель «среднедушевые доходы населения». Исходные данные по доходам по РФ и федеральным округам представлены в табл. На рис. 5 продемонстрированы графически доходы населения по округам в динамике за последние несколько лет. На рис. 6 показаны данные за 2021 год отдельно. Самые высокие показатели зафиксированы в Центральном федеральном округе.

Далее нами были сопоставлены рейтинги одного из показателей уровня жизни населения (обозначен выше) и индекса разви-

тия транспортной инфраструктуры по округам за 2021 год (рис. 7).

На рис. 7 зеленым цветом обозначены совпадающие позиции в рейтинге, например, Центральный федеральный округ (ЦФО) лидирует в обоих рейтингах. Желтым обозначены округа, которые находятся на близких позициях, красным – федеральные округа, по которым заметен разрыв: Дальневосточный федеральный округ в отношении уровня жизни находится на третьем месте, в рейтинге развития транспортной инфраструктуры – на шестой позиции, Сибирский федеральный округ – на седьмом месте по уровню жизни и на третьем – по развитию транспортной инфраструк-

Таблица. Среднедушевые доходы населения, 2013–2021 гг., руб. в месяц

Федеральный округ	Год								
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Российская Федерация	25684	27412	30254	30865	31897	33361	35506	36240	40272
Центральный федеральный округ	33499	34825	38832	40200	41897	44194	47584	48566	54727
Северо-Западный федеральный округ	25490	27778	31253	32822	34299	36255	38079	39486	44531
Южный федеральный округ	21563	23997	25317	26435	27348	28650	30204	30910	34974
Северо-Кавказский федеральный округ	18616	20332	22544	22275	23018	23263	24406	24525	26774
Приволжский федеральный округ	21639	23599	26100	25615	25987	26697	28292	28625	31306
Уральский федеральный округ	28719	29997	32726	32907	33643	35095	37038	37351	40219
Сибирский федеральный округ	20108	21256	23535	23815	24532	25665	27217	27999	30770
Дальневосточный федеральный округ	28210	31125	35019	35785	36947	35518	37962	39086	42455

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 20.07.2023).

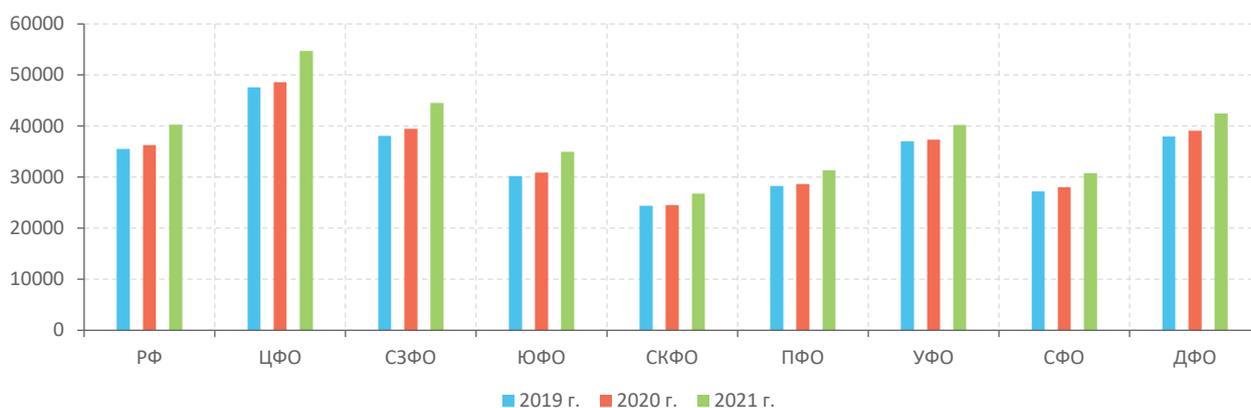

Рис. 5. Среднедушевые денежные доходы населения по федеральным округам за 2019–2021 гг., руб. в месяц

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 20.07.2023).

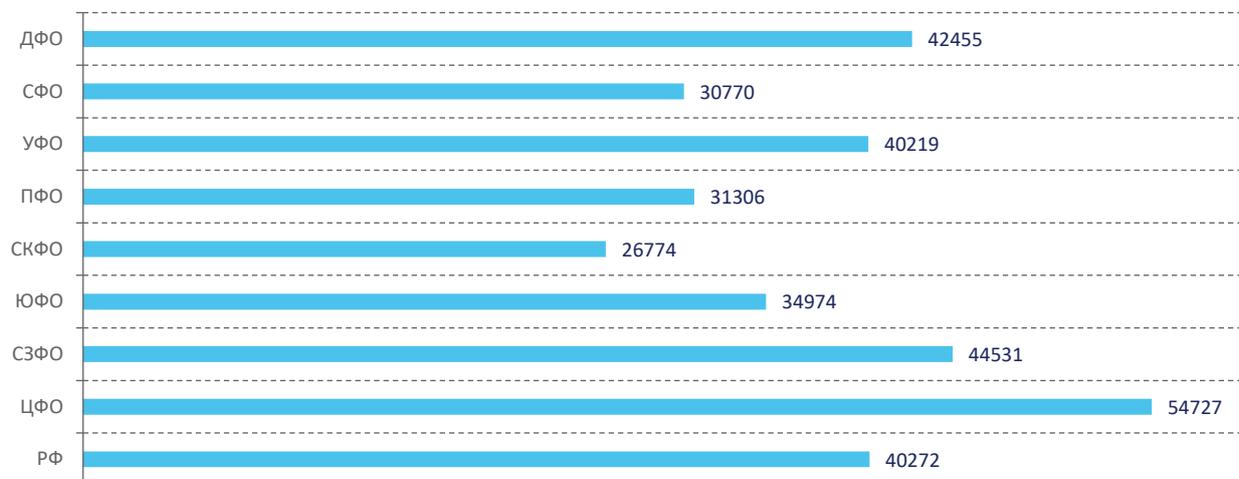

Рис. 6. Среднедушевые денежные доходы населения по округам за 2021 год, руб. в месяц

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 20.07.2023).

	Показатель уровня жизни населения	Индекс развития транспортной инфраструктуры
1	ЦФО	ЦФО
2	СЗФО	СЗФО
3	ДФО	СФО
4	УФО	УФО
5	ЮФО	ЮФО
6	ПФО	ДФО
7	СФО	СКФО
8	СКФО	ПФО

Рис. 7. Рейтинг уровня жизни населения и индекса развития транспортной инфраструктуры по округам за 2021 год

Источник: составлено автором.

туры. В большинстве округов обнаружена прямопропорциональная зависимость показателей, то есть можно говорить о наличии зависимости развития транспортной инфраструктуры и уровня жизни. Однако такой анализ не может быть объективным. Во-первых, используемый индекс развития транспортной инфраструктуры не включает все параметры, характеризующие степень развития отрасли. Во-вторых, использован не интегральный показатель уровня жизни. Таким образом, как уже было обозначено выше, для выявления зависимостей, а также эффектов от развития транспортной инфраструктуры необходима ее качественная оценка. Целесообразна разработка интегрального показателя. Необходимо отметить, что проведение подобной оценки имеет сложности. На сегодняшний день транспорт активно развивается, ускоряется научно-технический прогресс, происходит повсеместный переход на цифру. На данный момент можно говорить о цифровой транспортной инфраструктуре, затрагивающей весь транспортный комплекс и требующей оценки (Пьянкова, Заколюкина, 2022b). Наличие качественной, объективной оценки функционирования и развития транспортной инфраструктуры позволит минимизировать возможные отрицательные эффекты, корректировать стратегию развития региона, повышать ее эффективность, способствующую экономическому развитию той или иной территории. Исследование в данной области будет продолжено.

Заключение

В ходе работы был выявлен барьер относительного функционирования транспортной инфраструктуры региона как фактора пространственного развития территорий в виде отсутствия ее объективной оценки. Для достижения результата исследования проанализированы ключевые особенности транспортной инфраструктуры как фактора пространственного развития, в том числе наличие связи с уровнем социально-экономического развития той или территории, качеством жизни населения, а также наличие как положительных, так и отрицательных эффектов.

Научная новизна исследования заключается в обогащении теоретических знаний по заявленной теме посредством авторского определения фактора пространственного развития территорий в виде транспортной инфраструктуры, а также в обозначении специфических особенностей данного фактора.

Значимость результатов исследования как в теоретическом, так и прикладном аспекте состоит в том, что разработка объективной полноценной методики оценки транспортной инфраструктуры позволит принять меры для устранения возможных отрицательных эффектов, каких-либо рисков, что будет благоприятно влиять на пространственное развитие территорий. Пространственное развитие в масштабах Российской Федерации имеет особое значение для развития экономики и социаль-

ной сферы. Корректная оценка функционирования транспортной инфраструктуры позволит также определить более точные направления в рамках пространственного развития, скорректировать стратегические планы на уровне региона и всего государства. Подчеркнем, что одним из ключевых

вопросов государственной политики является пространственное развитие территорий. С учетом уникального географического положения, размеров территории и протяженности границ Российской Федерации данные вопросы приобретают особую важность.

ЛИТЕРАТУРА

- Баширова А.А. (2018). Факторы и условия, влияющие на сбалансированное развитие региона // РППЭ. № 9 (95). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-i-usloviya-vliyauschie-na-sbalansirovannoe-razvitiye-regiona> (дата обращения 22.07.2023).
- Бережная Л.Ю. (2019). Взаимосвязь транспортной инфраструктуры и регионального развития // Вестник Евразийской науки. № 3. URL: <https://esj.today/PDF/23ECVN319.pdf> (дата обращения 21.07.2023).
- Бережная Л.Ю. (2021). Роль транспортной инфраструктуры в развитии приграничного региона // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. № 4. С. 109–117. URL: <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2021-4-109-117> (дата обращения 06.07.2023).
- Богданова Т.В., Евдокимов К.А. (2021). Транспортная составляющая комфортной городской среды // Инновации и инвестиции. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transportnaya-sostavlyayuschaya-komfortnoy-gorodskoy-sredu> (дата обращения 01.08.2023).
- Владимирова О.Н., Морозова А.А. (2023). Особенности развития транспортной инфраструктуры пристоличного региона // Экономика, предпринимательство и право. Т. 13. № 8. DOI: 10.18334/epp.13.8.118633
- Дробот Е.В., Ярикова Е.В. (2019). Факторы регионального развития России: влияние пространства и расстояний и возможности их нивелирования // Экономические отношения. Т. 9. № 3. С. 1775–1784. DOI: 10.18334/eo.9.3.40837
- Земцов С.П., Смелов Ю.А. (2018). Факторы регионального развития в России: география, человеческий капитал или политика регионов // Журнал Новой экономической ассоциации. № 4 (40). С. 84–108. URL: <https://www.iep.ru/ru/publikacii/publication/8435.html> (дата обращения 11.07.2023).
- Ильина Е.В., Пурис А.В. (2019). Совершенствование транспортной инфраструктуры как фактора социально-экономического развития региона (на примере г. Альметьевск) // Управление экономическими системами. № 12 (130). С. 32. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43043722> (дата обращения 21.07.2023).
- Корнилова А.Д., Бабенчук К.А. (2021). Социально-экономические эффекты от развития транспортной инфраструктуры // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 7 (2). С. 176–183. URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=1796> (дата обращения 01.08.2023).
- Лавриненко П.А., Ромашина А.А., Степанов П.С., Чистяков П.А. (2019). Транспортная доступность как индикатор развития региона // Проблемы прогнозирования. № 6. С. 136–146. URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2019/11/transportnaya-dostupnost-kak-indikator-razvitiya-regiona.pdf> (дата обращения 18.07.2023).
- Лебедева Н.А. (2021). Проблемы развития транспортной системы Северо-Западного федерального округа // Вопросы территориального развития. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-transportnoy-sistemy-severo-zapadnogo-federalnogo-okruga> (дата обращения 13.07.2023).
- Ли Н.О., Кибиткин А.И. (2020). О пространственном развитии экономики регионов России // Вопросы инновационной экономики. Т. 10. № 2. С. 747–756. DOI: 10.18334/vines.10.2.100913
- Мищенко В.В., Мищенко И.К. (2022). Роль транспортной инфраструктуры в стратегическом развитии Алтайского края // Стратегия как инструмент социально-экономического развития региона:

от разработки к реализации: мат-лы Всерос. (национальной) науч.-практ. конф. (14 апреля 2022 г). Барнаул: Пять плюс. С. 127–231. URL: https://www.alt.ranepa.ru/files/texts/science/sbornik_strategia_2022_11_17.pdf (дата обращения 13.07.2023).

- Позднякова Т.М. (2018). Роль транспортного фактора в развитии региона на примере Новосибирской // Вестник Приамурского гос. ун-та им. Шолом-Алейхема. № 3 (32). С. 58–66. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36497336> (дата обращения 14.07.2023).
- Поподько Г.И. (2022). Выравнивание диспропорций территориального развития ресурсного региона на основе реализации инфраструктурных и инвестиционных проектов // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. № 1 (69). DOI: 10.24412/1999-2645-2022-169-12
- Пьянкова С.Г., Заколюкина Е.С. (2022a). «Умный город» в рамках цифровой транспортной инфраструктуры региона // Экономика и управление: проблемы и решения. № 12. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2022.12.02.010
- Пьянкова С.Г., Заколюкина Е.С. (2022b). Цифровая транспортная инфраструктура региона: понятийный аппарат и оценка эффективности // Экономика и предпринимательство. № 6 (143). С. 644–651. DOI: 10.34925/EIP.2022.143.6.116
- Салимова Д., Пономарев Ю. (2020). Анализ влияния развития транспортной инфраструктуры на внешнеторговую деятельность предприятий. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3650082> (дата обращения 19.07.2023).
- Серова Н.А. (2022). Методический подход к оценке развития региональной транспортной инфраструктуры // Фундаментальные исследования. № 10 (2). С. 229–232. URL: <https://fundamental-research.ru/article/view?id=43371> (дата обращения 31.07.2023).
- Томашева Е.Н. (2020). Факторы и тенденции социально-экономического развития региона на примере Приморского края // Научное обозрение. Экономические науки. № 4. С. 20–25. URL: <https://science-economy.ru/ru/article/view?id=1060> (дата обращения 28.07.2023).
- Ускова Т.В. (2021). Транспортная инфраструктура как фактор развития территорий и связанности экономического пространства // Проблемы развития территории. Т. 25. № 3. С. 7–22. DOI: 10.15838/ptd.2021.3.113.1
- Hybel J., Ismir Mulalic I. (2022). Transportation and quality of life: Evidence from Denmark. *Transportation Research Part A: Policy and Practice*, 157, 107–125. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.tra.2021.12.003>
- Komornicki T., Goliszek S. (2023). New transport infrastructure and regional development of Central and Eastern Europe. *Sustainability*, 15 (6). Available at: <https://doi.org/10.3390/su15065263>
- Li H., Liu Y., Peng K. (2018). Characterizing the relationship between road infrastructure and local economy using structural equation modeling. *Transport Policy*, 61, 17–25. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2017.10.002>
- Muvawala J., Sebukeyera H., Ssebulime K. (2021). Socio-economic impacts of transport infrastructure investment in Uganda: Insight from frontloading expenditure on Uganda's urban roads and highways. *Research in Transportation Economics*, 88. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.retrec.2020.100971>
- Nesticò A., Russo F. (2022). Transport infrastructures and economic development of the territory. *New Metropolitan Perspectives*, 482. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-031-06825-6_125
- Okechukwu E., Madonsela N., Adetunla A. (2021). *The Effect of Transportation Infrastructure on Economic Development Conference: Proceedings of the 2nd African International Conference on Industrial Engineering and Operations Management Harare*. Zimbabwe, December 7–10. Available at: https://www.researchgate.net/publication/349476934_The_Effect_of_Transportation_Infrastructure_on_Economic_Development
- Pokharel R., Bertolini L., Brömmelstroet M. (2023). How does transportation facilitate regional economic development? A heuristic mapping of the literature. *Transportation Research Interdisciplinary Perspectives*, 19. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2590198223000647?via%3Dihub>

Stępniaк M., Rosik P. (2018). The Role of transport and population components in change in accessibility: The influence of the distance decay parameter. *Netw. Spat. Econ.*, 18, 291–312. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11067-017-9376-8>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Екатерина Сергеевна Заколюкина – аспирант, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45; e-mail: k_zako@mail.ru)

Zakolyukina E.S.

TRANSPORT INFRASTRUCTURE AS A FACTOR IN THE TERRITORY'S SPATIAL DEVELOPMENT

The article is devoted to study regional transport infrastructure as a territorial development factor. In the course of the work we analyzed the scientific research on this topic. As a result of the analysis, we formulated the key features of transport infrastructure as a factor promoting spatial development of territories in the case of the Russian Federation, and gave our definition of this phenomenon. Characteristic features include the dependence between regional differences in the level of socio-economic development and the degree of efficiency of transport infrastructure; the existence of a relationship between investment in transport infrastructure and the level of development of the region; the relationship between transport infrastructure and the quality of life etc. We carried out the comparative analysis of the federal districts' ratings by the index of transport infrastructure development and one of the indicators of the quality of life – the average per capita income, as a result of which it was demonstrated that there was a relationship between these indicators. The paper also emphasizes the presence of not only positive effects from the functioning of transport infrastructure in the development of territories, but also the possibility of negative impacts. Such an aspect has not been studied sufficiently to date. In our opinion, the main problem is the lack of objective assessment of the functioning of transport infrastructure as a whole. The available methods for assessing the transport complex, transport infrastructure include a chaotic set of indicators. We emphasized the need for a qualitative assessment of transport infrastructure through the development of an integral indicator. In this regard, we mentioned the trend of transition to digital transportation infrastructure. An integrated objective assessment of transport infrastructure will contribute to determining the most accurate vector of spatial development of the region, as well as allow adjusting the adopted strategic plans.

Spatial development, transport infrastructure, territorial development, socio-economic development of the region, assessment methodology.

REFERENCES

- Bashirova A.A. (2018). Factors and conditions impacting the balanced development of the region. *RPPE*, 9(95). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-i-usloviya-vliyaushchie-na-sbalansirovannoe-razvitiye-regiona> (accessed: July 22, 2023; in Russian).
- Berezhnaya L.Yu. (2019). Relationship between transport infrastructure and regional development. *Vestnik Evraziiskoi nauki=The Eurasian Scientific Journal*, 3. Available at: <https://esj.today/PDF/23ECVN319.pdf> (accessed: July 21, 2023; in Russian).
- Berezhnaya L.Yu. (2021). The role of transport infrastructure in development of border region. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova=Vestnik of the Plekhanov Russian University*

- of *Economics*, 4, 109–117. Available at: <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2021-4-109-117> (accessed: July 6, 2023; in Russian).
- Bogdanova T.V., Evdokimov K.A. (2021). Transport component of a comfortable urban environment. *Innovatsii i investitsii=Innovations and Investments*, 12. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/transportnaya-sostavlyayuschaya-komfortnoy-gorodskoy-sredy> (accessed: August 1, 2023; in Russian).
- Drobot E.V. (2019). Factors of regional development of Russia: The influence of space and distance and the possibility of their leveling. *Ekonomicheskie otnosheniya*, 9(3), 1775–1784. DOI: 10.18334/eo.9.3.40837 (in Russian).
- Hybel J., Ismir Mulalic I. (2022). Transportation and quality of life: Evidence from Denmark. *Transportation Research Part A: Policy and Practice*, 157, 107–125. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.tra.2021.12.003>
- Il'ina E.V. (2019). Improvement of transport infrastructure as a factor of socio-economic development of the region (on the example G. Almetievsk). *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 12(130), 32. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43043722> (accessed: July 21, 2023; in Russian).
- Komornicki T., Goliszek S. (2023). New transport infrastructure and regional development of Central and Eastern Europe. *Sustainability*, 15(6). Available at: <https://doi.org/10.3390/su15065263>
- Kornilova A.D., Babenchuk K.A. (2021). Socio-economic effects of transport infrastructure development. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 7(2), 176–183. Available at: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=1796> (accessed: August 1, 2023; in Russian).
- Lavrinenko P.A., Romashina A.A., Stepanov P.S., Chistyakov P.A. (2019). Transport accessibility as an indicator of regional development. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 6, 136–146. Available at: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2019/11/transportnaya-dostupnost-kak-indikator-razvitiya-regiona.pdf> (accessed: July 18, 2023; in Russian).
- Lebedeva N.A. (2021). Development problems of the transport system of the Northwestern federal district. *Voprosy territorial'nogo razvitiya=Territorial Development Issues*, 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-transportnoy-sistemy-severo-zapadnogo-federalnogo-okruga> (accessed: July 13, 2023; in Russian).
- Li H., Liu Y., Peng K. (2018). Characterizing the relationship between road infrastructure and local economy using structural equation modeling. *Transport Policy*, 61, 17–25. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2017.10.002>
- Li N.O., Kibitkin A.I. (2020). On the spatial economic development of Russian regions. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki*, 10(2), 747–756. DOI: 10.18334/vinec.10.2.100913 (in Russian).
- Mishchenko V.V., Mishchenko I.K. (2022). The role of transportation infrastructure in the strategic development of Altai Krai. In: *Strategiya kak instrument sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona: ot razrabotki k realizatsii: mat-ly Vseros. (natsional'noi) nauch.-prakt. konf. (14 aprelya 2022 g.)* [Strategy as a Tool of Socio-Economic Development of the Region: From Development to Implementation: Materials of All-Russian (National) Scientific and Practical Conference (National) Scientific and Practical Conference (April 14, 2022)]. Barnaul: Pyat' plyus. Available at: https://www.alt.ranepa.ru/files/texts/science/sbornik_strategia_2022_11_17.pdf (accessed: July 13, 2023; in Russian).
- Muvawala J., Sebukeera H., Ssebulime K. (2021). Socio-economic impacts of transport infrastructure investment in Uganda: Insight from frontloading expenditure on Uganda's urban roads and highways. *Research in Transportation Economics*, 88. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.retrec.2020.100971>
- Nesticò A., Russo F. (2022). Transport infrastructures and economic development of the territory. *New Metropolitan Perspectives*, 482. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-031-06825-6_125
- Okechukwu E., Madonsela N., Adetunla A. (2021). *The Effect of Transportation Infrastructure on Economic Development Conference: Proceedings of the 2nd African International Conference on Industrial Engineering*

and Operations Management Harare. Zimbabwe, December 7–10. Available at: https://www.researchgate.net/publication/349476934_The_Effect_of_Transportation_Infrastructure_on_Economic_Development

- P'yankova S.G., Zakolyukina E.S. (2022a). "Smart City" as part of the region's digital transportation infrastructure. *Ekonomika i upravlenie: problemy i resheniya=Economics and Management: Problems, solutions*, 12. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2022.12.02.010 (in Russian).
- P'yankova S.G., Zakolyukina E.S. (2022b). Digital transport infrastructure in the region: Conceptual framework and efficiency assessment. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, 6(143), 644–651. DOI: 10.34925/EIP.2022.143.6.116 (in Russian).
- Pokharel R., Bertolini L., Brömmelstroet M. (2023). How does transportation facilitate regional economic development? A heuristic mapping of the literature. *Transportation Research Interdisciplinary Perspectives*, 19. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2590198223000647?via%3Dihub>
- Popodko G.I. (2022). Leveling imbalance of territorial development of the resource region by implementation of infrastructure and investment projects. *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyi nauchnyi zhurnal=Regional Economy and Management: Electronic Scientific Journal*, 1(69). DOI: 10.24412/1999-2645-2022-169-12 (in Russian).
- Pozdnyakova T.M. (2018). Role of transport factor in development of the region on the example of the Novosibirsk region. *Vestnik Priamurskogo gos. un-ta im. Sholom-Aleikhema*, 3(32), 58–66. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36497336> (accessed: July 14, 2023; in Russian).
- Salimova D., Ponomarev Yu. (2020). *Analiz analiza razvitiya transportnoi neozhidannoi vneshnetorgovoi deyatel'nosti predpriyatii* [Analysis of the Impact of the Development of Transport Infrastructure on Foreign Trade Activities of Enterprises]. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3650082> (accessed: July 19, 2023; in Russian).
- Serova N.A. (2022). Methodological approach to assessing the development of regional transport infrastructure. *Fundamental'nye issledovaniya=Fundamental Research*, 10(2), 229–232. Available at: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=43371> (accessed: July 31, 2023; in Russian).
- Stępnik M., Rosik P. (2018). The Role of transport and population components in change in accessibility: The influence of the distance decay parameter. *Netw. Spat. Econ.*, 18, 291–312. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11067-017-9376-8>
- Tomasheva E.N. (2020). Factors and trends of socio-economic development of the region on the example of Primorsky Krai. *Nauchnoe obozrenie. Ekonomicheskie nauki*, 4, 20–25. Available at: <https://science-economy.ru/ru/article/view?id=1060> (accessed: July 28, 2023; in Russian).
- Uskova T.V. (2021). Transport infrastructure as a factor of territories' development and connectedness of economic space. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 25(3), 7–22. DOI: 10.15838/ptd.2021.3.113.1
- Vladimirova O.N., Morozova. A.A. (2023). Features of the development of the transport infrastructure of the capital region. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*, 13(8). DOI: 10.18334/epp.13.8.118633 (in Russian).
- Zemtsov S.P., Smelov Yu.A. (2018). Factors of regional development in Russia: Geography, human capital and regional policies. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii=Journal of the New Economic Association*, 4(40), 84–108. Available at: <https://www.iep.ru/ru/publikacii/publication/8435.html> (accessed: July 11, 2023; in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina S. Zakolyukina – graduate student, Ural State University of Economics (P62/45, 8 Marta / Narodnoi Voli Street, Yekaterburg, 620144, Russian Federation; e-mail: k_zako@mail.ru)

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.7

УДК 332.1 | ББК 65.04

© Ужегов А.О.

ДИАГНОСТИКА УСЛОВИЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ РЕГИОНОВ РФ: МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

УЖЕГОВ АРТЕМ ОЛЕГОВИЧ

Челябинский филиал Института экономики УрО РАН

Челябинск, Российская Федерация

e-mail: uzhegov.ao@uiec.ru

ORCID: 0000-0002-3244-2036

Технологическое развитие является важнейшим фактором экономического роста и процветания общества. В данной работе под технологическим развитием автор подразумевает совершенствование текущих и использование принципиально новых способов производства продукции, что ведет к экономическому росту благодаря развитию науки, созданию и применению передовых технологий на основе более высоких технологических укладов. Научная проблема, рассматриваемая в исследовании, заключается в ограниченности релевантных подходов к осуществлению диагностики условий технологического развития регионов. Актуальность работы связана с необходимостью адекватной научной оценки (диагностики) уровня технологического развития в индустриальных регионах РФ. Цель исследования – разработка методик для диагностики условий технологического развития индустриальных регионов РФ. Научная новизна состоит в предложении комплекса методических подходов к диагностике технологического развития индустриальных регионов, который включает: а) четкое разграничение объектов диагностики (традиционных и высокотехнологичных секторов региональной экономики); б) фиксацию предмета диагностики: условий (характеристика инновационной среды региона) и факторов, влияющих на технологическое развитие; в) разработку методик и алгоритма оценки уровня технологического развития индустриальных регионов. В отличие от существующих подходов авторская методика позволяет уточнить технологический профиль индустриальных регионов с учетом выявленных дисфункций и риск-факторов, определить возможности развития индустриальных регионов на основе высоких технологий. Цели диагностики: анализ состояния институциональ-

Для цитирования: Ужегов А.О. (2023). Диагностика условий технологического развития индустриальных регионов РФ: методические подходы // Проблемы развития территории. Т. 27. № 5. С. 96–114. DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.7

For citation: Uzhegov A.O. (2023). Diagnostics of technological development conditions of Russia's industrialized regions: Methodological approaches. *Problems of Territory's Development*, 27 (5), 96–114. DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.7

ной и инфраструктурной среды региона, выявление дисфункций; анализ состояния инновационной деятельности индустриальных регионов, выявление риск-факторов. Применяется балльно-рейтинговая основа, анализ факторов и статистический анализ. Внимание фокусируется на диагностике условий технологического развития, включая инфраструктурные и институциональные условия, способствующие развитию и распространению инноваций, которые благоприятно влияют на развитие традиционных и высокотехнологичных отраслей промышленности.

Технологическое развитие, инфраструктурные условия, институциональные условия, индустриальные регионы, диагностика.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена в соответствии с планом НИР для ФГБУН «Институт экономики УрО РАН» на 2021–2023 гг.

Введение

В настоящее время вопросы технологического развития регионов остаются на первой позиции как у отечественных, так и у зарубежных исследователей. Технический прогресс стал неотъемлемой частью жизни современного общества, а технологическое развитие является ключевым фактором качественного экономического роста.

Существует ряд подходов к технологическому развитию. Один из них – это исследование инноваций, в ходе которого изучается процесс создания и внедрения новых технологий и продуктов (Смирнова, Остовская, 2019; Михайлова, 2021; Chen et al., 2018; Kanda et al., 2019). Другой подход – исследование технического прогресса, анализ изменений в технологиях и методах производства (Лукинова и др., 2019; Качелин, 2023; Shen et al., 2022; Qiu et al., 2023).

В ходе анализа научных публикаций и существующих нормативных документов уточнено ключевое понятие – «технологическое развитие». В нашей работе под технологическим развитием подразумевается совершенствование текущих и использование принципиально новых способов производства продукции, что ведет к экономическому росту благодаря развитию науки, созданию и применению передовых технологий на основе более высоких технологических укладов.

Исходя из авторского определения, технологическое развитие следует рассматривать как исследования и разработки новых технологий, материалов и процессов произ-

водства; модернизацию традиционных отраслей промышленности на новой технологической основе; внедрение новых технологий, что позволяет повысить эффективность и качество производства; создание новых товаров и услуг на основе новых технологий; формирование новых компетенций и повышение квалификации рабочей силы; активное использование цифровых технологий.

Неотъемлемыми характеристиками технологического развития регионов являются активное использование цифровых технологий, модернизация традиционных отраслей промышленности на новой технологической основе, развитие высокотехнологичных производств, формирование новых компетенций и повышение квалификации рабочей силы. Однако возникает вопрос о том, какие условия благоприятно влияют на технологическое развитие.

В целях изучения условий технологического развития выделим работы ряда авторов.

Например, О.С. Сухарев отмечает, что государственная политика в области технологического развития должна быть направлена на следующие важные аспекты:

- улучшение нормативно-правовой базы инновационной деятельности;
- развитие инфраструктуры национальной инновационной системы;
- усовершенствование механизмов государственной поддержки для реализации инновационных проектов (Сухарев, 2007).

И.И. Рахмеева и А.Н. Лысенко обратили внимание на особое значение состояния институциональной среды в процессе тех-

нологического развития на уровне субъекта Российской Федерации. Ими выявлены различия в уровне инновационной активности и результативности перестройки на новые технологические уклады. По мнению авторов, причиной различий выступает неравномерная институционализация инновационной и промышленной деятельности (Рахмеева, Лысенко, 2020).

Ю.О. Климова подчеркивает, что благоприятная институциональная среда является одним из ключевых факторов, способствующих эффективному технологическому развитию. Однако сегодняшний день существует проблема, связанная с несогласованностью институционального регулирования научно-технологического развития между федеральными и региональными уровнями. Результаты исследования показали существование противоречий в нормативно-правовых актах разных уровней, которые могут стать препятствием для реализации научно-технологической политики в регионах РФ (Климова, 2021).

И.М. Голова и А.Ф. Суховой отмечают, что ключевым фактором успешного инновационного развития выступает укрепление его институциональной базы. Авторы подчеркивают, что государственные программы поддержки регионов должны сосредоточить усилия на улучшении качества высшего образования, фундаментальных исследований, создании инновационных центров вокруг исследовательских университетов и научных центров. Кроме того, необходимо создание специальных институтов, которые будут оказывать экономическую и организационную поддержку малому и среднему бизнесу, ориентированному на создание продуктов и технологий высокой степени новизны, а также помощь в продвижении этих инноваций на мировые рынки (Голова, Суховой, 2017; Голова, Суховой, 2018).

По мнению М.В. Хайруллиной, в России имеются инфраструктура и институты, способствующие развитию инновационного и технологического предпринимательства, представленные наукоградами, ОЭЗ, технопарками, технологическими платформами и кластерами. В исследовании отмечаются

препятствия для развития технологического предпринимательства, такие как изменение структуры занятости населения в связи с новой парадигмой производства, потребность в специалистах с новым профилем компетенций, ограниченное число технологических школ мирового уровня, разрыв связей между фундаментальной наукой и отраслевыми институтами, а также сложность модернизации традиционных отраслей экономики и выхода на мировые рынки высокотехнологичной продукции. Для их преодоления необходимо создать эффективную систему координации и кооперации всех форм поддержки науки и бизнеса; формировать госзаказ на прорывные технологические разработки; открывать доступ к созданным результатам интеллектуальной деятельности, а также вовлекать результаты интеллектуальной деятельности в экономику; осуществлять активные инвестиции в промышленность; формировать методологию управления технологическими стартапами и подготовки кадров с необходимыми компетенциями (Хайруллина, 2016).

Для того чтобы встать на путь технологического развития, региону необходимы определенные условия, которые способствуют развитию технологий, в их числе инновационная инфраструктура и институциональная среда.

Оценке инновационной инфраструктуры посвящены работы ряда авторов.

Например, Е.М. Марченко и М.В. Рахова предложили два подхода к оценке инновационной инфраструктуры. Первый подход заключается в расчете комплексных показателей для каждой составляющей инновационной инфраструктуры и интегрального индекса, который характеризует инновационную инфраструктуру региона в целом. Эти показатели используются для составления рейтинга региональной инновационной инфраструктуры в РФ и определения лидеров и аутсайдеров. Второй подход направлен на определение динамики обеспеченности и эффективности использования инновационной инфраструктуры в регионах (Марченко, Рахова, 2011).

А.А. Татьянкина и Т.А. Шиндина подчеркивают, что инновационная инфраструктура играет важную роль в развитии предпринимательской экономики региона, обеспечивая условия для реализации инновационной деятельности и непрерывного протекания инновационных процессов. Авторами оценен уровень развития инновационной инфраструктуры по регионам и составлен их рейтинг по этому критерию. Преимущество исследования заключается в оценке общей картины по стране и выделении регионов, которые в большей степени нуждаются в развитии инновационной инфраструктуры (Татьянкина, Шиндина, 2011).

В.А. Григорюк, Д.П. Катюк и Д.Б. Соловьев предложили критерии для оценки инновационной инфраструктуры, с помощью которых была проведена оценка Дальнего Востока с помощью математического моделирования. Целью результата оценки и математической модели является повышение качества стандартов и рекомендаций в области инноваций, чтобы создать более точные требования для каждого региона и использовать их специфику для упрощения оценки и взаимодействия внутри страны (Григорюк и др., 2021).

Исследования, посвященные инновационной инфраструктуре, имеют ряд ограничений. Во-первых, часто инновационная инфраструктура рассматривается в отрыве от институциональных условий технологического развития, что не позволяет получить полную картину условий для развития инноваций. Во-вторых, авторы часто сконцентрированы на оценке инновационной инфраструктуры и рейтингах, не выявляя возникающие дисфункции и причины их возникновения. Это может быть связано с тем, что исследователи склонны рассматривать инновационную инфраструктуру как некую абстрактную сущность, игнорируя ряд проблем, которые могут возникать при ее использовании. Поэтому необходимо уделить внимание не только оценке инновационной инфраструктуры, но и выявлению возможных дисфункций и причин их возникновения, для того чтобы разработать эффективные меры по их устранению.

Вопросы институциональных условий технологического и инновационного развития исследуются в ряде работ. Так, А.Ф. Расулев и Д.В. Тростянский оценивают условия и факторы развития инновационной сферы Узбекистана и указывают на слабость институциональной базы как одно из объяснений невысокой эффективности действующей инновационной политики. Для улучшения ситуации авторы предлагают принять закон «Об инновационной деятельности», создать благоприятные условия инновационной деятельности через внесение изменений в Налоговый кодекс, усовершенствовать законодательство, регулирующее инвестиционную деятельность, а также осуществлять анализ и доработку гражданского законодательства о защите интеллектуальной собственности (Расулев, Тростянский, 2013).

Ю.А. Ковальчук и И.М. Степнов делают вывод о том, что промышленные предприятия вынуждены проводить модернизационные процессы в условиях жесткой конкуренции на рынке, приспособившись к внешней среде на основе своих ресурсов и доступных институциональных возможностей. Это может стать основой для формирования конкурентных преимуществ и способствовать экономическому росту предприятия при равном доступе к институциональным ресурсам в инновационной экономике (Ковальчук, Степнов, 2012).

В работах авторов, посвященных исследованию институциональных условий технологического развития, существует ряд ограничений. Одним из них является отсутствие детального анализа формальных институтов, включая нормативно-правовые акты, распоряжения Правительства и другие документы, которые регулируют процессы развития технологий. Также ограничением становится отсутствие методик сопоставления уровня институциональных условий в регионах.

Мы считаем, что для более полного понимания влияния условий технологического развития необходимо учитывать как инфраструктурные, так и институциональные условия. Также следует проанализировать воз-

возможные дисфункции, которые могут возникнуть в процессе технологического развития.

В данном исследовании внимание сфокусировано на диагностике условий технологического развития, включая инфраструктурные и институциональные условия, способствующие развитию и распространению инноваций, которые благоприятно влияют на развитие традиционных и высокотехнологических отраслей промышленности.

Методы исследования

Проведение диагностики условий технологического развития в индустриальных регионах необходимо для выявления проблем, которые могут препятствовать инновационному развитию, что позволяет определить сильные и слабые стороны регионов в сфере применения инновационных технологий, а также потенциальные возможности для инновационного развития.

Важно отметить различия в трактовках понятий «анализ» и «диагностика», так как зачастую в литературе этому уделяется недостаточное внимание. Хотя на первый взгляд у экономического анализа и экономической диагностики есть общие черты, существуют различия, имеющие большое методологическое значение для формирования и развития экономической диагностики. Экономический анализ – процесс исследования субъекта хозяйствования, как правило, в ретроспективном периоде, в то время как диагностика – это процесс оценки функционирования объекта с целью выявления проблем, узких мест и указания возможных путей их преодоления. Главная цель диагностики – не найти недостатки, а выявить ресурсы. В рамках исследования мы соглашаемся с мнением О.А. Толпегинной о том, что диагностика – это прежде всего процесс установления диагноза, на основе которого требуется принять обобщенное решение и обеспечить его эффективное выполнение (Толпегина, 2017). Диагностика имеет важную управленческую функцию, оценивая нестабильность ситуации на базе отклонений показателей изучаемого объекта от

желаемого или нормативного уровня, от заданной траектории или коридора основных параметров.

Для того чтобы оценить уровень технологического развития в индустриальных регионах, требуется провести диагностику условий и факторов, оказывающих влияние на технологический прогресс. Нами разработан и представлен алгоритм проведения диагностики условий и факторов технологического развития регионов (табл. 1).

Методика диагностики включает выявление проблем и возможностей для улучшения в отношении: а) условий технологического развития в индустриальных регионах; б) факторов технологического развития в индустриальных регионах. Цели диагностики: 1) анализ состояния институциональной и инфраструктурной среды региона, выявление дисфункций; 2) анализ состояния инновационной деятельности индустриальных регионов, выявление риск-факторов. В авторской методике используются балльно-рейтинговая основа, анализ факторов и статистический анализ.

Составляющие диагностики условий технологического развития в индустриальных регионах представлены на рис. 1.

Предлагаем проводить диагностику применительно к инфраструктурным и институциональным условиям технологического развития индустриальных регионов, в соответствии с чем разработана методика, состоящая из двух частей.

Часть 1. Диагностика инфраструктурных условий технологического развития индустриальных регионов на основе балльно-рейтинговой оценки. Для разработки методики диагностики инновационной *инфраструктуры* предусмотрено разграничение на диагностику применительно: а) к традиционной сфере; б) к высокотехнологической сфере.

1. Диагностика инфраструктурных условий для традиционных отраслей региональной экономики

Инновационная инфраструктура в традиционных отраслях экономики регионов представлена двумя группами: научно-про-

Таблица 1. Алгоритм диагностики условий и факторов технологического развития индустриальных регионов

Составляющие диагностики	Содержание
Блок 1. Методические основы диагностики	
Предмет диагностики	1. Условия технологического развития индустриальных регионов 2. Факторы технологического развития индустриальных регионов
Цель диагностики	1. Анализ состояния, выявление дисфункций в институциональной и инфраструктурной среде индустриальных регионов 2. Анализ состояния, выявление риск-факторов технологического развития индустриальных регионов
Методы диагностики	Балльно-рейтинговая оценка, факторный анализ, статистический анализ
Блок 2. Диагностика условий и факторов технологического развития индустриальных регионов	
2.1. Диагностика условий технологического развития индустриальных регионов на балльно-рейтинговой основе	Часть 1. Методика диагностики инфраструктурных условий технологического развития индустриальных регионов на основе балльно-рейтинговой оценки: а) диагностика условий в традиционных отраслях экономики (научно-производственная сфера; научно-образовательная сфера); б) диагностика условий в высокотехнологичных отраслях экономики Часть 2. Методика диагностики институциональных условий технологического развития индустриальных регионов на основе балльно-рейтинговой оценки
2.2. Диагностика факторов технологического развития индустриальных регионов на основе анализа факторов	Методика диагностики факторов технологического развития индустриальных регионов. Группы факторов: 1) материально-вещественные; 2) трудовые; 3) инвестиционные
Блок 3. Выявление дисфункций и риск-факторов технологического развития индустриальных регионов	
Дисфункции	Выявление дисфункций в институциональной и инфраструктурной среде индустриальных регионов
Риски	Распознавание признаков и природы рисков: выявление существенных отклонений в параметрах состояния и развития материально-вещественных, трудовых и инвестиционных факторов регионов
Блок 4. Механизмы нейтрализации дисфункций и риск-факторов в процессе технологического развития индустриальных регионов	
Блок 5. Мониторинг. Постоянное наблюдение за изменением условий и факторов технологического развития регионов. Своевременное выявление проблем и корректировка стратегии развития технологических инноваций в регионах	
Источник: разработано автором.	

изводственная и научно-образовательная. В научно-производственную инфраструктуру включено три компонента: а) особые экономические зоны, б) индустриальные (промышленные парки), в) кластеры (относящиеся к обрабатывающим производствам, к отраслям среднетехнологичного уровня).

В целях диагностики в состав научно-образовательной инфраструктуры включены: а) федеральные исследовательские

центры РАН, государственные научные центры РФ, структуры РАН (представленные отделениями РАН, научными центрами, предприятиями и организациями); б) ведущие вузы (федеральные университеты, НИУ и опорные университеты), которые расположены на территории индустриальных регионов. Оценка инфраструктурных объектов осуществляется в баллах от 0 до 1¹.

¹ Для научно-производственной инфраструктуры: а) наличие особых экономических зон (ОЭЗ) оценивается в 1 балл, отсутствие – в 0 баллов; б) наличие индустриальных парков и кластеров: если количество этих объектов больше, чем среднее значение по группе индустриальных регионов, присваивается 1 балл; если меньше, чем среднее значение по группе индустриальных регионов, присваивается 0,75 балла; если на территории региона не представлена научно-производственная инфраструктура – присваивается 0 баллов; для научно-образовательной инфраструктуры: а) наличие федеральных исследовательских центров / государственных научных центров / структур РАН оценивается в 1 балл; б) наличие на территории региона федерального университета оценивается в 1 балл, НИУ – в 0,75 балла, опорного университета – в 0,5 балла; если на территории региона не представлена научно-образовательная инфраструктура – присваивается 0 баллов.

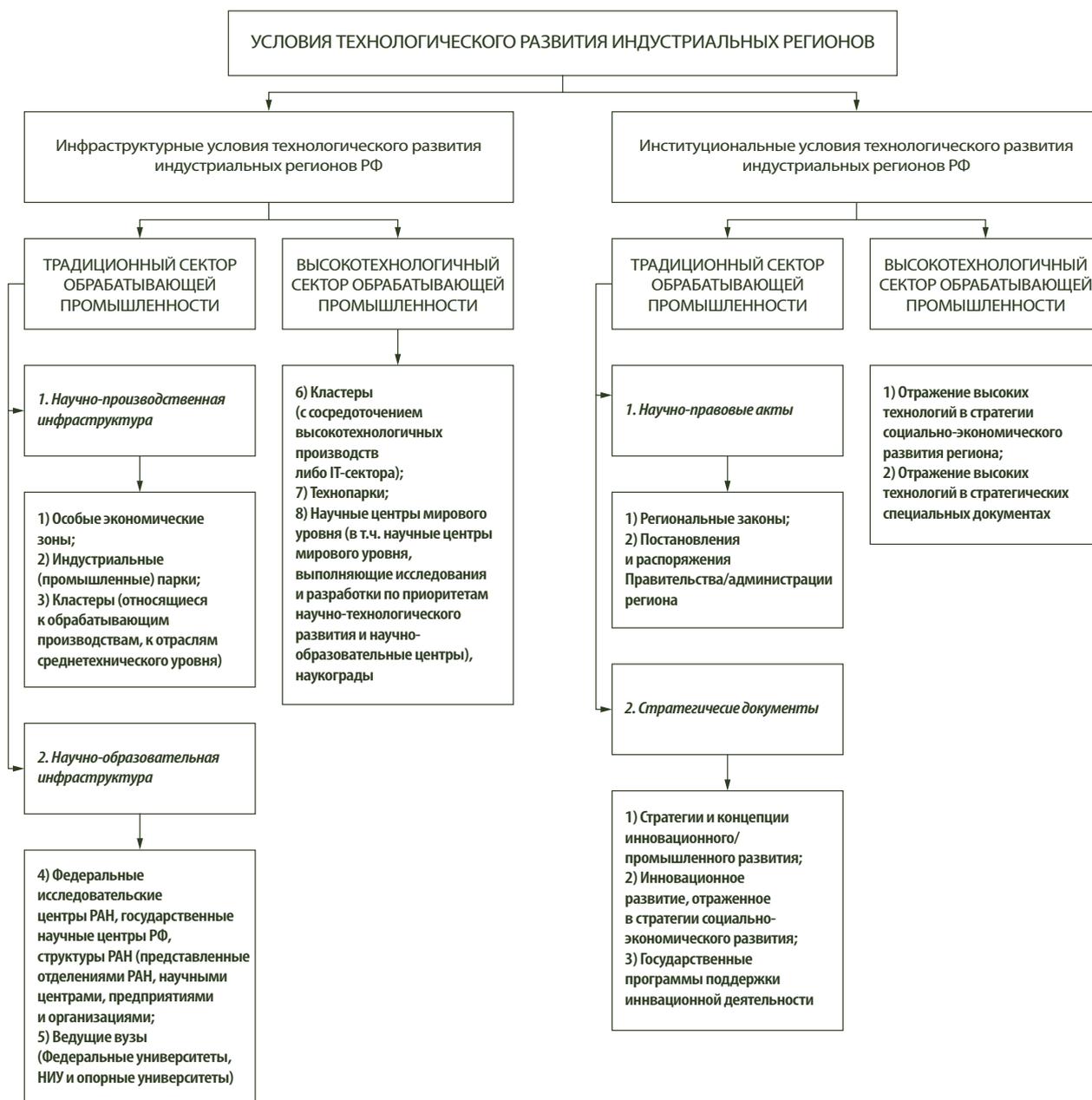

Рис. 1. Инфраструктурные и институциональные условия технологического развития индустриальных регионов РФ

Источник: разработано автором.

Суммарная оценка инфраструктурных условий технологического развития в традиционных отраслях определяется как сумма баллов по наличию всех инфраструктурных объектов. Среднее значение балльной оценки инфраструктурных условий технологического развития в традиционных отраслях рассчитывается по формуле среднего арифметического.

2. Диагностика инфраструктурных условий для высокотехнологичных отраслей региональной экономики

Инновационная инфраструктура в высокотехнологичных отраслях включала:

а) кластеры (с сосредоточением высокотехнологичных производств); б) технопарки; в) научные центры мирового уровня (в т. ч. научные центры мирового уровня, выполняющие исследования и разработки по приоритетам научно-технологического развития и научно-образовательные центры), наукограды, которые расположены на территории индустриальных регионов. Оценка

инфраструктурных объектов в высокотехнологическом секторе осуществляется в баллах от 0 до 1².

Суммарная оценка инфраструктурных условий технологического развития в высокотехнологических отраслях определяется как сумма баллов по всем составляющим. Среднее значение балльной оценки инфраструктурных условий технологического развития рассчитывается по формуле среднего арифметического.

Часть 2. Диагностика институциональных условий технологического развития индустриальных регионов на основе балльно-рейтинговой оценки. Для разработки методики диагностики институциональных условий предусмотрено разграничение на диагностику применительно: а) к традиционной сфере; б) к высокотехнологичной сфере.

3. Диагностика институциональных условий для традиционных отраслей

Институциональные условия представлены нормативно-правовыми актами и стратегическими документами по вопросам технологического развития регионов. В состав нормативно-правовых актов были включены: а) региональные законы; б) постановления и распоряжения правительства/администрации региона.

² а) Если количество кластеров и технопарков больше, чем среднее значение по группе индустриальных регионов, присваивается 1 балл; б) если количество кластеров и технопарков меньше, чем среднее значение по группе индустриальных регионов, присваивается 0,75 балла; в) наличие научных центров мирового уровня, выполняющих исследования и разработки по приоритетам научно-технологического развития, научно образовательных центров и наукоградов оценивается в 1 балл; г) если на территории региона не представлена высокотехнологичная инфраструктура – присваивается 0 баллов.

³ **Для нормативно-правовых актов:** а) наличие региональных законов оценивается в 1 балл; б) наличие постановлений и распоряжений правительства/администрации регионов оценивается в 1 балл; отсутствие региональных законов, постановлений и распоряжений правительства/администрации регионов – присваивается 0 баллов; **для стратегических документов:** а) наличие актуальной стратегии и концепции инновационного/промышленного развития оценивается в 1 балл; б) если стратегия и концепция инновационного/промышленного развития присутствует, но не актуализирована – присваивается 0,75 балла; в) наличие пунктов в стратегиях социально-экономического развития регионов, которые отражают инновационное развитие, оценивается в 1 балл; г) наличие государственных программ поддержки инновационной деятельности оценивается в 1 балл. Если на территории региона не представлены стратегические документы, характеризующие институциональные условия инновационного развития, присваивается 0 баллов.

⁴ а) Если высокие технологии отражены в стратегии социально-экономического развития, присваивается 1 балл; б) если высокие технологии отражены в стратегии социально-экономического развития фрагментарно (не указан приоритет высокотехнологического развития промышленности, не указаны V и VI технологические уклады), присваивается 0,5 балла; в) если высокие технологии отражены в специальных стратегических документах в полной мере, присваивается 1 балл; г) если высокие технологии отражены в специальных стратегических документах не в полной мере, с частичным упоминанием высокотехнологичного развития, присваивается 0,5 балла; д) отсутствие отражения высокотехнологичного сектора в стратегиях социально-экономического развития и специализированных стратегических документах – присваивается 0 баллов.

В состав стратегических документов включены: а) стратегии и концепции инновационного/промышленного развития; б) отдельные положения из стратегий социально-экономического развития регионов, отражающие инновационное и технологическое развитие; в) государственные программы поддержки инновационной деятельности.

Оценка институциональных условий осуществляется в баллах от 0 до 1³.

Суммарная оценка институциональных условий технологического развития в традиционных отраслях определяется как сумма баллов по всем компонентам. Среднее значение балльной оценки институциональных условий технологического развития рассчитывается по формуле среднего арифметического.

4. Диагностика институциональных условий для высокотехнологичных отраслей

Институциональные условия в высокотехнологичных отраслях включали:

а) отражение высоких технологий в стратегии социально-экономического развития региона; б) отражение высоких технологий в специальных стратегических документах.

Оценка институциональных условий осуществляется в баллах от 0 до 1⁴.

Суммарная оценка институциональных условий технологического развития в вы-

сокотехнологичных отраслях определяется как сумма баллов по всем компонентам. Среднее значение балльной оценки институциональных условий технологического развития рассчитывается по формуле среднего арифметического.

Результаты

Для диагностики условий технологического развития индустриальных регионов РФ используется авторская методика, основанная на балльной оценке инфраструктурных и институциональных условий технологического развития в традиционных и

высокотехнологичных секторах обрабатывающей промышленности. Это позволяет сравнить инфраструктурные и институциональные условия технологического развития в разных регионах РФ. Таким образом, методика дает возможность выявить проблемные зоны, требующие дополнительной поддержки и инвестиций.

В табл. 2 представлено обозначение показателей, используемых для диагностики условий технологического развития в индустриальных регионах.

По предложенной методике проведена диагностика условий технологического раз-

Таблица 2. Обозначение показателей, используемых для диагностики условий технологического развития в индустриальных регионах

Обозначение	Название показателя
1. Инфраструктурные условия технологического развития индустриальных регионов РФ	
Традиционный сектор обрабатывающей промышленности	
X_1	Оценка наличия особых экономических зон
X_2	Оценка наличия индустриальных (промышленных) парков
X_3	Оценка наличия кластеров (относящихся к обрабатывающим производствам, к отраслям среднетехнологичного уровня)
X_4	Оценка наличия федеральных исследовательских центров РАН, государственных научных центров РФ, структур РАН (представлены отделениями РАН, научными центрами, предприятиями и организациями)
X_5	Оценка наличия ведущих вузов (федеральные университеты, НИУ и опорные университеты)
Высокотехнологичный сектор обрабатывающей промышленности	
X_6	Оценка наличия кластеров (с сосредоточением высокотехнологичных производств либо IT-сектора)
X_7	Оценка наличия технопарков
X_8	Оценка наличия научных центров мирового уровня (в т. ч. научных центров мирового уровня, выполняющих исследования и разработки по приоритетам научно-технологического развития, и научно-образовательных центров), наукоградов
2. Институциональные условия технологического развития индустриальных регионов РФ	
Традиционный сектор обрабатывающей промышленности	
Y_1	Оценка наличия региональных законов в направлении технологического/инновационного развития
Y_2	Оценка наличия постановлений и распоряжения правительства/администрации региона в направлении технологического/инновационного развития
Y_3	Оценка наличия стратегий и концепций инновационного/промышленного развития
Y_4	Оценка наличия в стратегии социально-экономического развития направления инновационного развития
Y_5	Оценка наличия государственных программ поддержки инновационной деятельности
Высокотехнологичный сектор обрабатывающей промышленности	
Y_6	Оценка наличия отражения высоких технологий в стратегии социально-экономического развития региона
Y_7	Оценка наличия отражения высоких технологий в стратегических специальных документах
Источник: разработано автором.	

Таблица 3. Балльная оценка инфраструктурных условий для развития традиционных отраслей обрабатывающей промышленности в промышленных регионах

Регион	Оценка инфраструктурных условий (традиционные отрасли обрабатывающей промышленности), баллов					Всего, баллов	Среднее значение, баллов*/ранг
	научно-производственная инфраструктура			научно-образовательная инфраструктура			
	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5		
Красноярский край	1	0,75	0	1	1,5	4,25	0,85/2
Тульская область	1	0,75	0,75	0	0,5	3	0,60/5
Калужская область	1	1	0,75	1	0	3,75	0,75/3
Новгородская область	1	0,75	0,75	0	0,5	3	0,60/5
Липецкая область	1	1	1	0	0	3	0,60/5
Владимирская область	1	1	0,75	0	0,5	3,25	0,65/4
Вологодская область	0	0,75	0,75	1	0,5	3	0,60/5
Свердловская область	1	1	1	1	1	5	1,00/1
Челябинская область	0	1	1	1	1,25	4,25	0,85/2
Омская область	1	0,75	1	1	0,5	4,25	0,85/2

* Среднее значение балльной оценки по группе промышленных регионов составляет 0,74 балла.
Составлено по: Инновационная инфраструктура и основные показатели инновационной деятельности субъектов Российской Федерации / Интегрированная база организаций ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ. URL: <https://www.miiir.ru> (дата обращения 01.05.2023).

вития промышленных регионов⁵. Отметим, что в ходе исследования использовались сведения об объектах инновационной инфраструктуры регионов из открытых источников, доступных автору. В связи с этим полученные результаты могут интерпретироваться в рамках имеющейся ограниченной информации. Балльная оценка инфраструктурных условий для развития традиционных отраслей обрабатывающей промышленности в промышленных регионах представлена в табл. 3.

Эти данные позволили проранжировать регионы: первое место у Свердловской области (суммарная оценка – 5 баллов), второе место делят Красноярский край, Челябинская и Омская области (4,25), на третьем месте – Калужская область (3,75), на четвертом – Владимирская область (3,25), на пятом – Тульская, Новгородская, Липецкая и Вологодская области (3). Разница в количестве баллов между регионами, занимающими крайние позиции, составляет два балла. Исходя из данных табл. 3 представлена группировка промышленных регионов по

принципу выше или ниже среднего балла по группе. В состав регионов, попавших в группу «Выше среднего» (более 0,74 балла по среднему значению), вошли Красноярский край (0,92), Калужская область (0,75), Свердловская область (1,00), Челябинская область (0,85) и Омская область (0,85). Регионы, попавшие в группу «Ниже среднего» (менее 0,74 баллов), – Тульская, Новгородская, Липецкая, Владимирская и Вологодская области. Наибольшее количество баллов зафиксировано в Свердловской области. Отметим, что лидерство данного региона обусловлено наличием на территории области развитой научно-производственной и научно-образовательной инфраструктуры. В Свердловской области находятся крупные научные центры, такие как Уральское отделение РАН, Уральский федеральный университет и другие. Эти учреждения занимаются научными разработками, которые затем применяются в производстве. Кроме того, в Свердловской области развита научно-производственная инфраструктура, позволяющая быстро и эффективно внедрять новые

⁵ В ходе исследования критерием отнесения регионов к промышленным является доля обрабатывающих производств в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости более 30% в течение 2017–2020 гг.

технологии в производственный процесс. В регионе расположены особая экономическая зона ППТ «Титановая долина»; индустриальные парки – Химический парк Тагил, ПРО-БИЗНЕС-ПАРК, индустриальный парк Богословский; Титановый кластер. Также в Свердловской области существует развитая инфраструктура для поддержки инновационных проектов; действуют бизнес-инкубаторы, технопарки и другие организации, которые помогают стартапам и инновационным компаниям в развитии и реализации проектов.

Балльная оценка инфраструктурных условий для высокотехнологичных отраслей экономики представлена в *табл. 4*.

Анализируя данные *табл. 4*, отметим, что регионы имели следующие ранги: первое место делят Свердловская и Челябинская области (суммарная оценка – 3 балла), второе место – Калужская, Новгородская и Омская области (2,75), на третьем месте расположился Красноярский край (2,5), на четвертом – Тульская область (2), на пятом – Владимирская область (1,75), на шестом – Липецкая область (1,5), на седьмом – Вологодская область (1). Разница в количестве баллов между регионами, занимающими крайние позиции, составляет два балла. Индустриальные регионы, которые вошли в группу «Выше

среднего» (их оценка выше среднего значения – 77 баллов): Красноярский край, Калужская, Новгородская, Свердловская, Челябинская и Омская области. При этом показатели Свердловской и Челябинской областей являются высшими, что обусловлено наличием на их территории инфраструктурных условий для развития высокотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности, включая Уральский межрегиональный научно-образовательный центр мирового уровня «Передовые производственные технологии и материалы»; Технопарков: Академический, Аверон, Авиценна, Приборостроение, СГУ, Техномет, Уральский лесной технопарк (на территории Свердловской области) и Новатор, Технопарк информационных технологий и Промышленный технопарк «ЗЭМ» (на территории Челябинской области).

Результаты диагностики институциональных условий для технологического развития традиционных отраслей индустриальных регионов представлены в *табл. 5*.

Исходя из данных *табл. 5*, отметим, что по рангам регионы расположились следующим образом: первое место делят Свердловская и Тульская области (суммарная оценка – 5 баллов), второе место у Калужской, Новгородской и Челябинской областей (4,75), третье – у Липецкой и Владимирской обла-

Таблица 4. Балльная оценка инфраструктурных условий для развития высокотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности в индустриальных регионах

Регион	Оценка инфраструктурных условий (высокотехнологичные отрасли обрабатывающей промышленности), баллов			Всего, баллов	Среднее значение, баллов*/ранг
	X_6	X_7	X_8		
Красноярский край	0,75	0,75	1	2,5	0,83 / 3
Тульская область	0	1	1	2	0,67 / 4
Калужская область	1	0,75	1	2,75	0,92 / 2
Новгородская область	0,75	1	1	2,75	0,92 / 2
Липецкая область	0,75	0,75	0	1,5	0,50 / 6
Владимирская область	1	0,75	0	1,75	0,58 / 5
Вологодская область	1	0	0	1	0,33 / 7
Свердловская область	1	1	1	3	1,00 / 1
Челябинская область	1	1	1	3	1,00 / 1
Омская область	0,75	1	1	2,75	0,92 / 2

* Среднее значение по группе индустриальных регионов составляет 0,77.

Составлено по: Инновационная инфраструктура и основные показатели инновационной деятельности субъектов Российской Федерации / Интегрированная база организаций ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ. URL: <https://www.miiiris.ru> (дата обращения 01.05.2023).

Таблица 5. Оценка институциональных условий для развития традиционных отраслей обрабатывающей промышленности в индустриальных регионах

Регион	Оценка институциональных условий (традиционные отрасли обрабатывающей промышленности), баллов					Всего, баллов	Среднее значение, баллов*/ранг
	нормативно-правовые акты		стратегические документы				
	Y ₁	Y ₂	Y ₃	Y ₄	Y ₅		
Красноярский край	1	1	0,75	1	0	3,75	0,75/4
Тульская область	1	1	1	1	1	5	1,00/1
Калужская область	1	1	0,75	1	1	4,75	0,95/2
Новгородская область	1	1	0,75	1	1	4,75	0,95/2
Липецкая область	1	1	0	1	1	4	0,80/3
Владимирская область	1	1	0	1	1	4	0,80/3
Вологодская область	1	1	0	1	0	3	0,60/5
Свердловская область	1	1	1	1	1	5	1,00/1
Челябинская область	1	1	0,75	1	1	4,75	0,95/2
Омская область	1	1	0	1	1	4	0,80/3

* Среднее значение по группе индустриальных регионов составляет 0,86.
Составлено по: Инновационная инфраструктура и основные показатели инновационной деятельности субъектов Российской Федерации / Интегрированная база организаций ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ. URL: <https://www.miiis.ru> (дата обращения 01.05.2023).

стей (4), четвертое – у Красноярского края (3,75), пятое – у Вологодской области (3). Разница в количестве баллов между регионами, занимающими крайние места, составляет два балла. Отметим, что Тульская, Калужская, Новгородская, Свердловская и Челябинская области вошли в группу «Выше среднего» (их оценка выше 0,86 балла). Оставшиеся регионы демонстрируют значение баллов ниже среднего по индустриальным регионам. Наибольшее количество баллов зафиксировано в Тульской и Свердловской областях.

В табл. 6 представлена балльная оценка институциональных условий для развития высокотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности.

Учитывая данные табл. 6, отметим, что ранги регионов расположились следующим образом: первое место делят Красноярский край и Тульская область (суммарная оценка – 2 балла), второе место у Калужской, Новгородской, Свердловской и Челябинской областей (1,5), третье место делят Владимирская и Новгородская области (1) и четвертое – Липецкая и Омская области (0,5). Разница в количестве баллов между регионами, занимающими крайние позиции, составляет 1,5 балла. В состав регионов, попав-

ших в группу «Выше среднего» (более 0,65 балла), вошли Красноярский край, Тульская, Калужская, Свердловская и Челябинская области. Наибольшее значение зафиксировано в Красноярском крае и Тульской области, что свидетельствует об отражении высоких технологий в стратегии социально-экономического развития и специальных стратегических документах в полной мере.

Результаты анализа нормативных-правовых документов и стратегий развития свидетельствуют, что включение технологического и инновационного развития в число приоритетов социально-экономического развития территории является характерной особенностью Свердловской, Челябинской, Калужской и Тульской областей.

Кроме того, в стратегических документах и нормативно-правовых актах, посвященных технологическому и инновационному развитию Красноярского края, Тульской, Калужской, Новгородской, Свердловской и Челябинской областей, виден акцент на развитии высокотехнологичных отраслей промышленности. В остальных регионах вопросы высокотехнологического развития либо повторяют федеральный перечень без учета

Таблица 6. Балльная оценка институциональных условий для развития высокотехнологических отраслей обрабатывающей промышленности в индустриальных регионах

Регион	Оценка институциональных условий (высокотехнологические отрасли обрабатывающей промышленности), баллов		Всего, баллов	Среднее значение, баллов*/ранг
	У6	Т7		
Красноярский край	1	1	2	1/1
Тульская область	1	1	2	1/1
Калужская область	0,5	1	1,5	0,75/2
Новгородская область	0,5	1	1,5	0,75/2
Липецкая область	0,5	0	0,5	0,25/4
Владимирская область	1	0	1	0,5/3
Вологодская область	1	0	1	0,5/3
Свердловская область	0,5	1	1,5	0,75/2
Челябинская область	1	0,5	1,5	0,75/2
Омская область	0,5	0	0,5	0,25/4

* Среднее значение по группе индустриальных регионов составляет 0,65.
Составлено по: Инновационная инфраструктура и основные показатели инновационной деятельности субъектов Российской Федерации / Интегрированная база организаций ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ. URL: <https://www.miiris.ru> (дата обращения 01.05.2023).

Таблица 7. Оценка условий технологического развития индустриальных регионов по традиционному и высокотехнологическому секторам обрабатывающей промышленности

Регион	Отраслевая специализация	Оценка условий технологического развития, баллов/ранг	
		традиционный сектор обрабатывающей промышленности*	высокотехнологический сектор обрабатывающей промышленности**
Красноярский край	Металлургия	8/5	4,5/1
Тульская область	Металлургия	8/5	4/3
Калужская область	Машиностроение	8,5/3	4,25/2
Новгородская область	Химическая промышленность	7,75/6	4,25/2
Липецкая область	Металлургия	7/8	2/6
Владимирская область	Химическая промышленность	7,25/7	2,75/5
Вологодская область	Металлургия	6/9	2/6
Свердловская область	Металлургия	10/1	4,5/1
Челябинская область	Металлургия	9/2	4,5/1
Омская область	Производство кокса и нефтепродуктов	8,25/4	3,25/4

* Максимальное значение по традиционному сектору обрабатывающей промышленности – 10 баллов. Среднее значение – 7,98 балла.
** Максимальное значение по высокотехнологическому сектору обрабатывающей промышленности – 5 баллов. Среднее значение – 3,60 балла.
Источник: составлено автором.

региональных особенностей, либо не находят отражения в стратегиях развития.

В табл. 7 дана итоговая оценка условий технологического развития по традиционному и высокотехнологическому секторам обрабатывающей промышленности в индустриальных регионах.

В результате анализа итоговой таблицы было выявлено, что в традиционном секторе

обрабатывающей промышленности в группу «Выше среднего» попали Красноярский край (8 баллов), Тульская область (8 баллов), Калужская область (8,5 балла), Свердловская область (10 баллов), Челябинская область (9 баллов), Омская область (8,25 балла). Регион-лидер (Свердловская область) специализируется на металлургии. Группу «Ниже среднего» составляют Новгородская,

Липецкая, Владимирская и Вологодская области. В высокотехнологичном секторе обрабатывающей промышленности в группу «Выше среднего» вошли Красноярский край (4,5 балла), Тульская область (4 балла), Калужская (4,25 балла), Новгородская (4,25 балла), Свердловская область (4,5 балла), Челябинская область (4,5 балла). Регионы-лидеры специализируются на металлургии. В группе «Ниже среднего» оказались Липецкая, Владимирская и Вологодская области. Исходя из совокупности полученных баллов по условиям технологического развития, можно заключить, что они относятся к отстающим индустриальным регионам.

В рамках авторской диагностики технологического развития индустриальных регионов дисфункции представляют собой негативные явления и проблемы, возникающие в инновационной инфраструктуре и институциональных условиях технологического развития. Они могут оказывать негативное влияние на процессы инновационного развития и препятствовать достиже-

нию высоких технологических результатов. В соответствии с представленной авторской методикой диагностики представлены дисфункции, возникающие в традиционном и высокотехнологичном секторах промышленности (табл. 8). Под дисфункцией института (правила) понимается возникающее в силу различных причин расстройство функций, идентифицируемое по исполнению (неисполнению) правила (Сухарев, 2011).

Представленные результаты, отраженные в табл. 8, позволяют сделать вывод о том, что дисфункции, возникающие в институциональных условиях технологического развития (информационная ограниченность, ограниченность нормативно-правовых документов, регламентирующих инновационную деятельность, отсутствие направлений высокотехнологичного развития в ряде индустриальных регионов, отсутствие региональных централизованных интернет-ресурсов, посвященных поддержке и приоритетам инновационного развития и др.), препятствуют региональному инновационному развитию.

Таблица 8. Дисфункции в традиционных и высокотехнологичных отраслях промышленности

Сектор	Инфраструктурные дисфункции	Институциональные дисфункции
Традиционные отрасли промышленности	Информационная ограниченность, нет единой базы, реестров, ограниченный доступ к информации о возможностях финансирования, технологиях, патентах и других ресурсах	<p>Неопределенность в трактовке основных терминов и базовых принципов в нормативно-правовых документах по инновационной деятельности регионального уровня;</p> <p>существенная зависимость и проблемы с согласованностью регионального регулирования инновационной деятельности от решений федерального уровня;</p> <p>большинство стратегий развития регионов ориентированы на общую поддержку инновационной деятельности без уточнения конкретных отраслей или технологий;</p> <p>запаздывание адаптации правовой среды и актуализации ряда нормативных документов к технологическим изменениям</p>
Высокотехнологичные отрасли промышленности	Недостаток высококвалифицированных специалистов; недостаточная связь между академическими и промышленными секторами: отсутствие эффективного взаимодействия между учеными, академическими учреждениями и предприятиями	<p>Неопределенность в трактовке основных терминов в нормативно-правовых документах по инновационной деятельности;</p> <p>ограниченность нормативно-правовых документов, регламентирующих инновационную деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства;</p> <p>несмотря на принятие отдельных документов в сфере инновационной деятельности в некоторых промышленных регионах, направление высокотехнологического развития не является основополагающим;</p> <p>отсутствуют региональные централизованные интернет-ресурсы, посвященные поддержке и приоритетам инновационного развития;</p> <p>неопределенность в отношении субъектов управления региональной системой высокотехнологичного сектора региональной экономики;</p> <p>отсутствие законодательства о сетевом (в т.ч. межрегиональном) взаимодействии акторов в сфере высоких технологий</p>

Источник: составлено автором.

Заключение

Результаты проведенного исследования имеют большую значимость для развития экономики индустриальных регионов Российской Федерации. В работе представлена авторская методика диагностики технологического развития индустриальных регионов. Ее отличительная особенность состоит в выявлении проблем и возможностей для улучшения условий и факторов технологического развития в индустриальных регионах. В исследовании основное внимание уделено диагностике условий технологического развития, включая инфраструктурные и институциональные условия, которые способствуют развитию и распространению инноваций в традиционных и высокотехнологичных отраслях промышленности.

На основе контент-анализа научной литературы и проведенной диагностики инфраструктурных и институциональных условий технологического развития сделан ряд выводов:

- в исследуемых регионах имеются различия в уровне инновационной активности и результативности перехода на новые технологические уклады, причинами которых являются неравномерная институционализация и инфраструктурные ограничения инновационной деятельности;
- нормативно-правовая база не обеспечивает достаточную защиту прав интеллектуальной собственности, имеет место недостаточность налоговых льгот и финансовой поддержки для инновационных проектов, что ограничивает развитие инноваций;
- присутствует неоднозначность трактовки основных понятий в нормативных документах, низкая адаптивность правовой среды к ускоренному технологическому развитию;
- большинство стратегий развития индустриальных регионов ориентированы на общую поддержку инновационной деятельности без уточнения конкретных отраслей или технологий;
- усиливается региональное инфраструктурное неравенство, что оказывает влияние

на технологический прогресс; различные регионы имеют разную готовность к одновременному и повсеместному достижению целей в технологическом развитии;

- наблюдается недостаток высококвалифицированных специалистов, отсутствие некоторых важных компетенций, связанных с технологическим развитием;

- не в полной мере отработан механизм взаимодействия между различными институциональными акторами; фиксируется слабая связь между академическими и промышленными секторами, включая отсутствие эффективного взаимодействия между учеными, академическими учреждениями и предприятиями;

- отсутствует четкое разделение ответственности и согласованности в сотрудничестве между государственными органами, академическими институтами, бизнес-сектором и общественностью, что может привести к неэффективному использованию ресурсов и недостаточной координации в инновационных процессах;

- нет достаточных средств для поддержки инновационных проектов, что может стать серьезным препятствием для развития проектов и привести к ограничениям в области исследований и разработок, отсутствию необходимого оборудования и технологий.

В целом дисфункции в инновационной инфраструктуре и институциональных условиях технологического развития могут замедлять процессы инновационного развития и препятствовать достижению высоких технологических результатов. Идентификация и анализ таких дисфункций являются важным шагом для определения проблемных областей и разработки эффективных мер по их устранению.

В данной статье рассмотрена одна из стадий исследования, за которой следуют диагностика факторов технологического развития и оценка инновационной составляющей технологического развития индустриальных регионов Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

- Голова И.М., Суховой А.Ф. (2017). Формирование инновационной составляющей экономической безопасности региона // Экономика региона. № 4. С. 1251–1263.
- Голова И.М., Суховой А.Ф. (2018). Институциональные аспекты стратегии инновационного развития // Экономический анализ: теория и практика. № 5 (476). С. 800–819.
- Григорюк В.А., Катюк Д.П., Соловьев Д.Б. (2021). Оценка инновационной инфраструктуры Дальнего Востока с помощью метода математического моделирования // Инновации и инвестиции. № 3. С. 19–26.
- Качелин А.С. (2023). Научно-технологическое развитие как фактор экономического роста Российской Федерации в период глобальной нестабильности // Основы ЭУП. № 1 (36). С. 58–69.
- Климова Ю.О. (2021). Противоречия институционального регулирования научно-технологического и инновационного развития регионов и пути их устранения // Вестник ЧелГУ. № 12 (458). С. 16–26.
- Ковальчук Ю.А., Степнов И.М. (2012). Сравнительная оценка влияния научно-технического прогресса, институциональной среды и условий конкуренции на развитие промышленности в условиях инновационной экономики // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера. Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского гос. ун-та. № 3. С. 5.
- Лукинова О.А., Писаренко Н.Д., Гусева Л.П. (2019). Инновационно-технологическое развитие как фактор экономического роста // Инновации и инвестиции. № 1. С. 16–21.
- Марченко Е.М., Рахова М.В. (2011). Комплексная оценка инновационной инфраструктуры регионов Центрального федерального округа // Экономический анализ: теория и практика. № 24. С. 37–45.
- Михайлова А.А. (2021). Жизненный цикл региональной инновационной системы Приморского региона // Теоретическая и прикладная экономика. № 1. С. 48–64.
- Расулев А.Ф., Тростянский Д.В. (2013). Оценка институциональных условий и факторов развития инновационной сферы Узбекистана // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Сер.: Экономика. № 4 (6). С. 21–27.
- Рахмеева И.И., Лысенко А.Н. (2020). Институты технологического развития старопромышленных регионов // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. № 4. С. 152–166.
- Смирнова Е.А., Остовская А.А. (2019). Оценка уровня развития региональной инновационной системы и ее институциональное обеспечение // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. № 4 (49). С. 205–213.
- Сухарев О.С. (2007). Концептуальные основы научно-технической и инновационной политики в России // Экономика региона. № 4. С. 101–117.
- Сухарев О.С. (2011). Экономика будущего: теория институциональных изменений. Москва: Финансы и статистика. 432 с.
- Татьянкина А.А., Шиндина Т.А. (2011). Оценка инновационной инфраструктуры как основы развития предпринимательской экономики // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Экономика и менеджмент. № 41 (258). С. 85–89.
- Толпегина О.А. (2017) Теоретические аспекты экономической диагностики в сравнительной оценке с экономическим анализом // Экономический анализ: теория и практика. № 5 (464). С. 948–959.
- Хайруллина М.В. (2016) Технологическое предпринимательство: сдерживающие факторы и условия развития // Российское предпринимательство. Т. 17. № 16. С. 1831–1848.
- Chen J., Yin X., Mei L. (2018). Holistic innovation: An emerging innovation paradigm. *International Journal of Innovation Studies*, 2 (1), 1–13. Available at: 10.1016/j.ijis.2018.02.001
- Kanda W., Pablo del Río, Hjelm O., Bienkowska D. (2019). A technological innovation systems approach to analyse the roles of intermediaries in eco-innovation. *Journal of Cleaner Production*, 227, 1136–1148. Available at: 10.1016/J.JCLEPRO.2019.04.230

- Qiu Y., Han W., Zeng D. (2023). Impact of biased technological progress on the total factor productivity of China's manufacturing industry: The driver of sustainable economic growth. *Journal of Cleaner Production*, 409. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.137269>
- Shen Z., Wu H., Bai K. [et al.] (2022). Integrating economic, environmental and societal performance within the productivity measurement. *Technological Forecasting and Social Change*, 176, 121463.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Артем Олегович Ужегов – младший научный сотрудник, Челябинский филиал Института экономики УрО РАН (Российская Федерация, 454091, г. Челябинск, ул. Свободы, д. 155/1; e-mail: uzhegov.ao@uiec.ru)

Uzhegov A.O.

DIAGNOSTICS OF TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT CONDITIONS OF RUSSIA'S INDUSTRIALIZED REGIONS: METHODOLOGICAL APPROACHES

Technological development is the most important factor of economic growth and prosperity of society. In this paper, under technological development we mean the improvement of current and the use of fundamentally new ways of producing products, which leads to economic growth due to the development of science, creation and application of advanced technologies on the basis of higher technological modes. The scientific problem considered in the study is the limitations of relevant approaches to the diagnosis of the conditions of regions' technological development. The relevance of the work is associated with the need for adequate scientific assessment (diagnosis) of the level of technological development in the industrial regions of the Russian Federation. The aim of the research is to develop a methodology for diagnosing the conditions of technological development of industrialized regions of the RF. Scientific novelty consists in the proposal of a set of methodological approaches to the diagnosis of technological development of industrial regions, which includes: a) a clear distinction of diagnostic objects (traditional and high-tech sectors of the regional economy); b) fixation of the subject of diagnosis: conditions (characterization of the innovative environment of the region) and factors affecting technological development; c) development of a methodology and algorithm for assessing the level of technological development of industrial regions. Unlike the existing approaches, our methodology allows clarifying the technological profile of industrial regions, taking into account the identified dysfunctions and risk factors, determining the opportunities for the development of industrial regions on the basis of high technologies. The diagnostic objectives are: to analyze the state of the institutional and infrastructural environment of the region, to identify dysfunctions; to analyze the state of innovation activity of industrial regions, and to identify risk factors. We apply a scoring and rating basis, factor analysis and statistical analysis. The focus is on diagnosing the conditions of technological development, including infrastructural and institutional conditions conducive to the development and diffusion of innovations that favor the development of traditional and high-tech industries.

Technological development, infrastructural conditions, institutional conditions, industrialized regions, diagnostics.

REFERENCES

- Chen J., Yin X., Mei L. (2018). Holistic innovation: An emerging innovation paradigm. *International Journal of Innovation Studies*, 2(1), 1–13. Available at: 10.1016/j.ijis.2018.02.001
- Golova I.M., Sukhovei A.F. (2017). Development of innovative component for the region's economic security. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 4, 1251–1263 (in Russian).
- Golova I.M., Sukhovei A.F. (2018). Institutional aspects of strategies for innovative development. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika=Economic Analysis: Theory and Practice*, 5(476), 800–819 (in Russian).
- Grigoryuk V.A., Katyk D.P., Solovev D.B. (2021). Evaluation of the innovation infrastructure of the Far East using a method of mathematical modeling. *Innovatsii i investitsii*, 3, 19–26 (in Russian).
- Kachelin A.S. (2023). Formation of a scientific and technological contour and an institutional model for accelerating economic growth in the Russian Federation. *Osnovy EUP=Economy, Governance and Lave Basis*, 1(36), 58–69 (in Russian).
- Kanda W., Pablo del Río, Hjelm O., Bienkowska D. (2019). A technological innovation systems approach to analyse the roles of intermediaries in eco-innovation. *Journal of Cleaner Production*, 227, 1136–1148. DOI: 10.1016/J.JCLEPRO.2019.04.230
- Khairullina M.V. (2016) Technological entrepreneurship: Constraining factors and the development conditions. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo*, 17(16), 1831–1848 (in Russian).
- Klimova Yu.O. (2021). Contradictions in the institutional regulation of scientific, technological and innovative development of regions and ways to eliminate them. *Vestnik ChelGU=Bulletin of Chelyabinsk State University*, 12(458), 16–26 (in Russian).
- Koval'chuk Yu.A., Stepnov I.M. (2012). Comparative assessment of the impact of scientific and technological progress, institutional environment and competition conditions on the development of industry in the conditions of innovation economy. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa. Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkar'skogo gos. un-ta*, 3, 5 (in Russian).
- Luukina O.A., Pisarenko N.D., Guseva L.P. (2019). Innovative and technological development as a factor of economic growth. *Innovatsii i investitsii*, 1, 16–21 (in Russian).
- Marchenko E.M., Rakhova M.V. (2011). Comprehensive assessment of innovation infrastructure in the regions of the Central Federal District. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika=Economic Analysis: Theory and Practice*, 24, 37–45 (in Russian).
- Mikhailova A.A. (2021). Life cycle of the regional innovation system in the Primorsky region. *Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika*, 1, 48–64 (in Russian).
- Qiu Y., Han W., Zeng D. (2023). Impact of biased technological progress on the total factor productivity of China's manufacturing industry: The driver of sustainable economic growth. *Journal of Cleaner Production*, 409. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.137269>
- Rakhmееva I.I., Lysenko A.N. (2020). Institutes of technological development of old industrial regions. *Vestnik PNIPU. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*, 4, 152–166 (in Russian).
- Rasulev A.F., Trostyanskii D.V. (2013). Assessment of institutional conditions and factors of development for sphere of innovations in Uzbekistan. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Ser.: Ekonomika*, 4(6), 21–27 (in Russian).
- Shen Z., Wu H., Bai K. et al. (2022). Integrating economic, environmental and societal performance within the productivity measurement. *Technological Forecasting and Social Change*, 176, 121463.
- Smirnova E.A., Ostovskaya A.A. (2019). Assessment of the level of development of the regional innovation system and institutional support. *Nauchnyi vestnik: finansy, banki, investitsii*, 4(49), 205–213 (in Russian).

- Sukharev O.S. (2007). Conceptual foundations of science, technology and innovation policy in Russia. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, S4, 101–117 (in Russian).
- Sukharev O.S. (2011). *Ekonomika budushchego: teoriya institutsional'nykh izmenenii* [The Future Economy: Theory of Institutional Change]. Moscow: Finansy i statistika.
- Tat'yankina A.A., Shindina T.A. (2011). Assessment of innovation infrastructure as a basis for the development of entrepreneurial economy. *Vestnik YuUrGU. Ser.: Ekonomika i menedzhment*, 41(258), 85–89 (in Russian).
- Tolpegina O.A. (2017) Theoretical aspects of economic diagnostics as compared to economic analysis. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika=Economic Analysis: Theory and Practice*, 5(464), 948–959 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artem O. Uzhegov – Junior Researcher, Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (155/1, Svobody Street, Chelyabinsk, 454091, Russian Federation; e-mail: uzhegov.ao@uiec.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.8

УДК 332.14 | ББК 65.04

© Бурдина Л.А., Буторина О.В.

МЕТОДИКА АНАЛИЗА ВЗАИМОСВЯЗИ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ИКТ И ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА

ЛИДИЯ АЛЕКСАНДРОВНА БУРДИНА

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Пермь, Российская Федерация

e-mail: lidaburdina2002@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8296-6762; ResearcherID: HLW-0749-2023

ОКСАНА ВЯЧЕСЛАВОВНА БУТОРИНА

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Пермь, Российская Федерация

e-mail: ok.butorina@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5793-3002; ResearcherID: V-9983-2017

Актуальность рассматриваемой научной проблемы обусловлена необходимостью количественной оценки взаимосвязей неравномерности развития ИКТ-сектора и экономического развития регионов и страны в целом. Цель исследования – разработка методики оценки взаимовлияния уровней развития ИКТ и экономики РФ. Раскрывается теоретический аспект проблемы, по итогам которого предлагается авторская методика анализа. Апробация методики производится на примере 14 субъектов Приволжского федерального округа. Авторская методика включает в себя 4 последовательных блока: 1) подготовительный этап: выбор показателей, отражающих уровень развития ИКТ-сектора и его обоснование, а также сбор данных в статистических базах за 5 лет; 2) расчет уровня ИКТ-активности в регионах; 3) оценка уровня экономического развития; 4) построение матрицы и группировка регионов по характеру устойчивости взаимосвязи уровней ИКТ-активности и экономического развития. Результаты апробации авторской методики позволили выделить 4 группы регионов применительно к субъектам РФ,

Для цитирования: Бурдина Л.А., Буторина О.В. (2023). Методика анализа взаимосвязи уровня развития ИКТ и экономики региона // Проблемы развития территории. Т. 27. № 5. С. 115–133. DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.8

For citation: Burdina L.A., Butorina O.V. (2023). Methodology for analyzing the relationship between the ICT development level and region's economy. *Problems of Territory's Development*, 27 (5), 115–133. DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.8

входящим в Приволжский федеральный округ, что подтверждает выдвинутую гипотезу о влиянии ИКТ-активности на экономическое развитие регионов. Полученные результаты не являются бесспорными, хотя в полной мере отражают существующую разницу в уровнях ИКТ-активности и экономическом развитии территорий. При этом выявление характера влияния может быть основано на включении в анализ дополнительных показателей и по уровню ИКТ-активности, и по уровню экономического развития, что выступает одним из преимуществ предложенного подхода и соответствующего ему методического обеспечения, а также основой для последующих авторских исследований.

ИКТ-активность, освоение ИКТ, алгоритм количественной оценки степени ИКТ-активности, влияние ИКТ на экономическое развитие, группировка регионов.

Введение

Влияние информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) на развитие экономики регионов и страны в целом продолжает оставаться одним из наиболее приоритетных направлений теоретико-методологических, методических и управленческих исследований современной отечественной и зарубежной науки. В публикациях российских ученых и мировых экспертов в теоретическом аспекте понятие ИКТ и их связи с цифровой (или электронной, информационной (Бурдина, 2021)) экономикой достаточно проработаны, что способствует разработке инструментария комплексной оценки не только их развития, но и выявления характера и степени их влияния на экономические и социальные процессы в стране в целом и ее регионах дифференцированно.

Так, в самом общем виде А.А. Кунцман, Р. Бухт, Р. Хикс акцентируют внимание на взаимосвязях технологий, основанных на информации (Кунцман, 2016), и ИКТ-сектора как самостоятельного вида экономической деятельности (Bukht, Heeks, 2018) со сферой материального производства. И.В. Сударушкина, Н.А. Стефанова отмечают взаимосвязь трансформационных эффектов в области ИКТ со всеми секторами экономического развития и социальной деятельности (Сударушкина, Стефанова, 2017). Т.А. Гасанов, Г.А. Гасанов обращают внимание на значимость ИКТ-сектора для повышения эффективности общественного производства (Гасанов, Гасанов, 2017). В Стратегии информационного общества РФ

на 2017–2030 гг. утверждается, что ИКТ позволят существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг¹.

В отдельную группу можно выделить исследования, в которых ИКТ рассматриваются как фактор, способствующий развитию экономики в целом, производства и социальной сферы. Авторами делаются попытки проследить взаимосвязи уровня развития ИКТ с экономическим ростом страны экстенсивного типа, со структурными изменениями в общественном производстве (Цветкова, 2017), повышением его эффективности из-за трансформации предприятий в экосистемы (Ценжарик и др., 2020), уровнем инновационного развития (Дубровская, Ахметова, 2015), процессами «гиганомики», ростом доходов от интеллектуализации труда (Яковлева, Ильина, 2021) и переходом к экономике знаний (Калашник, Столбовская, 2020). Таким образом, основным направлением изучения, анализа и оценки является область социально-экономического развития, которая трансформируется посредством ИКТ. При этом на современном этапе наибольшее значение начинают приобретать исследования, посвященные выявлению взаимосвязей неравномерности развития ИКТ-сектора и экономического развития страны в целом и ее регионов.

Отдельным направлением исследований продолжают оставаться наработки авторов по проблемам группировки регионов по уровню социально-экономического

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // СПС «КонсультантПлюс».

развития² (Костыгова, 2011; Самохвалов, 2013; Кузнецова, 2018), по классификации причин формирования и углубления территориальных диспропорций в целом (Алтунина, Анучина, 2022; Ивашкова, Морозова, 2014) и на современном этапе – информационно-инновационных трансформаций (Миролюбова и др., 2020; Потапова, 2020). Однако взаимосвязь между неоднородностью развития ИКТ-сектора и особенностями социально-экономического развития регионов не стала объектом пристального изучения.

Исходя из этого, целью нашего исследования является разработка методики оценки влияния уровней развития ИКТ и экономики с последующей ее апробацией для регионов, входящих в Приволжский федеральный округ (далее – ПФО).

Теоретические аспекты исследования

Взаимосвязи уровня развития ИКТ с развитием национальной экономики посвящено множество работ отечественных и зарубежных авторов. Например, Т.В. Миролюбова и М.В. Радионова в контексте исследования цифровой экономики определяют ИКТ как цифровые и отмечают, что их распространение обеспечивает прямое положительное влияние на экономический рост (Миролюбова, Радионова, 2021). При этом последнее становится возможным только в тех странах, где они достигли определенного уровня распространения. Особо интересным в рамках нашего исследования является следующее предположение: «Если масштабы распространения цифровых технологий не достигли необходимого уровня, их влияние на экономический рост либо отсутствует, либо является отрицательным» (Миролюбова и др., 2020).

С.В. Баранов, Т.П. Скуфьина отмечают, что от уровня развития ИКТ существенно за-

висят темпы экономического роста, производительность труда, характеристики качества жизни населения. ИКТ в современных условиях являются производственным фактором и оказывают непосредственное влияние на величину ВРП (Баранов, Скуфьина, 2014).

Е.В. Попов, К.А. Семячков, В.Л. Симонова акцентируют внимание на взаимосвязи ИКТ-сектора и инновационной активности, как следствие, на ускорении технического прогресса, автоматизации труда, увеличении спроса и предложения в сфере услуг и ИКТ-секторе, появлении нового типа используемых в производстве ресурсов (Попов и др., 2016), в конечном счете определяющих наращивание экономического потенциала, отражающегося в позитивной динамике ВВП.

Зарубежные исследователи также отмечают значимость ИКТ-сектора для наращивания эффективности производства и роста возможностей (Li et al., 2020) национальных экономик. Как справедливо заметил N. Mgdmi, в XXI веке именно прогресс в сфере ИКТ³ выступает ключевым фактором экономического роста в больших масштабах во всех уже развитых и активно развивающихся странах мира (Mgdmi et al., 2021). Именно разработка и освоение ИКТ, по мнению А. Тоффлера (Toffler, 2010), Д. Белла (Bell, 1973), стали основой прорыва в развитии ряда стран на протяжении второй половины XX века, заместив экономику индустриального типа высокоэффективной, основанной на информации и знаниях цифровой экономикой. Влияние развития ИКТ-сектора на величину ВВП и/или величину ВВП на душу населения в различных странах прослеживается в работах Л. Мичича (Micic, 2017), М. Фархади, Р. Исмаила и М. Фоолади (Farhadi et al., 2012), Р. Разиа (Rasiah, 2006), Ф. Баззазана (Bazzazan, 2009), в которых от-

² Информационно-аналитическая работа (вторичный анализ данных госстатистики и опросов общественного мнения), по договору гранта от 07.12.2009 между USAID и Исследовательской группой ЦИРКОН, 2011. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/24e/Klassifikacija_rossijskih_regionov_po_potencialu_razvitija_GO.pdf (дата обращения 20.02.2017); Андреев Ю.А. (2007). Приоритетное инвестирование в условиях региональной кластеризации экономики: дис. ... канд. экон. наук. Санкт-Петербург. 172 с.

³ Van Welsum D., Overmeer W., van Ark B. (2013). Unlocking the ICT growth potential in Europe: Enabling people and businesses. Using Scenarios to Build a New Narrative for the Role of ICT in Growth in Europe Final Background Report. Brussels: European Union. DOI: 10.2759/38215. URL: http://ec.europa.eu/newsroom/document.cfm?action=display&doc_id=4574 (accessed 04.02.2023).

мечается наличие положительной взаимосвязи между темпами роста реального ВВП на душу населения и масштабностью проникновения ИКТ во все аспекты экономической, социальной и общественной жизни.

И.В. Писарев, В.И. Бывшев, И.А. Пантелеева, К.В. Парфентьева говорят о высокой актуальности исследования цифрового развития регионов среди ученых, консалтинговых организаций и государственных органов, а также разработки методики оценки цифрового развития, адаптированной для специфики статистической базы РФ. Они предлагают уровень цифрового развития региона оценивать на основе интегрального показателя – суммы двух основополагающих подиндексов: первого, отражающего факторы, способствующие развитию цифрового общества, и второго, отражающего реальное использование населением и организациями ИКТ. При этом неоднократно отмечается, что цифровое развитие в регионе в первую очередь характеризуется уровнем использования цифровых технологий населением и организациями, а также их доступом к таким технологиям (Писарев и др., 2022).

А.А. Урасова, Е.Д. Баландин, Д.А. Баландин при анализе современных тенденций цифровизации и специфики экономического развития выделили Уральский макрорегион, т. к. субъекты РФ, входящие в него, сопоставимы по численности населения, истории освоения, степени индустриализации, тенденциям экономического развития и т. д. При этом уровень экономического развития определяется ВРП, а уровень цифровизации – показателями количества ПЭВМ, в т. ч. доступом к сети Интернет (Урасова и др., 2020).

Н.А. Кравченко, С.А. Кузнецова, А.И. Иванова предлагают оценивать развитие ИКТ-сектора в регионе на базе показателей распространения и освоения основных ИКТ в экономике (в сегментах общественных услуг, бизнеса, домохозяйств), характеризующих способность быстрого восприятия технологий домохозяйствами, компаниями других отраслей. Рассчитав зависимости между ВРП и дифференцированно степенью распространенности цифровых технологий по

домохозяйствам, по предпринимательскому сектору, государственным услугам, авторы пришли к выводу о многократных различиях между регионами-лидерами и регионами-аутсайдерами по степени освоения основных ИКТ (Кравченко и др., 2017).

В. Циренщиков, обосновывая актуальность исследований развития цифровой экономики в целом и ИКТ как основной ее составляющей, выделяет систему причин, затрудняющих комплексную оценку развития ИКТ-сектора: 1) отсутствие четкой грани между традиционной и цифровой составляющей экономического развития; 2) разнообразие определений явлений, связанных с цифровизацией экономики; 3) занижение стоимостных оценок процессов цифровизации; 4) низкое качество или вообще недостоверность и отсутствие исходных данных для оценки в силу виртуальности самой экономики и ее основных процессов (Циренщиков, 2019).

Д.Р. Мусина, А.В. Янгиров, С.И. Насырова считают, что индексами, отражающими уровень развития ИКТ, выступают индекс готовности к сетевому обществу; индекс развития электронного правительства; индекс развития ИКТ; рейтинг цифровой конкурентоспособности стран (Мусина и др., 2020). Индекс развития ИКТ рассчитывается международной организацией «International Telecommunication Union» на основе 11 показателей, сгруппированных в три категории: «доступ к ИКТ», «использование ИКТ» и «ИКТ-навыки», каждой из выделенных групп присваивается значимость. Одинаковую значимость (40%) имеют группы «доступ к ИКТ» («Число абонентов фиксированной телефонной связи», «Число абонентов мобильной телефонной связи», «Пропускная способность международного интернета на одного интернет-пользователя», «Доля домохозяйств, владеющих компьютером», «Доля домохозяйств, имеющих доступ к интернету») и «использование ИКТ» («Процент лиц, использующих интернет», «Число абонентов фиксированного широкополосного доступа к интернету», «Число активных абонентов мобильного широкополосного доступа к

интернету»). При этом все показатели второй группы имеют наибольшую значимость показателя в подкатегории – 33%, что может свидетельствовать о приоритетности показателей использования ИКТ при характеристике общего развития.

А.В. Минаков, Л.О. Евраев отмечают, что на современном этапе созрела объективная потребность в более детальном исследовании потенциала и перспектив развития цифровой экономики российских регионов для нивелирования неравномерности в их социально-экономическом развитии. При оценке уровня развития ИКТ-сектора ими предлагается также использовать международные показатели, отражающие доступность и масштабность высокоскоростной передачи данных (Минаков, Евраев, 2020).

Е. Устюгова⁴ в ходе анализа уровня цифрового развития в качестве адаптации международных методик рекомендует оценивать использование ИКТ домохозяйствами посредством: 1) числа мобильных телефонов на 100 домохозяйств; 2) удельного веса домашних хозяйств, имеющих доступ к интернету с домашнего компьютера, в общем числе домашних хозяйств; 3) доли домашних хозяйств, имеющих доступ к интернету, в общем числе домашних хозяйств; 4) численности пользователей интернета на 100 человек населения; 5) доли населения, являющегося активными пользователями интернета, в общей численности населения.

Т.В. Миролубова, Т.В. Карлина, Р.С. Николаев для оценки уровня цифровизации регионов предлагают применять две группы индикаторов. В основе первой группы лежит производственный подход, который объединяет показатели, характеризующие ИКТ-сектор, и показатели, отражающие уровень использования цифровых технологий организациями вне ИКТ-сектора (Миролубова и др., 2020). Во вторую группу индикаторов предлагается включить показатели потребления конечных товаров и услуг посредством ИКТ (показатели торговли данными товарами и услугами, а также показатели выручки и/или

оборота компаний, предоставляющих услуги по подключению к интернету, использованию сотовой связи и проч.).

К. Юшина для оценки цифровой трансформации регионов предлагает опираться на методологию Центра финансовых инноваций и безналичной экономики Московской школы управления «Сколково» и построенный рейтинг субъектов Российской Федерации по индексу «Цифровая Россия» (Юшина, 2021).

С.В. Ратнер при анализе уровня развития ИКТ-сектора и его влияния на ВРП предлагает использовать показатели развития ИКТ-инфраструктуры, оценивающие, с одной стороны, доступность, надежность и эффективность компьютеров, телефонов, телевизоров и радиоприемников, а с другой – разветвленность сетей, связывающих ИКТ (Ратнер, 2012). При этом он отмечает, что оценки развитости ИКТ-инфраструктуры включают в себя традиционные статистические показатели, отражающие уровень развития традиционных и новых каналов связи, представленные в открытом доступе.

Э.В. Реутова, Е.В. Реутов определили взаимосвязи неравномерности цифрового развития регионов с возможностями инновационного экономического роста территорий, основанного на экономике знаний. В рамках компаративного анализа динамики использования ИКТ в организациях авторы предлагают использовать основные (количество организаций, использующих серверы; количество организаций, использующих «облачные» сервисы; количество организаций, использующих локальные вычислительные сети, соединяющие две или более ЭВМ) и дополнительные (использование электронного документооборота в организациях; использование персональных компьютеров и сети Интернет в домашних хозяйствах; число подключенных абонентских устройств мобильной связи на 1000 человек населения; использование сети Интернет населением; численность активных абонентов фиксированного и мобильного широкополосного до-

⁴ Устюгова Е. Цифровые технологии в российских компаниях. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2019/01/ru-ru-digital-technologies-in-russian-companies.pdf> (дата обращения 13.08.2022).

ступа к сети Интернет на 100 человек населения; показатели, характеризующие развитие телематических услуг и услуг сети передачи данных и др.) показатели, что позволит оценить их влияние на формируемые социально-экономические диспропорции регионально-го развития (Реутова, Реутов, 2020).

Т.А. Селищева, С.А. Асалханова также оценивают уровень развития ИКТ-сектора с помощью показателей развития ИКТ-инфраструктуры, отражающих доступность информации и ИКТ, использование интернета для ведения экономической деятельности, доказывая, что ИКТ-сектор существенным образом влияет на социально-экономическое развитие регионов (Селищева, Асалханова, 2019).

На основании представленных выше теоретических наработок считаем необходимым отметить следующее: во-первых, взаимосвязь ИКТ-сектора и экономического развития страны в целом и ее регионов является доказанной; во-вторых, спорными продолжают оставаться выбор индикаторов для оценки уровня развития ИКТ-сектора, а также методики количественного определения взаимосвязи ИКТ-сектора и экономического развития региона; в-третьих, большинством авторов при оценке уровня развития ИКТ-сектора (ИКТ-инфраструктуры) оцениваются масштабность и доступность использования сети Интернет при осуществлении экономической деятельности, объединенные нами в понятие «ИКТ-активность»; в-четвертых, отсутствие единой методики для анализа развития ИКТ-сектора является основой разработок авторских подходов в соответствии с выдвигаемыми гипотезами и целями исследования; в-пятых, апробация авторских методик реализовывалась применительно к различным территориальным образованиям.

Таким образом, в рамках данного исследования выдвигается следующая гипотеза: уровень развития ИКТ-сектора, оцениваемый уровнем ИКТ-доступности и масштабности, имеет разный уровень влияния на ВВП страны.

⁵ Под ИКТ-активностью будем понимать группу показателей, в полной мере характеризующих масштабность использования ИКТ-сектора всеми хозяйствующими субъектами экономических систем разного уровня (в рамках данного исследования – регионов, входящих в ПФО).

⁶ Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. ежегодник. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 09.04.2023).

Материалы и методы

Предложенная авторская методика предусматривает анализ ИКТ-активности и определение ее взаимосвязи с экономическим развитием конкретных регионов Приволжского федерального округа (ПФО). Ее алгоритм представлен на *рис. 1*.

Разработка авторского алгоритма направлена на достижение следующей цели: группировка регионов ПФО, учитывающая, с одной стороны, степень ИКТ-активности, а с другой стороны – уровень экономического развития регионов. Именно эта цель определила содержание поэтапных блоков, которые входят в состав предлагаемой в настоящем исследовании методики.

Первый этап методики включает в себя сбор данных по показателям ИКТ-активности⁵, которые отражают масштабность и доступность использования ИКТ всеми хозяйствующими субъектами (*табл. 1*).

Как указывалось ранее, выбор показателей для апробации методик ограничен особенностями статистической базы в региональном разрезе (в качестве основы исследования нами рассматривались только показатели, опубликованные в официальном статистическом ежегоднике «Регионы России. Социально-экономические показатели»⁶), а также объектом исследования (в нашем случае это ИКТ-активность, рассматриваемая с точки зрения доступности и масштабности использования ИКТ хозяйствующими субъектами в экономической деятельности). Особо следует отметить, что представленные в *табл. 1* показатели, как следует из результатов библиографического анализа, рассматриваются в качестве основных многими российскими учеными, занимающимися оценкой развития ИКТ-сектора в территориальном разрезе.

Второй блок – анализ уровня ИКТ-активности в регионах. Он предполагает:

1) конкретизацию объектов анализа; в рамках исследования в их качестве были

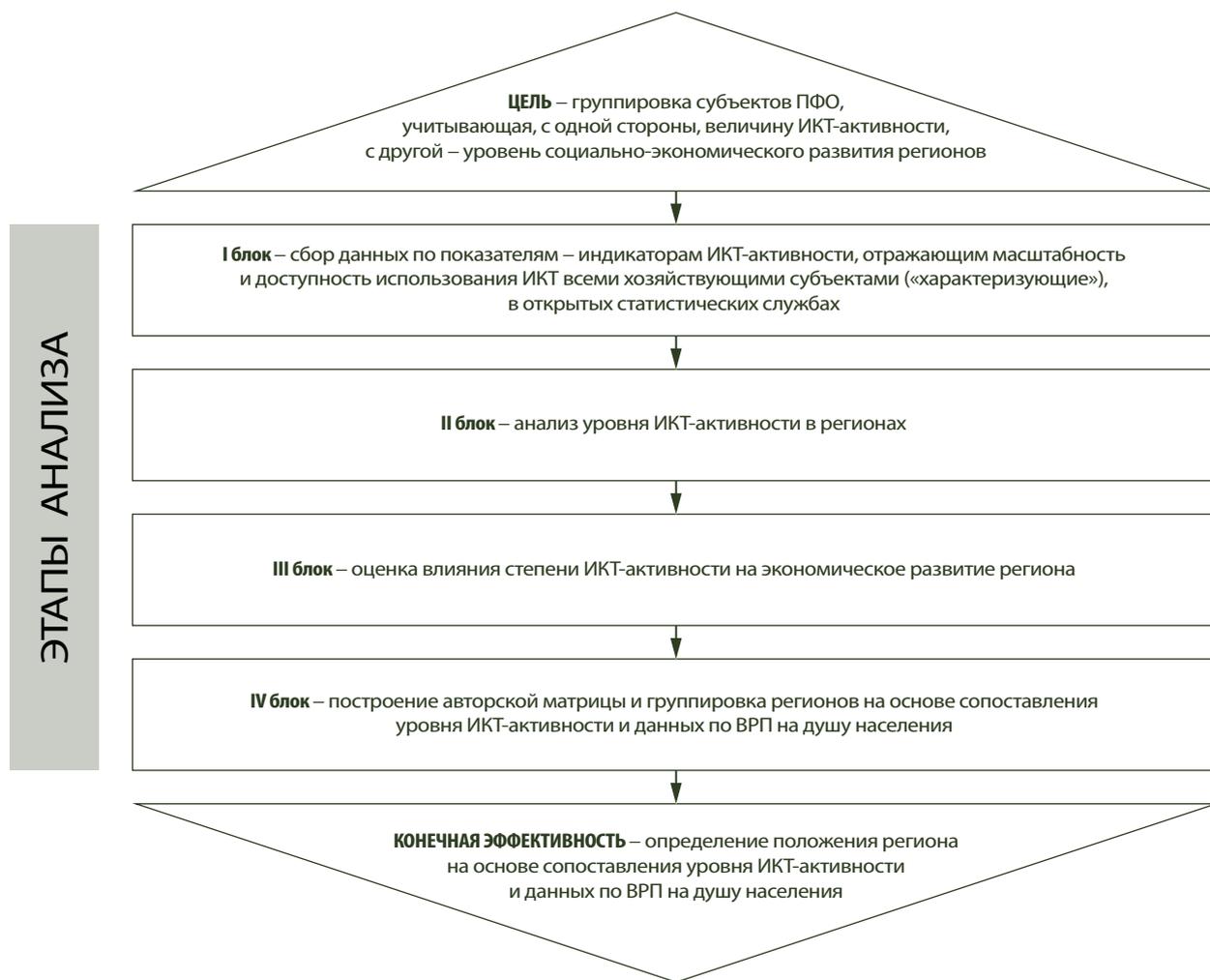

Рис. 1. Алгоритм методики анализа цифровой активности и оценки ее влияния на экономическое развитие регионов

Источник: составлено авторами.

Таблица 1. Индикаторы, используемые при анализе ИКТ-активности регионов

Обозначение	Единицы измерения
Доля организаций, имеющих веб-сайт	В % от общего количества обследованных организаций
Доля организаций, использовавших специальные программные средства	В % от общего количества обследованных организаций
Доля организаций, использовавших электронный обмен данными между информационными системами (ИС)	В % от общего количества обследованных организаций
Удельный вес домашних хозяйств, имеющих персональный компьютер	В % от общего количества опрошенного населения
Доля населения, использовавшего сеть Интернет	В % от общего количества опрошенного населения
Численность активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет (на 100 чел. населения)	Количество активных абонентов услуг широкополосного доступа в интернет по любой проводной технологии, для которых скорость доступа составляет не менее 256 кБит/с
Составлено по: данные Росстата.	

выбраны 14 субъектов ПФО, в котором представлены территории, характеризующиеся высокой дифференциацией по уровню экономического развития и ИКТ-активности; апробация методики на регионах, имеющих практически одинаковые экономический и технологический потенциалы, не позволила выявить разные типы зависимости между уровнями их ИКТ-активности и экономического развития; полученные результаты апробации методики анализа ИКТ-активности и экономического развития регионов на субъектах ПФО стали основой дальнейших исследований применительно ко всем субъектам РФ (публикация готовится к печати);

2) составление базовых таблиц с соответствующими исходными статистическими данными по каждому из указанных выше показателей за пятилетний период (2017–2021 гг.) в разрезе субъектов ПФО;

3) использование метода ранжирования каждого индикатора по региону для каждо-

го года (по убыванию значений регионов – ранг от 1 до 14 соответственно) для определения итогового ранга показателей ИКТ-активности как суммы промежуточных рангов (допустимый интервал значений – от 6 до 84); в табл. 2 отражены статистические данные и представлены результаты их ранжирования за 2017 год; за последующие года также были построены аналогичные таблицы;

4) по результатам ранжирования каждого из выбранных нами показателей был рассчитан суммарный ранг субъекта РФ, входящего в ПФО; на основании суммарного ранга для каждого субъекта был определен итоговый ранг (ранжирование по возрастанию значений), отражающий ИКТ-активность отдельно по каждому году (табл. 3);

5) значения итогового ранга стали основой разделения регионов на три группы: первая группа – регионы с высоким уровнем ИКТ-активности, имевшие значения по итоговому рангу от 1 до 4; вторая группа – регионы со средним уровнем ИКТ-активности

Таблица 2. Показатели цифровой активности и соответствующие им ранги субъектов ПФО, 2017 год

Показатель цифровой активности	Республика Башкортостан	Республика Марий Эл	Республика Мордовия	Республика Татарстан	Удмуртская Республика	Чувашская Республика	Пермский край	Ульяновская область	Кировская область	Нижегородская область	Оренбургская область	Пензенская область	Самарская область	Саратовская область
Доля организаций, имеющих веб-сайт	53,6	41,9	36,5	49,3	48,6	64,1	42,5	43,1	39,4	53,4	53,4	53,4	37,1	37,1
Соответствующий ранг	2	10	14	6	7	1	9	8	11	3	3	3	12	12
Доля организаций, использовавших специальные программные средства	89,4	82,6	77,1	90,8	83,1	88,1	87,5	88,4	85,9	91,6	93,0	89,0	73,4	72,4
Соответствующий ранг	4	11	12	3	10	7	8	6	9	2	1	5	13	14
Доля организаций, использовавших электронный обмен данными между ИС	63,6	64,9	53,8	71,5	62,7	63,9	80,5	59,4	78,1	68,5	70,2	60,6	50,8	50,5
Соответствующий ранг	8	6	12	3	9	7	1	11	2	5	4	10	13	14
Удельный вес домашних хозяйств, имеющих персональный компьютер	72,0	63,0	65,3	78,2	70,3	60,6	69,4	62,4	61,1	67,9	79,8	71,5	81,2	69,6
Соответствующий ранг	4	11	10	3	6	14	8	12	13	9	2	5	1	7
Доля населения, использовавшего сеть Интернет	82,0	79,6	70,3	91,2	76,1	69,0	74,0	67,2	73,3	75,9	77,5	75,7	81,8	78,9
Соответствующий ранг	2	4	12	1	7	13	10	14	11	8	6	9	3	5
Численность активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет (на 100 чел. населения)	21,3	18,2	18,6	25,5	20,0	21,9	22,0	23,5	20,6	23,3	17,4	19,4	21,8	22,0
Соответствующий ранг	8	13	12	1	10	6	4	2	9	3	14	11	7	4
СУММАРНЫЙ РАНГ РЕГИОНА	28	55	72	17	49	48	40	53	55	30	30	43	49	56
Составлено по: данные Росстата.														

Таблица 3. Распределение субъектов по группам по уровню ИКТ-активности

Регион	2017 год			2018 год			2019 год			2020 год			2021 год		
	сумма рангов	ранг	группа												
Республика Башкортостан	28	2	1	36	4	1	49	10	3	48	8	2	47	8	2
Республика Марий Эл	55	11	3	70	14	3	63	13	3	58	12	3	59	12	3
Республика Мордовия	72	14	3	67	13	3	50	11	3	77	14	3	78	14	3
Республика Татарстан	17	1	1	14	1	1	19	1	1	19	1	1	28	3	1
Удмуртская Республика	49	8	2	48	8	2	44	5	2	49	9	2	43	7	2
Чувашская Республика	48	7	2	43	6	2	35	4	1	46	6	2	41	5	2
Пермский край	40	5	2	41	5	2	47	8	2	34	4	1	31	4	1
Кировская область	55	11	3	55	11	3	47	8	2	52	11	3	59	12	3
Нижегородская область	30	3	1	25	2	1	28	2	1	23	2	1	24	2	1
Оренбургская область	30	3	1	30	3	1	29	3	1	25	3	1	21	1	1
Пензенская область	43	6	2	48	8	2	45	6	2	46	6	2	50	9	2
Самарская область	49	8	2	44	7	2	46	7	2	37	5	2	41	5	2
Саратовская область	56	13	3	55	11	3	55	12	3	50	10	3	56	11	3
Ульяновская область	53	10	3	49	10	3	67	14	3	60	13	3	50	9	2

Источник: расчеты авторов.

(итоговый ранг от 5 до 9); третья группа – регионы-аутсайдеры ИКТ-активности, занявшие с 10 по 14 места по сумме рангов; выделение трех групп регионов по уровню ИКТ-активности является очевидным, что показывают результаты статистического анализа динамики каждого показателя в конкретном субъекте за каждый год анализируемого периода, отражающие значения регионов. Сохранение более высоких значений показателя по сравнению с другими субъектами ПФО обеспечивало региону лидирующие позиции, низких – аутсайдерские.

Итак, реализация второго блока позволила нам выделить регионы-лидеры по уровню ИКТ-активности, к которым в 2017 году отнесены Республика Башкортостан, Республика Татарстан, а также Нижегородская и Оренбургская области. Регионами – аутсайдерами по уровню ИКТ-активности стали Кировская, Саратовская и Ульяновская области, а также Республика Марий Эл и Республика Мордовия (устойчиво занимали с 10 по 14 места на протяжении всего анализируемого периода). В группу регионов со средними значениями ИКТ-активности в 2017 году по-

пали Удмуртская и Чувашская республики, Пензенская и Самарская области, а также Пермский край, который один раз сменил группу за весь анализируемый период. При этом выявление причин аутсайдерских позиций регионов требует более детального исследования, они могут быть связаны и с наличием временного лага между внедрением ИКТ и масштабностью их использования всеми хозяйствующими субъектами, и с реальным отставанием по созданию ИКТ-инфраструктуры, и с высоким, достигнутым уже ранее, уровнем ИКТ-активности.

Третий блок – оценка экономического развития регионов.

Если при оценке уровня развития ИКТ-сектора наблюдается широкий разброс по показателям, то для оценки экономического развития наиболее значимым является показатель «ВРП на душу населения» (Андреева, 2022; Безденежных, Шарафанова, 2022; Захаров и др., 2021; Кравченко и др., 2017; Мильская и др., 2019; Миролубова, Родионова, 2021).

Для оценки экономического развития регионов считаем целесообразным также раз-

делить регионы на группы. В основу группировки положено сопоставление значений показателя субъекта РФ, входящего в ПФО, за каждый год в период с 2017 по 2021 год с аналогичным значением ВРП на душу населения по данному федеральному округу в целом. При таком сопоставлении регионы условно могут быть разделены на две группы: первая группа – отстающие – со значениями ВРП на душу населения ниже значений ПФО, вторая группа – лидирующие – соответственно, со значениями ВРП на душу населения выше значений по данному округу. Такая группировка регионов используется российскими учеными (Юшина, 2021). При этом мы не отрицаем, что сама оценка уровня экономического развития субъектов РФ может быть расширена и дополнена показателями инвестиционного, технологического, трудового потенциалов, что может стать основой для будущих исследований авторов.

Результаты проведенных в рамках данной публикации расчетов с последующей группировкой регионов представлены в табл. 4.

К первой группе за каждый из пяти анализируемых лет отнесены республи-

ки Башкортостан, Марий Эл и Мордовия, а также Удмуртская, Чувашская республики, Кировская, Пензенская, Саратовская и Ульяновская области. Регионами-лидерами по ВРП на душу населения на протяжении всего анализируемого периода являются Республика Татарстан, Пермский край, Оренбургская, Самарская и Нижегородская области.

Четвертый блок – построение матрицы и группировка регионов на основе сопоставления уровня ИКТ-активности и ВРП на душу населения. Подобные матрицы по авторской методике строятся за каждый год отдельно с целью отследить динамику в дальнейшем.

В матрице по оси Y могут быть взяты значения первой (ниже среднего по ПФО) и второй (выше среднего по ПФО) групп регионов по ВРП на душу населения. Для оси X предполагается использовать группировку регионов по значению цифровой активности: регионы-лидеры (со значением ранга от 1 до 4 включительно) – первая группа; регионы со средним уровнем ИКТ-активности (со значением ранга от 5 до 9 включительно) – вторая группа; регионы-аутсайдеры (со значением ранга от 10 до 14) – третья группа. Авторская матрица с разбивкой на квадранты представлена на рис. 2.

Таблица 4. Распределение субъектов по группам на основе уровня ВРП на душу населения, тыс. руб.

Регион	2017 год		2018 год		2019 год		2020 год		2021 год		Среднее	Группа
	группа		группа		группа		группа		группа			
Приволжский ФО	399,55		452,35		480,66		467,98		582,87		510,50	
Республика Башкортостан	366,01	1	428,72	1	445,86	1	420,82	1	499,04	1	455,24	1
Республика Марий Эл	260,7	1	282,8	1	298,99	1	292,23	1	329,66	1	306,96	1
Республика Мордовия	292,63	1	306,99	1	331,41	1	339,53	1	384,64	1	351,86	1
Республика Татарстан	582,21	2	673,12	2	720,05	2	674,95	2	888,04	2	761,01	2
Удмуртская Республика	390,8	1	450,23	1	480,56	1	457,15	1	565,47	1	501,06	1
Чувашская Республика	240,38	1	257,99	1	278,13	1	285,32	1	326,61	1	296,69	1
Пермский край	474,13	2	543,65	2	574,43	2	535,04	2	677,76	2	595,74	2
Кировская область	257,68	1	276,49	1	292,34	1	315,97	1	387,46	1	331,92	1
Нижегородская область	428,21	2	465,83	2	503,98	2	501,71	2	597,43	2	534,37	2
Оренбургская область	440,02	2	537,21	2	564,48	2	536,82	2	721,03	2	607,44	2
Пензенская область	281,37	1	310,24	1	341,90	1	373,42	1	418,95	1	378,09	1
Самарская область	453,01	2	509,86	2	531,10	2	513,27	2	675,33	2	573,24	2
Саратовская область	294,99	1	315,61	1	333,07	1	355,62	1	422,95	1	370,55	1
Ульяновская область	299,92	1	311,2	1	344,37	1	358,61	1	411,85	1	371,61	1

Источник: расчеты авторов.

3-й блок	ВРП НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ	Ниже среднего по ПФО	I	II	III
	Выше среднего по ПФО	IV	V	VI	
			Высокий	Средний	Низкий

УРОВЕНЬ ИКТ-АКТИВНОСТИ

2-й блок

Рис. 2. Матрица, характеризующая взаимосвязь уровней ИКТ-активности и экономического развития
 Источник: составлено авторами.

3-й блок	УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ ВРП НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ	Ниже среднего по ПФО	I Республика Башкортостан	II Удмуртская Республика; Чувашская Республика; Пензенская область	III Республика Марий Эл; Республика Мордовия; Кировская область; Саратовская область; Ульяновская область
		Выше среднего по ПФО	IV Республика Татарстан; Нижегородская область; Оренбургская область	V Самарская область; Пермский край	VI X
			Высокий	Средний	Низкий

УРОВЕНЬ ИКТ-АКТИВНОСТИ

2-й блок

Рис. 3. Матрицы, характеризующие взаимосвязь уровня ИКТ-активности и экономического развития в регионах ПФО
 Источник: составлено авторами.

На основании представленной матрицы можно выделить 6 квадрантов с учетом уровней ИКТ-активности и экономического развития (ВРП на душу населения).

Первый квадрант – отставание по экономическому развитию при лидирующих позициях ИКТ-активности; **второй квадрант** – при среднем уровне ИКТ-активности; **третий квадрант** – при низком уровне ИКТ-активности соответственно; **четвертый квадрант** – при лидировании в экономическом развитии высокий уровень ИКТ-активности; **пятый квадрант** – средний уровень ИКТ-активности; **шестой квадрант** – отставание

по уровню ИКТ-активности соответственно (из-за наличия временного лага между внедрением достижений ИКТ-сектора и экономическим развитием, а также из-за сохранения высокого потенциала экономического развития за счет уже накопленных ресурсной и промышленной баз).

Применительно к нашему исследованию были построены соответствующие матрицы за каждый год в разрезе субъектов ПФО (на рис. 3 – за 2017 год).

Результаты построения матриц за весь анализируемый период в разрезе субъектов ПФО представлены в табл. 5. В ней наглядно

Таблица 5. Динамика положения регионов ПФО в соответствии с матрицей, характеризующей взаимосвязь уровней ИКТ-активности и экономического развития

Субъект ПФО	Анализируемый период					Общая тенденция взаимосвязи
	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	
Республика Башкортостан	I	I	III	II	II	Неустойчивая, при средних значениях ИКТ-активности
Республика Марий Эл	III	III	III	III	III	Устойчивая, при низких значениях ИКТ-активности
Республика Мордовия	III	III	III	III	III	Устойчивая, при низких значениях ИКТ-активности
Республика Татарстан	IV	IV	IV	IV	IV	Устойчивая, при высоких значениях ИКТ-активности
Удмуртская Республика	II	II	II	II	II	Устойчивая, при средних значениях ИКТ-активности
Чувашская Республика	II	II	I	II	II	Неустойчивая, при средних значениях ИКТ-активности
Пермский край	V	V	V	IV	IV	Неустойчивая, при средних значениях ИКТ-активности
Кировская область	III	III	II	III	III	Неустойчивая, при низких значениях ИКТ-активности
Нижегородская область	IV	IV	IV	IV	IV	Устойчивая, при высоких значениях ИКТ-активности
Оренбургская область	IV	IV	IV	IV	IV	Устойчивая, при высоких значениях ИКТ-активности
Пензенская область	II	II	II	II	II	Устойчивая, при средних значениях ИКТ-активности
Самарская область	V	V	V	V	V	Устойчивая, при средних значениях ИКТ-активности
Саратовская область	III	III	III	III	III	Устойчивая, при низких значениях ИКТ-активности
Ульяновская область	III	III	III	III	II	Устойчивая, при низких значениях ИКТ-активности

Источник: составлено авторами.

видна динамика (перемещение регионов из квадранта в квадрант (обозначено римскими цифрами)) и/или ее отсутствие, что позволяет определить степень устойчивости взаимосвязи уровней ИКТ-активности и экономического развития.

В итоге можно выделить 4 группы регионов.

Первая группа – взаимосвязь уровней ИКТ-активности и экономического развития устойчивая, при низкой ИКТ-активности (III квадрант). Выделенная общая тенденция характерна для Республики Мордовии, Республики Марий Эл, Саратовской и Ульяновской областей. Снижение ИКТ-активности в данной группе регионов во многом связано с материально-техническими ограничениями наращивания показателя «Доля организаций, использовавших электронный обмен данными между ИС».

Вторая группа – взаимосвязь уровней ИКТ-активности и экономического развития устойчивая, при средних значениях ИКТ-активности (II и V квадранты). Отмеченная тенденция при отсутствии роста ВРП на душу населения выше, чем в среднем по ПФО, характерна для Удмуртской Республики и

Пензенской области. Внутри данных субъектов аутсайдерские значения прослеживаются по показателю «Численность активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет». При этом остальные показатели «ведут себя» неопределенно, что является преградой для роста величины ИКТ-активности. Напротив, средний уровень ИКТ-активности в сочетании с высоким уровнем экономического развития наблюдается в Самарской области.

Третья группа – взаимосвязь уровней ИКТ-активности и экономического развития устойчивая, при высокой ИКТ-активности (IV квадрант). Среди регионов данного квадранта (Республика Татарстан, Нижегородская и Оренбургская области) лидерство значений прослеживается по количественному показателю «Доля организаций, использовавших специальные программные средства». Практически у всех регионов, попадающих в эту группу, значения показателя сохраняются на высоком уровне, что может стать основой для последующего прогрессивного развития экономической среды и, как следствие, для еще большего увеличения ВРП на душу населения.

Четвертая группа – взаимосвязь уровней ИКТ-активности и экономического развития неустойчивая – наблюдается перемещение регионов из квадранта в квадрант за анализируемый период. При этом очень интересным является характер сдвига: так, в Республике Башкортостан наблюдался сдвиг из I квадранта в III, а затем во II, что свидетельствует о неустойчивости масштабно-сти использования ИКТ, при этом рост ВРП на душу населения не был обеспечен выше, чем в среднем по ПФО. Пермский край, наоборот, перешел из V в IV квадрант, нарастив ИКТ-активность, сохранив при этом высокие значения экономического развития. В Кировской области за анализируемый период можно отметить преимущественно низкие показатели ИКТ-активности (за исключением 2019 года – II квадрант), которые не позволили региону обеспечить рост ВРП. В Чувашской Республике лидирующие позиции по ИКТ-активности наблюдались лишь в 2019 году (I квадрант), в остальной период показатели региона находились на среднем уровне среди субъектов ПФО, при сохранении низких значений экономического развития.

Полученные на базе построения матриц результаты не являются бесспорными, но в полной мере отражают существующую разницу в уровнях ИКТ-активности и экономическом развитии. При этом выявление характера влияния может быть связано с включением в анализ дополнительных показателей и по уровню ИКТ-активности, и по уровню экономического развития, а также с существенным расширением математического инструментария исследований, что станет основой последующих авторских разработок.

Заключение

В результате анализа теоретических работ отечественных и зарубежных ученых по проблемам взаимосвязи уровней развития ИКТ-сектора и экономики страны в целом и ее регионов считаем необходимым отметить следующее: во-первых, данная взаимосвязь является доказанной;

во-вторых, спорным продолжает оставаться выбор индикаторов для оценки уровня развития ИКТ-сектора, а также методики количественного определения взаимосвязи ИКТ-сектора и экономического развития региона; в-третьих, большинством автором при оценке уровня развития ИКТ-сектора (ИКТ-инфраструктуры) оцениваются масштабность и доступность использования сети Интернет при осуществлении экономической деятельности, объединенные нами в понятие «ИКТ-активность»; в-четвертых, отсутствие единой методики для анализа развития ИКТ-сектора является основой разработок авторских подходов в соответствии с выдвигаемыми гипотезами и целями исследования; в-пятых, апробация авторских методик реализовывалась применительно к различным территориальным образованиям: РФ в целом, федеральным округам, макрорегионам.

Предложенная авторская методика предусматривает анализ взаимосвязи уровней развития ИКТ-сектора и экономики в регионах на основе построения матрицы. В ней по одной из осей взят уровень ИКТ-активности, характеризующийся группой показателей, в полной мере отражающих масштабность и доступность использования ИКТ всеми хозяйствующими субъектами экономических систем разного уровня. С помощью метода ранжирования были выделены три группы регионов: первая группа – регионы с высоким уровнем ИКТ-активности, вторая группа – регионы со средними значениями ИКТ-активности и третья группа – регионы-аутсайдеры. По второй оси использовалась характеристика уровня экономического развития, который определялся на основе такого показателя, как ВРП на душу населения. Его сопоставление со средними значениями по ПФО способствовало выделению отстающих (со значениями ВРП на душу населения ниже значений ПФО) и лидирующих (со значениями ВРП на душу населения выше значений по данному ПФО) субъектов РФ по исследуемому федеральному округу.

Построенная матрица на основе сопоставления уровня ИКТ-активности и ВРП на

душу населения позволила выделить четыре группы регионов: первая группа – взаимосвязь уровней ИКТ-активности и экономического развития устойчивая, при более низкой ИКТ-активности (республики Мордовия и Марий Эл, а также Саратовская и Ульяновская области); вторая группа – взаимосвязь уровней ИКТ-активности и экономического развития устойчивая, при средних значениях ИКТ-активности (Удмуртская Республика и Пензенская область – при низком уровне экономического развития; Самарская область – соответственно, при

высоком); третья группа – взаимосвязь уровней ИКТ-активности и экономического развития устойчивая, при более высокой ИКТ-активности (Республика Татарстан, Нижегородская и Оренбургская области); четвертая группа – взаимосвязь уровней ИКТ-активности и экономического развития неустойчивая, т. к. за анализируемый период наблюдается перемещение регионов из квадранта в квадрант, имеющее разный характер и причины сдвига (Республики Башкортостан и Чувашия, Кировская область, Пермский край).

ЛИТЕРАТУРА

- Алтунина В.В., Анучина Д.А. (2022). Классификация регионов Российской Федерации в контексте странственной поляризации // Экономика, предпринимательство и право. Т. 12. № 5. С. 1453–1474. DOI: 10.18334/ep.12.5.114641
- Андреева Д.А. (2022). Анализ показателей цифровой экономике в Удмуртской Республике // Постулат. № 1 (75). URL: <https://pgusa.tmweb.ru/index.php/Postulat/article/view/3979>
- Баранов С.В., Скуфьина Т.П. (2014). Информационно-коммуникационные технологии и экономическое развитие регионов России: поиск зависимостей и перспективных направлений регулирования // Вопросы статистики. № 5. С. 41–53.
- Безденежных Т.И., Шарафанова Е.Е. (2022). Цифровая трансформация как фактор устойчивого развития: региональный аспект // Устойчивое развитие (ESG): финансы, экономика, промышленность: мат-лы Национальной науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 21 октября 2022 г.). Санкт-Петербург: Центр научно-производственных технологий «Астерион». С. 29–33. DOI: 10.53115/9785001882657
- Бурдина Л.А. (2021). Цифровое неравенство: оценка уровня владения навыками в области информационно-коммуникационных технологий // Инновационное развитие экономики: тенденции и перспективы. Т. 2. С. 197–209.
- Гасанов Т.А., Гасанов Г.А. (2017). Цифровая экономика как новое направление экономической теории // Региональные проблемы преобразования экономики. № 6. С. 4–10.
- Дубровская Ю.В., Ахметова М.И. (2015). Взаимодействие субъектов инновационной инфраструктуры как фактор управления процессами дивергенции региональных социально-экономических систем // Экономика и предпринимательство. № 10-2 (63). С. 290–295.
- Захаров П.Н., Фраймович Д.Ю., Смирнов В.Н. [и др.] (2021). Управление цифровизацией как фактор социально-экономического развития территорий // Журнал прикладных исследований. № 6 (10). С. 942–949. DOI: 10.47576/2712-7516_2021_6_10_942
- Ивашкова Т.К., Морозова Н.В. (2014). Типология регионов Российской Федерации // Науковедение. № 6 (25). С. 87–95. DOI: 10.15862/87EVN614
- Калашник Н.А., Столбовская Н.Н. (2020). Проблема оценки стоимости интеллектуальной собственности в России в условиях цифровой экономики // Современные технологии управления. № 2 (92). С. 2.
- Костыгова Л.А. (2011). Анализ состояния и перспективы развития кластеров // Экономика в промышленности. № 4. С. 13–18. DOI: 10.17073/2072-1633-2011-4-13-18
- Кравченко Н.А., Кузнецова С.А., Иванова А.И. (2017). Факторы, результаты и перспективы развития цифровой экономики на региональном уровне // Мир экономики и управления. Т. 17. № 4. С. 168–178. DOI: 10.25205/2542-0429-2017-17-4-168-178

- Кузнецова О.В. (2018). Структура экономики российских регионов и уровень их социально-экономического развития // Региональные и социальные проблемы. Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Т. 16. С. 473–493. DOI: 10.29003/m275.sp_ief_ras2018/473-493
- Кунцман А.А. (2016). Трансформация внутренней и внешней среды бизнеса в условиях цифровой экономики // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. № 11 (93). С. 1.
- Мильская Е.А., Наумова О.Н., Финько А.В. (2019). Оценка уровня развития цифровой экономики в регионах России // Цифровая экономика и сквозные технологии: теория и практика / под ред. А.В. Бабкина. Санкт-Петербург: ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехн. ун-т им. Петра Великого». С. 25–40. DOI: 10.18720/IEP/2019.6/2
- Минаков А.В., Евраев Л.О. (2020). Потенциал и перспективы развития цифровой экономики регионов России // Региональная экономика и управление. № 3 (63). № статьи 6318. URL: <https://eee-region.ru/article/6318> (дата обращения 02.04.2023).
- Миролюбова Т.В., Карлина Т.В., Николаев Р.С. (2020). Цифровая экономика: проблемы идентификации и измерений в региональной экономике // Экономика региона. Т. 16. Вып. 2. С. 377–390. DOI: 10.17059/2020-2-4
- Миролюбова Т.В., Радионова М.В. (2021). Оценка влияния факторов цифровой трансформации на региональный экономический рост // Регионология. Т. 29. № 3. С. 486–510. DOI: 10.15507/2413-1407.116.029.202103.486-510
- Мусина Д.Р., Янгиров А.В., Насырова С.И. (2020). Цифровизация регионов: методы оценки // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Сер.: Экономика. № 1 (31). С. 32–38. DOI: 10.17122/2541-8904-2020-1-31-32-38
- Писарев И.В., Бывшев В.И., Пантелеева И.А., Парфентьева К.В. (2022). Исследование готовности регионов России к цифровой трансформации // *π-Economy*. Т. 15. № 2. С. 22–37. DOI: 10.18721/IE.15202
- Попов Е.В., Семячков К.А., Симонова В.Л. (2016). Оценка влияния информационно-коммуникационных технологий на инновационную активность регионов // Финансы и кредит. № 46 (718). С. 46–60.
- Потапова О.А. (2020). Новые подходы к классификации регионов в условиях перехода к цифровой экономике // Московский экономический журнал. № 6. С. 202–209.
- Ратнер С.В. (2012). Цифровой разрыв регионов России как угроза социально-экономическому развитию страны // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. Т. 8. № 39 (180). С. 29–35.
- Реутова Э.В., Реутов Е.В. (2020). К вопросу о цифровых разрывах в региональном развитии // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. № 4. С. 132–139.
- Самохвалов А.Ф. (2013). Государство в рыночной экономике: уроки кризисов // Мировая экономика и международные отношения. № 4. С. 11–29.
- Селищева Т.А., Асалханова С.А. (2019). Проблемы цифрового неравенства регионов России // Проблемы современной экономики. № 3 (71). С. 230–234.
- Сударушкина И.В., Стефанова Н.А. (2017). Цифровая экономика // Азимут научных исследований: экономика и управление. Т. 6. № 1 (18). С. 182–184.
- Урасова А.А., Баландин Е.Д., Баландин Д.А. (2020). Особенности развития экономики региона в эпоху цифровизации // Фундаментальные исследования. № 6. С. 150–155. DOI: 10.17513/fr.42792
- Цветкова Л.А. (2017). Технологии искусственного интеллекта как фактор цифровизации экономики России и мира // Экономика науки. Т. 3. № 2. С. 126–144.
- Ценжарик М.К., Крылова Ю.В., Штешенко В.И. (2020). Цифровая трансформация компаний: стратегический анализ, факторы влияния и модели // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. Т. 36. № 3. С. 390–420. DOI: 10.21638/spbu05.2020.303
- Циренщиков В. (2019). Цифровизация экономики Европы // Современная Европа. № 3. С. 104–113.

- Юшина К.С. (2021). Об одном подходе к измерению уровня дифференциации цифрового развития экономики регионов // Развитие территорий. № 1 (23). С. 61–66. DOI: 10.32324/2412-8945-2021-1-61-66
- Яковлева Е.В., Ильина Ю.С. (2021). Экономическая динамика промышленных предприятий в условиях цифровизации // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. Т. 6. № 3. С. 114–120. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-3-114-120
- Bazzazan F. (2009). The Economic importance of ICT in Iran-Input-Output Approach. *Proceedings of the 2009 International Conference on Information and Financial Engineering. Washington, DC, IEEE Computer Society*, 85–88. DOI: 10.1109/ICIFE.2009.11
- Bell D. (1973). *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. New York: Basic books.
- Bukht R., Heeks R. (2018). Defining, conceptualising and measuring the digital economy. *International Organisations Research Journal*, 13 (2), 143–172. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-07
- Farhadi M., Ismail R., Fooladi M. (2012). Information and communication technology use and economic growth. *PLoS ONE*, 7 (11), 1–7. DOI: 10.1371/journal.pone.0048903
- Li K., Kim D.J., Lang K.R. [et al.] (2020). How should we understand the digital economy in Asia? Critical assessment and research agenda. *Electronic Commerce Research and Applications*, 44, 1–16. DOI: 10.1016/j.elerap.2020.101004
- Mgadmi N., Moussa W., Bejaoui A. [et al.] (2021). Revisiting the nexus between digital economy and economic prosperity: Evidence from a comparative analysis. *Journal of Telecommunications and the Digital Economy*, 9 (2), 69–90. DOI: 10.18080/jtde.v9n2.384
- Micic L. (2017). Digital transformation and its Influence on GDP. *Economics*, 5 (2), 135–147. DOI: 10.1515/eoik-2017-0028
- Rasiah R. (2006). Information and communication technology and GDP per capita. *International Journal of Internet and Enterprise Management*, 4 (3), 202–214. DOI: 10.1504/UIEM.2006.010914
- Toffler A. (2010). *Tret'ya Volna [The Third Wave: The Classic Study of Tomorrow]*. Moscow, AST Publ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лидия Александровна Бурдина – Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Российская Федерация, 614990, г. Пермь, Комсомольский пр-т, д. 29; e-mail: lidaburdina2002@mail.ru)

Оксана Вячеславовна Буторина – кандидат экономических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Российская Федерация, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15); доцент, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Российская Федерация, 614990, г. Пермь, Комсомольский пр-т, д. 29); e-mail: ok.butorina@yandex.ru

Burdina L.A., Butorina O.V.

METHODOLOGY FOR ANALYZING THE RELATIONSHIP BETWEEN THE ICT DEVELOPMENT LEVEL AND REGION'S ECONOMY

The relevance of the considered scientific problem is determined by the need to quantitatively assess the relationship between the uneven development of the ICT sector and the economic development of regions and the country as a whole. The aim of the research is to develop a methodology for assessing the mutual influence of the levels of ICT development and the economy of the RF. The theoretical aspect of the problem is disclosed, based on the results of which our methodology of analysis is proposed. The methodology is tested in the case of 14 subjects of the Volga Federal District. Our

methodology includes 4 consecutive blocks: 1) preparatory stage: selection of indicators reflecting the level of ICT sector development and its justification, as well as data collection in statistical databases for 5 years; 2) calculation of the level of ICT-activity in the regions; 3) assessment of the economic development rate; 4) construction of a matrix and grouping of regions by the nature of stability of the relationship between the levels of ICT-activity and economic development. The results of approbation of our methodology made it possible to identify 4 groups of regions with regard to the RF constituent entities included in the Volga Federal District, which confirms the hypothesis about the impact of ICT-activity on the economic development of regions. The obtained results are not indisputable, although they fully reflect the existing difference in the levels of ICT-activity and economic development of territories. At the same time, the identification of the nature of the influence can be based on the inclusion in the analysis of additional indicators for both the level of ICT-activity and the level of economic development, which is one of the advantages of the proposed approach and the corresponding methodological support, as well as the basis for our further research.

ICT-activity, ICT adoption, algorithm for quantifying the degree of ICT-activity, impact of ICT on economic development, grouping of regions.

REFERENCES

- Altunina V.V., Anuchina D.A. (2022). Russian regions' classification in the context of spatial polarization. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*, 12(5), 1453–1474. DOI: 10.18334/epp.12.5.114641 (in Russian).
- Andreeva D.A. (2022). Analysis of digital economy indicators in the Udmurt Republic. *Postulat*, 1(75). Available at: <https://pgusa.tmweb.ru/index.php/Postulat/article/view/3979> (in Russian).
- Baranov S.V., Skuf'ina T.P. (2014). Information and communication technology and economic development of regions of the Russian Federation: Search for dependencies and promising lines of regulation. *Voprosy statistiki*, 5, 41–53 (in Russian).
- Bazzazan F. (2009). The economic importance of ICT in Iran-input-output approach. *Proceedings of the 2009 International Conference on Information and Financial Engineering. Washington, DC, IEEE Computer Society*, 85–88. DOI: 10.1109/ICIFE.2009.11
- Bell D. (1973). *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. New York: Basic books.
- Bezdenzhnykh T.I., Sharafanova E.E. (2022). Digital transformation as a factor of sustainable development: Regional perspective. In: *Ustoichivoe razvitie (ESG): finansy, ekonomika, promyshlennost': mat-ly Natsional'noi nauch.-prakt. konf. (Sankt-Peterburg, 21 oktyabrya 2022 g.)* [Sustainable Development (ESG): Finance, Economics, Industry: Proceedings of the National Scientific and Practical Conference (Saint Petersburg, October 21, 2022)]. Saint Petersburg: Tsentr nauchno-proizvodstvennykh tekhnologii "Asterion". DOI: 10.53115/9785001882657 (in Russian).
- Bukht R., Heeks R. (2018). Defining, conceptualising and measuring the digital economy. *International Organisations Research Journal*, 13(2), 143–172. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-07
- Burdina L.A. (2021). Digital divide: The ICT skills assessment. *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki: tendentsii i perspektivy=Innovative Development of Economy*, 2, 197–209 (in Russian).
- Dubrovskaya Yu.V., Akhmetova M.I. (2015). Interaction of subjects of innovation infrastructure as a factor of management of processes of divergence of regional socio-economic systems. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, 10-2(63), 290–295 (in Russian).
- Farhadi M., Ismail R., Fooladi M. (2012). Information and communication technology use and economic growth. *PLoS ONE*, 7(11), 1–7. DOI: 10.1371/journal.pone.0048903
- Gasanov T.A., Gasanov G.A. (2017) Digital economics as a new area of focus of the economic theory. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, 6, 4–10 (in Russian).

- Ivashkova T.K., Morozova N.V. (2014). Typology of regions of the Russian Federation. *Naukovedenie*, 6(25), 87–95. DOI: 10.15862/87EVN614
- Kalashnik N.A., Stolbovskaya N.N. (2020). The problem of intellectual property valuation in Russia in the digital economy. *Sovremennye tekhnologii upravleniya*, 2(92), 2 (in Russian).
- Kostygova L.A. (2011). The analysis of a condition and development prospects clusters. *Ekonomika v promyshlennosti=Russian Journal of Industrial Economics*, 4, 13–18. DOI: 10.17073/2072-1633-2011-4-13-18 (in Russian).
- Kravchenko N.A., Kuznetsova S.A., Ivanova A.I. (2017). Factors, results and perspectives of digital economy development at the regional level. *Mir ekonomiki i upravleniya=World of Economics and Management*, 17(4), 168–178. DOI: 10.25205/2542-0429-2017-17-4-168-178 (in Russian).
- Kuntsman A.A. (2016). Transformation of the internal and external business environment in the digital economy. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 11(93), 1 (in Russian).
- Kuznetsova O.V. (2018). Economic structure of Russian regions and the level of their socio-economic development. *Regional'nye i sotsial'nye problemy. Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN*, 16, 473–493. DOI: 10.29003/m275.sp_ief_ras2018/473-493 (in Russian).
- Li K., Kim D.J., Lang K.R. et al. (2020). How should we understand the digital economy in Asia? Critical assessment and research agenda. *Electronic Commerce Research and Applications*, 44, 1–16. DOI: 10.1016/j.elerap.2020.101004
- Mgadmi N., Moussa W., Bejaoui A. et al. (2021). Revisiting the nexus between digital economy and economic prosperity: Evidence from a comparative analysis. *Journal of Telecommunications and the Digital Economy*, 9(2), 69–90. DOI: 10.18080/jtde.v9n2.384
- Micic L. (2017). Digital transformation and its Influence on GDP. *Economics*, 5(2), 135–147. DOI: 10.1515/eoik-2017-0028
- Mil'skaya E.A., Naumova O.N., Fin'ko A.V. (2019). Assessment of the development level of the digital economy in the Russian Federation. In: *Tsifrovaya ekonomika i skvoznye tekhnologii: teoriya i praktika* [Digital Economy and End-to-End Technologies: Theory and Practice]. Saint Petersburg: FGAOU VO "Sankt-Peterburgskii politekhn. un-t im. Petra Velikogo". DOI: 10.18720/IEP/2019.6/2 (in Russian).
- Minakov A.V., Evraev L.O. (2020). Potential and prospects for the development of the digital economy of the regions of Russia. *Regional'naya ekonomika i upravleni=Regional Economy and Management*, 3(63), 6318. Available at: <https://eee-region.ru/article/6318> (accessed: April 2, 2023; in Russian).
- Mirolyubova T.V., Karlina T.V., Nikolaev R.S. (2020). Digital economy: Identification and measurements problems in regional economy. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 16(2), 377–390. DOI: 10.17059/2020-2-4 (in Russian).
- Mirolyubova T.V., Radionova. M.V. (2021). Assessing the impact of the factors in the digital transformation on the regional economic growth. *Regionologiya=Russian Journal of Regional Studies*, 29(3), 486–510. DOI: 10.15507/2413-1407.116.029.202103.486-510 (in Russian).
- Musina D.R., Yangirov A.V., Nasyrova S.I. (2020). Digitalization of regions: Assessment methods. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Ser.: Ekonomika*, 1(31), 32–38. DOI: 10.17122/2541-8904-2020-1-31-32-38 (in Russian).
- Pisarev I.V., Byvshev V.I., Panteleeva I.A., Parfent'eva K.V. (2022). Study on readiness of Russian regions for digital transformation. *π-Economy*, 15(2), 22–37. DOI: 10.18721/IE.15202 (in Russian).
- Popov E.V., Semyachkov K.A., Simonova V.L. (2016). Assessing the impact of information and communication technologies on innovative activity of regions. *Finansy i kredit=Finance and Credit*, 46(718), 46–60 (in Russian).
- Potapova O.A. (2020). New approaches to classification of regions under conditions of transformation to digital economy. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal*, 6, 202–209 (in Russian).

- Rasiah R. (2006). Information and communication technology and GDP per capita. *International Journal of Internet and Enterprise Management*, 4(3), 202–214. DOI: 10.1504/UIEM.2006.010914
- Ratner S.V. (2012). Digital divide of Russian regions as a threat to the socio-economic development of the country. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*=*National Interests: Priorities and Security*, 8, 39(180), 29–35 (in Russian).
- Reutova E.V., Reutov E.V. (2020). Toward a digital divide in regional development. *Nauchnyi vestnik: Finansy, banki, investitsii*, 4, 132–139 (in Russian).
- Samokhvalov A.F. (2013). The state in a market economy: Lessons from crises. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 4, 11–29 (in Russian).
- Selishcheva T.A., Asalkhanova S.A. (2019). Problems of digital inequality of Russia's regions (Russia, Saunt Petersburg). *Problemy sovremennoi ekonomiki*, 3(71), 230–234 (in Russian).
- Sudarushkina I.V., Stefanova N.A. (2017). Digital economy. *Azimuth nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*, 6, 1(18), 182–184 (in Russian).
- Toffler A. (2010). *Tret'ya Volna [The Third Wave: The Classic Study of Tomorrow]*. Moscow: AST Publ.
- Tsenzharik M.K., Krylova Yu.V., Steshenko V.I. (2020). Digital transformation in companies: Strategic analysis, drivers and models. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika=St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, 36(3), 390–420. DOI: 10.21638/spbu05.2020.303 (in Russian).
- Tsirenschikov V. (2019). Digitalization of Europe an economy. *Sovremennaya Evropa*, 3, 104–113 (in Russian).
- Tsvetkova L.A. (2017). Technologies of artificial intelligence as the factor of digitalization of economy in Russia and in the world. *Ekonomika nauki=Economics of Science*, 3(2), 126–144 (in Russian).
- Urasova A.A., Balandin E.D., Balandin D.A. (2020). Features of the development of the economy of the region in the epoch of digitalization. *Fundamental'nye issledovaniya=Fundamental Research*, 6, 150–155. DOI: 10.17513/fr.42792 (in Russian).
- Yakovleva E.V., Il'ina Yu.S. (2021). Economic dynamics of industrial enterprises in context of digitalization. *Omskii nauchnyi vestnik. Ser.: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*, 6(3), 114–120. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-3-114-120 (in Russian).
- Yushina K.S. (2021). On one approach to measuring the level of digital development differentiation of regional economies. *Razvitie territorii=Territory Development*, 1(23), 61–66. DOI: 10.32324/2412-8945-2021-1-61-66 (in Russian).
- Zakharov P.N., Fraimovich D.Yu., Smirnov V.N. et al. (2021). Digaization management as a factor of socio-economic development of territories. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy*, 6(10), 942–949. DOI: 10.47576/2712-7516_2021_6_10_942 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lidiya A. Burdina – Perm National Research Polytechnic University (29, Komsomolsky Avenue, Perm, 614990, Russian Federation; e-mail: lidaburdina2002@mail.ru)

Oksana V. Butorina – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Perm State National Research University (15, Bukirev Street, Perm, 614990, Russian Federation); Associate Professor, Perm National Research Polytechnic University (29, Komsomolsky Avenue, Perm, 614990, Russian Federation; e-mail: ok.butorina@yandex.ru)

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.9

УДК 332.142 | ББК 65.04

© Дорошенко С.В.

ИНДЕКС РАЗВИТИЯ КАК ИНДИКАТОР АДАПТАЦИИ: СВЯЗЬ С ОБРАЗОМ И УСЛОВИЯМИ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА ДОРОШЕНКО

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: doroshenkos@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8282-6062; ResearcherID: L-6719-2017

Современные исследования экономической и социальной адаптации населения регионов актуализированы повесткой устойчивого развития, а также национальными целями развития России до 2030 года, направленными на повышение качества жизни населения, включая образование, здоровье, уровень доходов. Эти индикаторы лежат в основе индекса человеческого развития (ИЧР), что в совокупности позволяет рассматривать его как отражение уровня адаптации. Цель исследования – оценка влияния отдельных факторов образа и условий жизни населения на ИЧР в разрезе российских регионов. В качестве переменных, характеризующих образ жизни, включены расходы домохозяйств на отдых и культуру, а также использование интернета. Условия проживания представлены через уровень преступности и размер жилплощади на человека. Предложены две гипотезы: 1) рост уровня преступности понижает ИЧР в регионе; 2) увеличение расходов домохозяйств на отдых и культуру, возможности доступа в интернет и индивидуального размера жилплощади повышает ИЧР. В модель также включены контрольные переменные. Осуществлен множественный регрессионный анализ на панельных данных по 83 субъектам Российской Федерации за 2013–2019 гг. Оценены три модели: модель с фиксированными эффектами с использованием стандартных ошибок Дрисколл – Край, модель с лаговой переменной, квантильная регрессия. Получены достаточно устойчивые статистически значимые результаты, которые позволили принять выдвинутые гипотезы. Оценка квантильной регрессии с выделением пяти квантилей показала значимость переменных с вариацией по группам. При этом регионы с более высоким ИЧР оказались чувствительнее к изменению условий жизни, а регионы

Для цитирования: Дорошенко С.В. (2023). Индекс развития как индикатор адаптации: связь с образом и условиями жизни населения // Проблемы развития территории. Т. 27. № 5. С. 134–149. DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.9

For citation: Doroshenko S.V. (2023). Development index as an adaptation indicator: Relationship to the lifestyle and living conditions. *Problems of Territory's Development*, 27 (5), 134–149. DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.9

с меньшими значениями ИЧР – к изменению образа жизни. Полученные результаты могут быть учтены при разработке мероприятий социально-экономической политики в регионах, относящихся к различным группам рейтинга ИЧР. В дальнейшем планируется расширить временной интервал оценки и включить в модель новые переменные.

Индекс человеческого развития, социально-экономическая адаптация, эконометрическая оценка, расходы домохозяйств, преступность, жилплощадь, самоубийства.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена в рамках выполнения НИР по госзаданию Института экономики Уральского отделения РАН на 2021–2023 гг. № 0327-2021-0011 «Институциональные модели и факторы социальной и экономической адаптации населения региона в условиях перехода к динамичному развитию».

Введение

Современной идеологической платформой мирового роста выступает концепция устойчивого развития, поэтому исследования в области экономической и социальной адаптации населения, ее механизмов зачастую опираются именно на данную парадигму (Гончарова, 2022).

Многие из 17 известных целей в области устойчивого развития, принятые государствами – членами ООН в 2015 году в рамках Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, направлены на повышение качества жизни населения, к примеру, «Цель 3: Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте. Цель 4: Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех»¹. В большинстве стран цели ООН находят отражение в национальных целях. Так, две национальные цели развития Российской Федерации до 2030 года сформулированы как «сохранение населения, здоровье и благополучие людей» и «возможности для реализации и развития талантов»². Таким образом, вопросы здоровья, образования, уровня жизни населения актуализированы глобальной и отечественной повесткой.

С другой стороны, образование, состояние здоровья (в том числе как результат образа жизни), уровень доходов (как результат деловой активности) отражают уровень социально-экономической адаптации населения. Эти три важнейшие составляющие жизнедеятельности положены в основу известного индекса человеческого развития – Human Development Index (ИЧР), предложенного ООН в 1990 году и ежегодно рассчитываемого более чем по 170 странам. В базовом варианте ИЧР измеряет знания, продолжительность жизни и богатство. По нашему мнению, это позволяет использовать ИЧР в качестве одного из показателей, отражающих адаптацию населения, которая для индивида и сообщества в целом характеризуется стремлением получить современное образование, заботой о здоровье и безопасности жизни, возможностью иметь и повышать постоянный доход.

Однако на уровень адаптации влияет множество факторов, как его повышающих, так и понижающих, проявление которых возможно рассматривать в региональном аспекте. На основании этого предлагается следующий исследовательский вопрос: как влияют образ и условия жизни населения региона на ИЧР? Целью работы выступает эконометрическая оценка влияния отдельных факторов образа и условий жизни населения на ИЧР в разрезе российских регионов.

¹ 2030 Agenda for Sustainable Development. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda> (дата обращения 19.01.2023).

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения 19.01.2023).

Теоретические аспекты исследования

Исследования адаптации социально-экономических систем являются многоаспектными и междисциплинарными. В свое время для регионального уровня таких систем было предложено понимать под адаптацией «процесс возникновения и развития уникальной совокупности специальных характеристик, обусловленный включением региона в средовые взаимодействия и направленный на погашение средового воздействия. К таким характеристикам относят свойства, структуру социально-экономической системы, формы ее существования, а также обуславливающие внутренние и внешние взаимодействия» (Дорошенко, 2009, с. 160). Население региона рассматривается как одна из важнейших сторон таких взаимодействий наряду с бизнесом, властью и т. д. Поэтому уникальность характеристик региона определяется и реакцией населения на вызовы среды. Не случайно механизмы социально-экономической адаптации российскими учеными анализируются во взаимосвязи с социальным самочувствием населения (Козырева, Смирнов, 2022; Смирнов, 2020; Смолева, 2019; Шлыкова, 2017), его здоровьем (Смолева, 2020; Зинченко, Терентьев, 2022), а также спецификой проявления различных локальных и глобальных социально-экономических институтов, которые накладывают отпечаток на выбор адаптационной модели (Каравай, 2019), определяют подходы к ее оценке (Козлова, Макарова, 2020; Сятчихин, 2021) и условия институционализации механизмов адаптации (Кремлев, Орлов, 2022; Трушкова, 2022). В конечном итоге все это отражается и на формировании человеческого капитала региона, и на реализации человеческого потенциала в экономической сфере как индикаторов адаптации.

По этой причине по-прежнему актуальны исследования, касающиеся взаимосвязи экономического роста и человеческого развития, в первую очередь через показатели здравоохранения и образования. Так, в одной из работ представлены результаты оценки влияния человеческого капитала на

экономический рост в странах Африки к югу от Сахары (Ogundari, Awokuse, 2018). В исследовании применялась динамическая модель, основанная на системном обобщенном методе моментов (GMM), и были проанализированы сбалансированные панельные данные, охватывающие 35 стран за период 1980–2008 гг. Эмпирические результаты этой работы свидетельствуют, что два важнейших показателя человеческого капитала – образование и здравоохранение – положительно влияют на экономический рост, но вклад здравоохранения относительно больше, чем образования.

Е.М. Турганбаев, анализируя через показатели развития образования и здравоохранения влияние человеческого капитала на экономический рост регионов Казахстана за период 1994–2019 гг., установил, что человеческий капитал оказывает существенное косвенное влияние на темпы роста совокупной факторной производительности через способность имитировать и внедрять новые технологии извне (Turganbayev, 2023).

Одновременно, несмотря на преобладание в научном сообществе мнения о том, что ни образование, ни здравоохранение не являются идеальной заменой друг другу в качестве показателя человеческого капитала и их следует рассматривать вместе, встречается их отдельный анализ. Например, в монографии Д. Вейла анализируются связи здоровья и экономического роста (Weil, 2014). В другом исследовании установлено, что значительный положительный эффект школьного образования для экономического роста может быть реализован только после того, как экономика преодолет пороговый уровень развития. Поэтому эмпирические исследования часто показывают, что средняя продолжительность обучения в школе никак не связана с экономическим ростом (Ahsana, Naqee, 2017).

Изучается также взаимовлияние экономического роста и человеческого развития. Например, на межстрановых регрессиях были оценены оба вектора, которые показали существенную взаимосвязь, хотя и на разных факторах (Ranis et al., 2000). Выявлена

особая значимость государственных расходов на здравоохранение и образование, прежде всего на женщин, в цепочке от экономического роста до человеческого развития, а уровень инвестиций и распределение доходов показали значимость в цепочке от человеческого развития до экономического роста.

Однако не только расходы на образование и здравоохранение выступают индикаторами человеческого развития. Для этих целей в сравнительных исследованиях различного уровня на протяжении последних лет активно используется ИЧР. Сегодня часто можно встретить его дополненные варианты. К примеру, одна из модификаций учитывает общий уровень развития страны (Noorbakhsh, 1998), другая – поправку на богатство (Resce, 2021). Е.В. Рюминой предложен экологически скорректированный ИЧР (Рюмина, 2020). Кроме того, появились построенные на основе ИЧР альтернативы, например индекс ограничений человеческого развития, включающий противоположные индикаторы – неграмотность, смертность, безработицу (Caleiro, 2022).

В эконометрическом анализе ИЧР, как правило, выступает объясняемой переменной, воздействие на которую оценивают со стороны различных факторов. Например, в одной из работ представлены результаты оценки влияния качества управления на смягчение воздействия расходов на здравоохранение на развитие человеческого потенциала (Banik et al., 2022). При этом человеческий потенциал измеряется через ИЧР (зависимая переменная), а расходы на здравоохранение выступают в качестве основной объясняющей переменной. Авторы используют двухэтапный метод оценки с поправкой на конечную выборку, системно-обобщенный метод моментов (sys-GMM) на панельном наборе данных из 161 страны за период с 2005 по 2019 год. Дополнительно страны были сгруппированы на основе уровня дохода и географического положения. Применяя анализ основных компонентов, авторы предложили новый показатель «надлежащего управления», отражающий, по их мнению, шесть аспектов управления: право голоса и подотчетность,

политическую стабильность и отсутствие терроризма, эффективность управления, качество регулирования, нормы права, борьба с коррупцией. В итоге эмпирическим путем было выявлено, что одного лишь увеличения объема медицинской поддержки недостаточно для улучшения человеческого развития. Например, политическая стабильность оказывает наибольшее положительное влияние на расходы на здравоохранение, что помогает повысить благосостояние людей.

Пандемия COVID-19 также повлияла на исследования в сфере оценки ИЧР. Так, в исследовании на базе 130 стран с населением более миллиона жителей была оценена корреляция между совокупной долей полностью COVID-19 вакцинированного населения и ИЧР (Fatemeh et al., 2022). Набор данных содержал информацию о совокупном количестве полностью вакцинированного населения, доходе, регионе, ИЧР, ожидаемой продолжительности жизни при рождении, числе средних лет обучения в школе и ВНД на душу населения. Были рассчитаны различные коэффициенты корреляции между совокупной численностью полностью вакцинированного населения и ИЧР, стратифицированным по доходу страны.

Однако ИЧР используется не только в межстрановом анализе. В последнее время индекс все чаще применяется в региональных исследованиях. Например, в статье С. Фемба представлена оценка связи между географическим положением и уровнем человеческого развития в Камеруне (Femba, 2022). Применяются методы анализа пространственных данных по региональным ИЧР в Камеруне за период с 2001 по 2014 год. Тест Морана подтвердил наличие положительной и значимой глобальной пространственной автокорреляции региональных индексов человеческого развития, что говорит о том, что значения регионального ИЧР в Камеруне распределены не случайным образом и существует пространственная кластеризация регионов с аналогичными уровнями ИЧР. Пространственная зависимость регионального ИЧР предполагает сотрудничество и синергию действий регионов Камеруна в

рамках их компетенций, вытекающих из децентрализации, с целью использования преимуществ пространственного распространения эффектов человеческого развития.

В другом исследовании представлены результаты оценки влияния уровня бедности, экономического роста, расходов на образование, здравоохранение и капитальных затрат на ИЧР в районах и городах Восточной Индонезии в период 2015–2018 гг. (Fadela et al., 2022). На основе множественной линейной регрессии установлено, что на ИЧР экономический рост и капитальные затраты не оказывают никакого влияния, уровень бедности оказывает значительное негативное влияние, расходы на здравоохранение – негативное, а расходы на образование – положительное. В перспективе авторы предполагают добавить в модель новые переменные, например уровень безработицы, минимальную заработную плату и региональный доход, а также расширить временной интервал.

Российские исследователи Р.Ю. Скоков и А.Ф. Рогачев применяли ИЧР для выявления его взаимосвязи с потреблением алкоголя (Скоков, Рогачев, 2022). Основываясь на статистических сопоставлениях, авторы установили, что в период 2000–2017 гг. в 77 российских регионах снижалась доля расходов на алкоголь в расходах на конечное потребление домохозяйств на фоне роста ИЧР.

С.Г. Шульгин и Ю.В. Зинькина, опираясь на результаты расчетов индекса человеческого развития и индикатора человеческой жизни (последний определяется по предлагаемой ими методике и учитывает неравенство в продолжительности жизни), проводят сравнительную оценку уровня человеческого развития для федеральных округов РФ (Шульгин, Зинькина, 2021).

В целом проведенный анализ показал, что ИЧР вполне правомерно применять в качестве индикатора уровня адаптации населения. Однако эмпирические исследования на российской региональной выборке практически отсутствуют. Кроме того, недостаточно изучены факторы, отражающие образ

и условия жизни населения, которые могут влиять на ИЧР. Эти два момента определили постановку цели нашего эмпирического исследования и его новизну.

Постановка цели исследования, информационная база и методы

Объясняемой переменной в нашем исследовании выступает региональный ИЧР, значения которого за период 2013–2019 гг. были рассчитаны Аналитическим центром при Правительстве России по адаптированной методике⁵. Согласно этой методике ИЧР представляет собой среднее геометрическое трех компонентов: индекса долголетия (ожидаемая продолжительность жизни в регионе при рождении), индекса образования (доля грамотного населения и доля обучающихся в общем числе людей в возрасте от 7 до 24 лет) и индекса дохода (ВРП на душу населения по ППС). Кроме того, дополнительно была сделана корректировка ВРП каждого субъекта РФ на нераспределяемую часть ВВП страны, на разницу в ценах между регионами (внутристрановой паритет покупательной способности), а также проведен расчет охвата населения образованием как доли учащихся учебных заведений всех уровней (школ, начальных, средних и высших профессиональных учебных заведений) в численности населения в возрасте 7–24 лет.

С опорой на результаты различных исследований, содержание ИЧР, а также с учетом доступности статистических данных в качестве переменных, отражающих образ жизни, нами были выбраны расходы домохозяйств на отдых и культурные мероприятия, а также использование интернета. Следует отметить, что пользование интернетом в последние годы активно включается в различные модели, но, как правило, в качестве характеристики внешней среды. Однако, по нашему мнению, интернет настолько плотно вошел в жизнь современного человека, что пользование им уже можно считать характеристикой образа жизни. Второй предлагаемый показатель – расходы на отдых и

⁵ Индекс человеческого развития в России: региональные различия. Аналитическая записка. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/_2021_long.pdf (дата обращения 31.01.2023).

культуру – пока не встречается в исследованиях. При этом, на наш взгляд, возможность и готовность расходовать средства на отдых напрямую связана не столько с уровнем доходов, сколько с социальным самочувствием и может свидетельствовать об уровне адаптации населения.

Переменные, характеризующие образ жизни, по нашему мнению, могут быть двух типов. Первый тип отражает частные условия проживания через показатель размера жилой площади на одного проживающего, недостаток которого негативно влияет на социальное самочувствие и может снижать как социальное самочувствие, так и способность к адаптации.

Второй тип переменных подобран с учетом характеристики внутрирегиональных условий. В данном исследовании мы остановились на регрессорах, отражающих общий негативный фон в регионах: уровень преступности, неравенства и самоубийств. Эти переменные довольно часто используются в эмпирических исследованиях как по отдель-

ности, например при оценке влияния стадий экономического цикла на суициды (Mattei et al., 2017), так и одновременно, в качестве контрольных (Дорошенко, Санаева, 2021). Самоубийства представляют собой крайнее проявление дезадаптации, и повышение их уровня должно настораживать власти, поскольку отражает рост напряженности в регионе. Не случайно этот показатель включен в перечень индикаторов устойчивого развития. Число лиц, совершивших преступления, включено в модель как объясняющая переменная уровня преступности. Самоубийства, индекс Джини, а также расходы на алкоголь и табак использованы в качестве контрольных переменных, рост которых снижает ИЧР. Следует отметить, что потребление алкоголя и табака достаточно часто встречается в аналитических работах и в качестве зависимых переменных, и в качестве регрессоров по широкому спектру проблем (Moodle et al., 2020; Berg et al., 2020; Lesch, McCambridge, 2021).

Подробное описание всех переменных модели представлено в *табл. 1*.

Таблица 1. Описание переменных модели

Переменная	Описание	Единица измерения	Источник данных
Зависимая переменная			
IND	Индекс человеческого развития	усл. ед.	Расчеты аналитического центра
Объясняющие переменные			
recreationculture	Доля расходов на организацию отдыха и культурных мероприятий в потребительских расходах на одного члена домохозяйства в месяц	%	Росстат
internetaccess	Доля домохозяйств, использующих выход в интернет, в общем количестве домохозяйств	%	Росстат
sizedwelling	Размер общей площади жилища в среднем на одного проживающего	кв. м	Росстат
personprop	Доля выявленных лиц, совершивших преступления, в общей численности населения региона	%	Расчеты автора по данным портала правовой статистики Генпрокуратуры РФ
Контрольные переменные			
alcoholictobacco	Доля расходов на алкогольные напитки и табачные изделия в потребительских расходах на одного члена домашнего хозяйства в месяц	%	Росстат
suicide	Число умерших от самоубийств в расчете на 100000 чел. населения за год	чел.	ЕМИСС
giniindex	Индекс Джини	усл. ед.	Росстат
Источник: Составлено автором.			

На основе обзора более ранних исследований и выбранных переменных выдвинуты две гипотезы.

H1: рост уровня преступности понижает ИЧР в регионе;

H2: увеличение расходов домохозяйств на отдых и культуру, возможности доступа в интернет, а также индивидуального размера жилплощади повышает ИЧР.

Основным методом исследования является множественный регрессионный анализ на панельных данных. Период анализа – 2013–2019 гг. В выборку вошли данные по 83 субъектам Российской Федерации. Республика Крым, г. Севастополь и новые регионы не включены из-за недостаточности данных.

На рис. 1 и 2 представлены графические зависимости в восьми субъектах РФ с наибольшим ИЧР и восьми регионах с наименьшим ИЧР в 2019 году.

Предварительный графический анализ показал, что сильной корреляции между расходами на табак и алкоголь, а также на отдых

и культуру, особенно в регионах-лидерах, не наблюдается.

В целом из графиков на рис. 1 и 2 очевидно, что уровень преступности заметно выше в регионах – аутсайдерах рейтинга ИЧР. В них же выше уровень расходов домохозяйств на алкоголь и табачные изделия, а доля расходов на отдых и культуру заметно ниже, чем в регионах-лидерах. При этом в регионах-лидерах доля этих расходов более вариативна по своим значениям – колеблется от 14 до 6%, а в регионах-аутсайдерах – от 6 до 3%. Любопытно, что в большинстве указанных регионов уровень расходов на отдых выше, чем на алкоголь и табак, особенно разница заметна в регионах-лидерах. Но в Еврейской автономной области ситуация отличается. Там уровень расходов на алкоголь выше, чем на отдых и культуру. Близки значения этих показателей и в Ямало-Ненецком автономном округе. Таким образом, считаем, что влияние выбранных факторов на ИЧР будет весьма заметно в регионах.

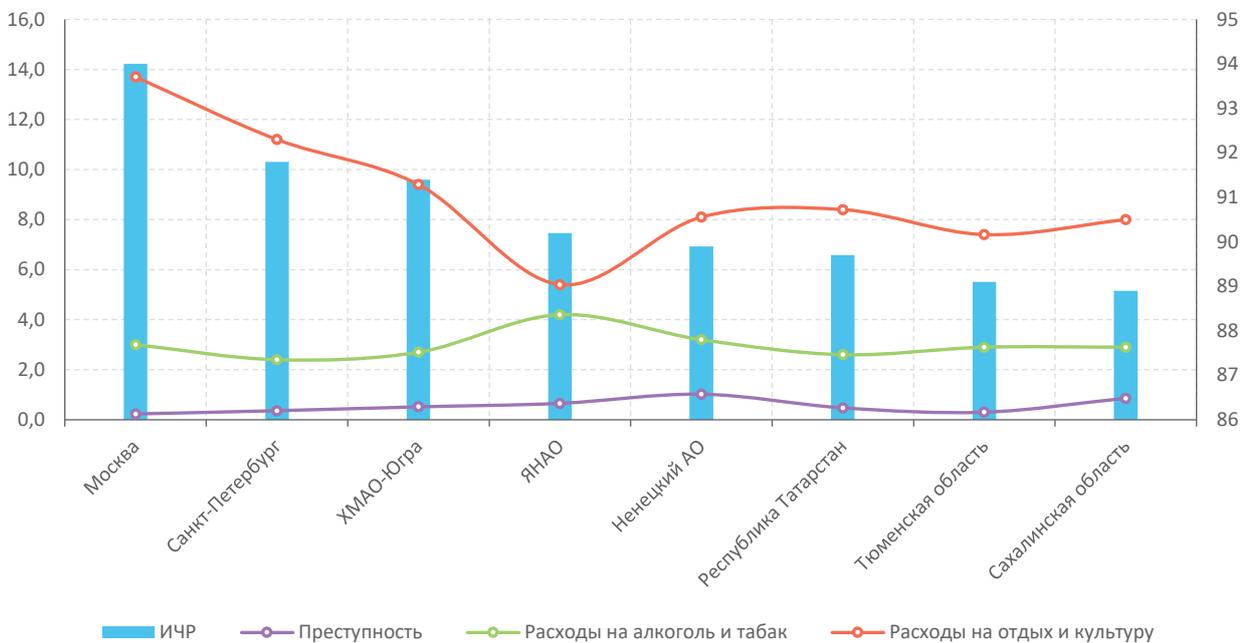

Рис. 1. Уровень преступности и доля расходов домохозяйств в российских регионах – лидерах рейтинга ИЧР в 2019 году, %

Источники: Структура расходов домохозяйств. Приложение по субъектам РФ. 2019.

URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13271> (дата обращения 31.05.2023);

Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения 15.06.2023);

Индекс человеческого развития в России: региональные различия. Аналитическая записка.

URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/_2021_long.pdf (дата обращения 31.05.2023).

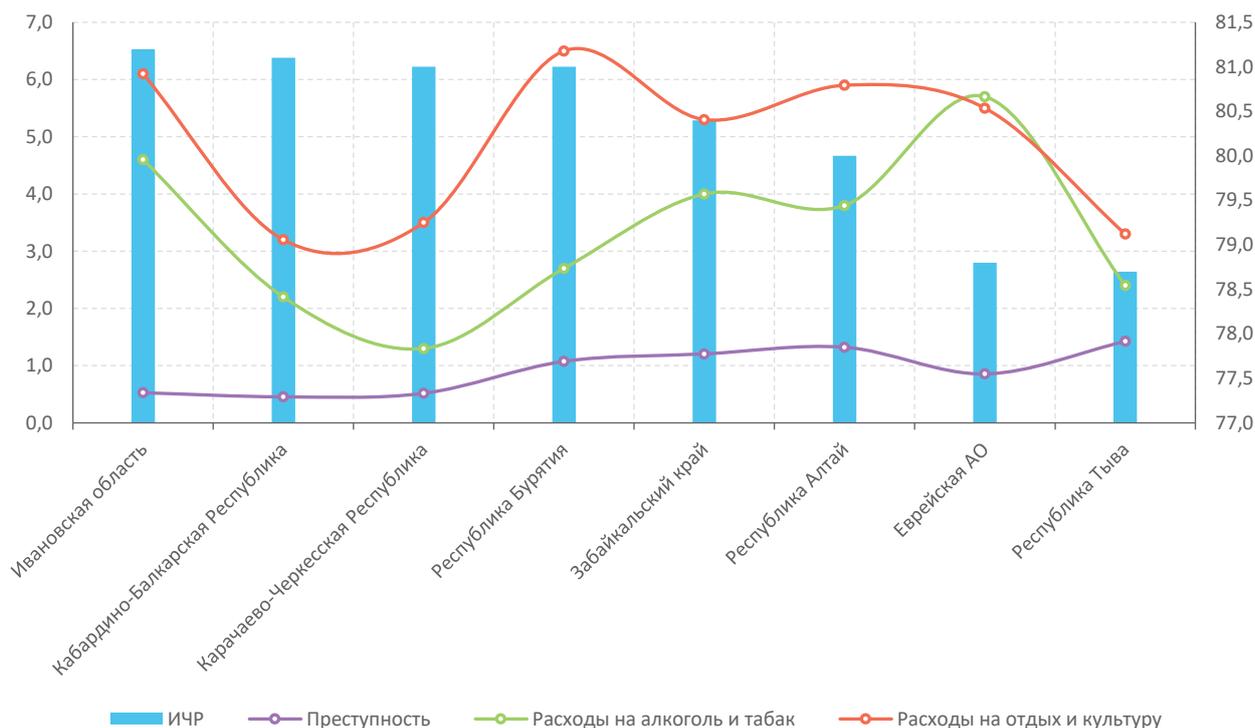

Рис. 2. Уровень преступности и доля расходов домохозяйств в российских регионах – аутсайдерах рейтинга ИЧР в 2019 году, %

Источники: Структура расходов домохозяйств. Приложение по субъектам РФ – 2019 год.

URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13271> (дата обращения 31.05.2023);

Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения 15.06.2023);

Индекс человеческого развития в России: региональные различия. Аналитическая записка.

URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/_2021_long.pdf (дата обращения 31.05.2023).

Таблица 2. Описательная статистика переменных модели

Переменная	Среднее	Медиана	Ст. откл.	Мин.	Макс.
IHD	83,1	82,8	3,07	73,4	94,0
personpop	0,745	0,696	0,272	0,183	1,58
alcoholictobacco	2,92	2,90	0,900	0,000	6,00
recreationculture	6,00	5,80	1,92	0,500	15,2
sizedwelling	22,4	22,0	2,28	15,0	30,2
internetaccess	75,9	76,9	10,5	2,00	99,1
suicide	18,5	16,7	12,0	0,150	65,9
giniindex	38,1	38,0	2,44	32,6	48,1

Составлено по: расчеты в статистическом пакете Stata.

В табл. 2 представлена описательная статистика переменных модели, включая среднее, медиану, стандартное отклонение, минимальное и максимальное значение.

Следует заметить, что в моделях для улучшения интерпретации значений коэффициентов индексные переменные (индекс Джини и ИЧР), измеряемые от 0 до 1, были

умножены на 100. Из табл. 2 видно, что средние и медианы достаточно близки по своим значениям практически у всех переменных, за исключением *suicide* и *internetaccess*, что свидетельствует о некотором смещении вправо и влево соответственно. У этих же переменных заметно выше стандартные отклонения, что говорит о более широком

Таблица 3. Корреляционный анализ переменных

Переменная	personpop	alcoholictobacco	recreationculture	sizedwelling	internetaccess	suicide	giniindex
personpop	1,000	0,362	-0,004	-0,373	0,034	0,635	-0,055
alcoholictobacco		1,000	0,145	-0,118	0,191	0,310	-0,052
recreationculture			1,000	-0,225	0,294	0,005	0,255
sizedwelling				1,000	-0,026	-0,308	-0,122
internetaccess					1,000	-0,116	0,033
suicide						1,000	0,056
giniindex							1,000

Составлено по: расчеты в статистическом пакете Stata.

Таблица 4. Результаты VIF-теста переменных модели

Переменная	VIF	1/VIF
personpop	1,94	0,51
alcoholictobacco	1,25	0,8
recreationculture	1,25	0,8
sizedwelling	1,26	0,79
internetaccess	1,18	0,85
suicide	1,82	0,55
giniindex	1,10	0,91

Составлено по: расчеты в статистическом пакете Stata.

диапазоне разброса точек значений вокруг среднего, а также наблюдается более высокая вариативность по выборке, исходя из их минимального и максимального значений.

В табл. 3 приведены результаты корреляционного анализа переменных. Все значения коэффициентов корреляции меньше 0,7, что говорит об отсутствии жесткой связи между переменными.

Однако более корректным способом обнаружения мультиколлинеарности считается проведение VIF-теста (табл. 4).

Очевидно, что все значения VIF объясняющих переменных чуть больше 1. Это подтверждает отсутствие мультиколлинеарности в модели.

Результаты модели

Оценивалась сбалансированная модель с 581 наблюдением. Предварительно были рассчитаны три регрессии — сквозная, со случайными эффектами и фиксированными эффектами. Тесты Бройша – Пэгана и Хаусмана подтвердили преимущество модели с фиксированными эффектами над

моделью со случайными эффектами и сквозной регрессией. Модель с фиксированными эффектами была протестирована на гетероскедастичность (modified Wald test) и межпанельную автокорреляцию 1-го порядка (Wooldridge test). Тесты подтвердили наличие обеих проблем. Мы также провели тест Песарана (Pesaran CD test), который показал наличие межпространственной зависимости. По этой причине были использованы стандартные ошибки Дрисколла – Края, устойчивые к гетероскедастичности, автокорреляции и общим формам поперечной зависимости. Дополнительно была оценена FE-модель с лаговой зависимой переменной (L.IHD) с использованием робастных стандартных ошибок, что позволяет отразить зависимость регионального ИЧР от его значений в предшествующем году. Кроме того, мы оценили модель, используя метод квантильной регрессии с фиксированными эффектами, что повышает устойчивость оценок к выбросам, а также позволяет рассмотреть влияние факторов на разных группах регионов в зависимости от значения ИЧР. Окончательные результаты моделей пред-

Таблица 5. Коэффициенты модели с фиксированными эффектами с использованием ошибок Дрисколла – Крэя, FE-модели с лагом и квантильной регрессии

Переменная	FE-модель	FE-модель с лагом	Квантильная регрессия				
			q10	q25	q50	q75	q99
L.IHD	–	0,595*** [0,072]	–	–	–	–	–
recreationculture	0,081*** [0,015]	0,048** [0,023]	0,112** [0,051]	0,099*** [0,038]	0,081*** [0,038]	0,063 [0,034]	0,029 [0,079]
internetaccess	0,047*** [0,015]	0,025** [0,010]	0,057*** [0,013]	0,053*** [0,009]	0,048*** [0,007]	0,042*** [0,010]	0,032 [0,021]
sizedwelling	0,079** [0,033]	0,035 [0,023]	0,069 [0,052]	0,073** [0,038]	0,079*** [0,029]	0,085** [0,039]	0,097 [0,080]
personpop	-3,671*** [0,424]	-1,536** [0,688]	-2,825** [1,006]	-3,195*** [0,725]	-3,668*** [0,560]	-4,174*** [0,769]	-5,081*** [1,558]
alcoholictobacco	0,161** [0,056]	0,014 [0,063]	0,165 [0,119]	0,163** [0,085]	0,161** [0,066]	0,158* [0,091]	0,152 [0,183]
suicide	-0,062*** [0,005]	-0,033** [0,013]	-0,049*** [0,016]	-0,055*** [0,011]	-0,062*** [0,009]	-0,069*** [0,013]	-0,082*** [0,002]
giniindex	-0,279*** [0,032]	-0,171*** [0,037]	-0,305*** [0,054]	-0,294*** [0,039]	-0,279*** [0,030]	-0,265*** [0,042]	-0,238*** [0,083]
cons	91,277 *** [2,312]	39,175*** [6,457]	–	–	–	–	–
within R ²	0,738	0,839	–	–	–	–	–

Примечание: *** p<0,01, ** p<0,05, * p<0,1.
Составлено по: расчеты в статистическом пакете Stata.

ставлены в табл. 5. В квадратных скобках указаны стандартные ошибки.

Из результатов табл. 5 очевидно, что все переменные в первой FE-модели оказались статистически значимы. В FE-модели с первым лагом выявлено влияние на ИЧР его предыдущего значения. Однако включение лаговой переменной тем не менее не изменило знаки коэффициентов, хотя и понизило их значения. Также большинство переменных остались значимы, что в целом подтверждает достаточную устойчивость модели. Оценка модели методом квантильной регрессии с выделением пяти квантилей продемонстрировала значимость переменных, но с вариацией по выделенным группам регионов.

Интерпретация результатов

Результаты оценивания всех моделей позволяют принять нашу первую гипотезу об отрицательном влиянии уровня преступно-

сти на ИЧР. Кроме того, квантильная регрессия показала заметное возрастание влияния преступности *personpop* от кластера q10 – регионов с наименьшим ИЧР к кластеру q99 – регионов с наибольшим ИЧР, где значение коэффициента достигает 5,08. Аналогичная ситуация наблюдается и с контрольной переменной уровня самоубийств *suicide*, которая также значима во всех моделях, снижает ИЧР, а ее коэффициент в квантильной регрессии возрастает к группе q99. Таким образом, регионы – лидеры ИЧР, имеющие более низкий уровень преступности (см. рис. 1), оказываются более чувствительными к росту доли лиц, совершивших преступления, а также к суицидам, то есть острее реагируют на повышение общего негативного фона внутрирегиональной среды. В таком ракурсе очевидно, что достигнутая адаптация, учитывая, что высокий ИЧР соответствует ее более высокому уровню, не означает столь же высокую способность ее сохранения в случае негативного изменения внешней среды.

Еще одна контрольная переменная *giniindex*, отражающая уровень неравенства, также значима во всех моделях и отрицательно влияет на ИЧР, однако наибольшее влияние оказывает в кластере q10 – регионах-аутсайдерах по сравнению с q99. Третья контрольная переменная *alcoholictobacco*, доля расходов домохозяйств на алкоголь и табак, не оказывает отрицательного влияния на ИЧР. Кроме того, она оказалась незначима в FE- модели с лагом, а также в q10 и q99 в квантильной регрессии. Предиктор оказывает прямое влияние на ИЧР в группах q25, q50, q75, а также в первой FE-модели. Такой результат требует дополнительных исследований.

Вторая выдвинутая гипотеза о повышающем влиянии на ИЧР доли расходов домохозяйств на отдых и культуру, доступа к интернету и размера жилплощади на одного человека также может быть принята.

Переменная *recreationculture* положительно значима во всех FE-моделях, а также в первых трех группах квантильной регрессии. При этом наибольшая чувствительность к изменениям доли расходов домохозяйств на отдых и культурные мероприятия характерна для q10 (регионов – аутсайдеров по ИЧР). Схожая ситуация наблюдается и для регрессора *internetaccess*, который незначим только для регионов q99. Другими словами, образ жизни, выражаемый в нашем исследовании через расходы на отдых и пользование интернетом, оказывает прямое воздействие на уровень адаптации. При этом население регионов с более низким ИЧР может заметнее реагировать на увеличение доступа к интернету, а также доли расходов домохозяйств на отдых и культурные мероприятия по сравнению с регионами-лидерами.

Переменная *sizedwelling* значима в первой FE-модели и оказывает прямое воз-

действие на ИЧР. В FE-модели с лагом эта переменная незначима. Также она значима в квантильной регрессии для трех групп регионов: q25, q50, q75. При этом наибольшее воздействие размер жилплощади, приходящийся на одного человека, оказывает в более высоких квантилях. Очевидно, что увеличение «жизненного пространства» положительно влияет на уровень адаптации населения, повышая комфортность условий жизни, что более существенно для регионов с более высокими значениями ИЧР.

Заключение

В целом подтверждены предположения о влиянии образа и условий жизни на индекс человеческого развития, который мы приняли как отражение совокупного уровня адаптации населения региона. Применяв три различных подхода к оценке, мы получили достаточно устойчивые результаты. Расходы домохозяйств на отдых, культурные мероприятия и использование интернета учитывались в качестве переменных, отражающих образ жизни, а уровень преступности и размер жилплощади на человека – как переменные, характеризующие условия проживания. Они показали значимость в большинстве моделей. При этом регионы с более высоким ИЧР чувствительнее к изменению условий жизни, то есть внешней по отношению к населению среды, а регионы с меньшими значениями ИЧР – к изменению образа жизни. Полученные результаты могут быть учтены при разработке мероприятий социально-экономической политики в регионах, относящихся к различным группам рейтинга ИЧР. В дальнейших исследованиях планируется расширить временной интервал значений регионального ИЧР, а также включить в модель новые переменные.

ЛИТЕРАТУРА

- Гончарова К.С. (2022). Институциональные механизмы адаптации населения в контексте интеграции современных подходов // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. № 5. С. 98–125. DOI:10.24412/2071-6435-2022-5-98-125
- Дорошенко С.В. (2009). Механизмы адаптации региональной социально-экономической системы в условиях кризиса // Экономика региона. № 3 (19). С. 159–166.

- Дорошенко С.В., Санаева О.В. (2021). Оценка влияния долговой нагрузки на число самоубийств в регионах России // *Пространственная экономика*. Т. 17. № 4. С. 97–117. DOI: 10.14530/se.2021.4.097-117
- Зинченко Ю.В., Терентьев Н.Е. (2022). Риски климатических изменений здоровью и адаптация населения: обзор мирового опыта и уроки для России // *Проблемы прогнозирования*. № 6 (195). С. 131–144. DOI: 10.47711/0868-6351-195-131-144
- Каравай А.В. (2019). Основные модели социально-экономической адаптации в разных стратах российского общества // *Terra Economicus*. № 17 (3). С. 128–145. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145
- Козлова О.А., Макарова М.Н. (2020). Оценка адаптации населения к изменениям условий жизнедеятельности с позиции конвергенции региональных систем расселения // *Экономика региона*. Т. 16. Вып. 1. С. 84–96. DOI: 10.17059/2020-1-7
- Козырева П.М., Смирнов А.И. (2022). Эволюция социального самочувствия россиян в постсоветский период: от коллапсирования к контрастной стабильности (1994–2021) // *Социологические исследования*. № 12. С. 29–41. DOI: 10.31857/S013216250021523-8
- Кремлев Н.Д., Орлов С.Н. (2022). Адаптация населения приграничной территории к современным вызовам // *Вестник Томского гос. ун-та. Экономика*. № 60. С. 115–129. DOI: 10.17223/19988648/60/7
- Рюмина Е.В. (2020). Экологически скорректированный индекс человеческого развития // *Народонаселение*. Т. 23. № 1. С. 4–12. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.1
- Скоков Р.Ю., Рогачев А.Ф. (2022). Человеческое развитие и потребление алкоголя: состояние и взаимосвязь в российских регионах // *Регионоведение*. Т. 30. № 2. С. 342–358. DOI: 10.15507/2413-1407.119.030.202202.342-358
- Смирнов В.А. (2020). Факторы социального самочувствия жителей российской провинции // *Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология*. № 26 (3). С. 24–42. DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-24-42
- Смолева Е.О. (2019). Критерии и ресурсы социальной адаптации населения России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 12. № 2. С. 179–195. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.11
- Смолева Е.О. (2020). Социальная адаптация, социальный капитал и здоровье населения Вологодской области // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 4. С. 136–161. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.983
- Сятчихин С.В. (2021). Обзор методик оценки адаптации населения региона в условиях перехода к динамичному развитию // *Управленческий учет*. № 6. С. 738–750. DOI: 10.25806/uu6-32021738-750
- Трушкова Е.А. (2022). Условия институционализации механизмов адаптации населения в динамично меняющейся среде // *Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского гос. ун-та*. Т. 2. № 4. С. 465–474. DOI: 10.34130/2070-4992-2022-2-4-465
- Шлыкова Е.В. (2017). Профиль «адаптационного социального самочувствия» населения в условиях навязываемого риска // *Известия ТулГУ. Гуманитарные науки*. Вып. 1. С. 114–126.
- Шульгин С.Г., Зинькина Ю.В. (2021). Оценка человеческого капитала в макрорегионах России // *Экономика региона*. Т. 17. Вып. 3. С. 888–901. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-3-12
- Ahsana H., Haque M.E. (2017). Threshold effects of human capital: Schooling and economic growth. *Economics Letters*, 156, 48–52. DOI: 10.1016/j.econlet.2017.04.014
- Banik B., Roy Ch., Hossain R. (2022). Healthcare expenditure, good governance and human development. *Economia*, 24 (3-4), 1–23. DOI: 10.1108/ECON-06-2022-0072
- Berg N., Virtanen P., Bean Ch.G. [et al.] (2020). The relevance of macroeconomic conditions on concurrent and subsequent alcohol use – results from two Northern Swedish cohorts. *Addiction Research & Theory*, 28 (6), 501–509. DOI: 10.1080/16066359.2019.1708903

- Caleiro A. (2022). Data on human development constraints. *License*, 6, 1–5. DOI: 10.13140/RG.2.2.34605.97769
- Fadela P., Saring S., Pigo N. (2022). Analysis of factors affecting the level of the human development index. *Asian Journal of Economics and Business Management*, 1 (3), 218–228. DOI: 10.53402/ajebm.v1i3.229
- Fatemeh R., Mohebat V., Dagfinn A. (2022). Correlation between COVID-19 vaccination coverage and human development index. *License*, 12, 1–15. DOI: 10.21203/rs.3.rs-2365370/v1
- Femba S.D. (2022). Exploratory analysis of regional disparities in human development in Cameroon. *Journal of Economics, Finance and Management Studies*, 5 (10), 3002–3010. DOI: 10.47191/jefms/v5-i10-21
- Lesch M., McCambridge J. (2021). Reconceptualising the study of alcohol policy decision-making: the contribution of political science. *Addiction Research & Theory*, 29 (5), 427–435. DOI: 10.1080/16066359.2020.1773445
- Mattei G., De Vogli, R., Ferrari S. [et al.] (2017). Impact of the economic crisis on health-related behaviors in Italy. *International Journal of Social Psychiatry*, 63 (7), 649–656. DOI: 10.1177/0020764017726097
- Moodie C., O'Donnell R., Fleming J. [et al.] (2020). Extending health messaging to the consumption experience: A focus group study exploring smokers' perceptions of health warnings on cigarettes. *Addiction Research & Theory*, 28 (4), 328–334. DOI: 10.1080/16066359.2019.1653861
- Noorbakhsh F. (1998). A modified human development index. *World Development*, 26, 517–528. DOI: 10.1016/S0305-750X(97)10063-8
- Ogundari K., Awokuse T. (2018). Human capital contribution to economic growth in Sub-Saharan Africa: Does health status matter more than education? *Economic Analysis and Policy*, 58, 131–140. DOI: 10.1016/j.eap.2018.02.001
- Ranis G., Stewart F., Ramirez A. (2000). Economic growth and human development. *World Development*, 28 (2), 197–219. DOI: 10.1016/S0305-750X(99)00131-X
- Resce G. (2021). Wealth-adjusted Human Development Index. *Journal of Cleaner Production*, 318, 128587. DOI: 10.1016/j.jclepro.2021.128587
- Turganbayev Y.M. (2023). The effect of human capital on economic growth: Evidence from Kazakh Regions. *Ekonomika Regiona / Economy of Regions*, 19 (2), 385–396. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-2-71
- Weil D.N. (2014). *Health and Economic Growth. Handbook of Economic Growth*, 3 (2), 623–682. DOI: 10.1016/B978-0-444-53540-5.00003-3

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Светлана Викторовна Дорошенко – доктор экономических наук, доцент, заведующий сектором, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: doroshenkos@mail.ru)

Doroshenko S.V.

DEVELOPMENT INDEX AS AN ADAPTATION INDICATOR: RELATIONSHIP TO THE LIFESTYLE AND LIVING CONDITIONS

Modern studies of economic and social adaptation of the population of the regions are actualized by the sustainable development agenda, as well as the national development goals of Russia until 2030, aimed at improving the quality of life including education, health, and income level. These indicators form the basis of the Human Development Index (HDI), which together allow considering it as a reflection of adaptation level. The aim of the research is to assess the impact of individual factors of lifestyle and living conditions on the HDI in the context of Russian regions. Household expenditures on recreation and culture, as well as Internet use, are included as lifestyle variables.

Living conditions are represented by crime rate and living space per person. We proposed two hypotheses: 1) an increase in crime rate lowers the HDI in a region; 2) an increase in household spending on recreation and culture, internet access opportunities, and individual housing size raises the HDI. Control variables are also included in the model. We performed multiple regression analysis on panel data for 83 RF constitute entities for 2013–2019. We estimated three models: fixed effects model using Driscoll-Cray standard errors, lagged variable model, and quantile regression. We obtained fairly robust statistically significant results, which allowed the hypotheses to be accepted. Evaluation of quantile regression with the allocation of five quantiles showed the significance of variables with variation by groups. At the same time, regions with higher HDI were more sensitive to changes in living conditions, and regions with lower HDI values – to changes in lifestyle. The results obtained can be taken into account in the development of socio-economic policy measures in the regions belonging to different groups of the HDI rating. In the future we are planning to expand the time interval of assessment and include new variables in the model.

Human development index, socio-economic adjustment, econometric estimation, household expenditure, crime, housing, suicide.

REFERENCES

- Ahsana H., Haque M.E. (2017). Threshold effects of human capital: Schooling and economic growth. *Economics Letters*, 156, 48–52. DOI: 10.1016/j.econlet.2017.04.014
- Banik B., Roy Ch., Hossain R. (2022). Healthcare expenditure, good governance and human development. *Economia*, 24(3-4), 1–23. DOI: 10.1108/ECON-06-2022-0072
- Berg N., Virtanen P., Bean Ch.G. et al. (2020). The relevance of macroeconomic conditions on concurrent and subsequent alcohol use – results from two Northern Swedish cohorts. *Addiction Research & Theory*, 28(6), 501–509. DOI: 10.1080/16066359.2019.1708903
- Caleiro A. (2022). Data on human development constraints. *License*, 6, 1–5. DOI: 10.13140/RG.2.2.34605.97769
- Doroshenko S.V. (2009). Mechanisms of adaptation of the regional socio-economic system in crisis conditions. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 3(19), 159–166 (in Russian).
- Doroshenko S.V., Sanaeva O.V. (2021). The impact of debt burden on the number of suicides in the Russian regions. *Prostranstvennaya ekonomika=Spatial Economics*, 17(4), 97–117. DOI: 10.14530/se.2021.4.097-117 (in Russian)
- Fadela P., Saring S., Pigo N. (2022). Analysis of factors affecting the level of the human development index. *Asian Journal of Economics and Business Management*, 1 (3), 218–228. DOI: 10.53402/ajebm.v1i3.229
- Fatemeh R., Mohebat V., Dagfinn A. (2022). Correlation between COVID-19 vaccination coverage and human development index. *License*, 12, 1–15. DOI: 10.21203/rs.3.rs-2365370/v1
- Femba S.D. (2022). Exploratory analysis of regional disparities in human development in Cameroon. *Journal of Economics, Finance and Management Studies*, 5(10), 3002–3010. DOI: 10.47191/jefms/v5-i10-21
- Goncharova K.S. (2022). Institutional mechanisms of population adaptation in the context of integration of modern approaches. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika=ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice*, 5, 98–125. DOI: 10.24412/2071-6435-2022-5-98-125 (in Russian).
- Karavai A.V. (2019). Basic models of socio-economic adaptation in different strata of Russian society. *Terra Economicus*, 17(3), 128–145. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145 (in Russian).
- Kozlova O.A., Makarova M.N. (2020). Assessment of population's adaptation to the changing living conditions in terms of convergence of the regional settlement systems. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 16(1), 84–96. DOI: 10.17059/2020-1-7 (in Russian).
- Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2022). The volution of Russian people's social wellbeing during the Post-Soviet Era: From collapse to contrasting stability (1994–2021). *Sotsiologicheskie issledovaniya=Social Studies*, 12, 29–41. DOI: 10.31857/S013216250021523-8 (in Russian).

- Kremlev N.D., Orlov S.N. (2022). The border area population's adaptation to modern challenges. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Ekonomika=Tomsk State University Journal of Economics*, 60, 115–129. DOI: 10.17223/19988648/60/7 (in Russian).
- Lesch M., McCambridge J. (2021). Reconceptualising the study of alcohol policy decision-making: the contribution of political science. *Addiction Research & Theory*, 29(5), 427–435. DOI: 10.1080/16066359.2020.1773445
- Mattei G., De Vogli, R., Ferrari S. et al. (2017). Impact of the economic crisis on health-related behaviors in Italy. *International Journal of Social Psychiatry*, 63(7), 649–656. DOI: 10.1177/0020764017726097
- Moodie C., O'Donnell R., Fleming J. et al. (2020). Extending health messaging to the consumption experience: A focus group study exploring smokers' perceptions of health warnings on cigarettes. *Addiction Research & Theory*, 28(4), 328–334. DOI: 10.1080/16066359.2019.1653861
- Noorbakhsh F. (1998). A modified human development index. *World Development*, 26, 517–528. DOI: 10.1016/S0305-750X(97)10063-8
- Ogundari K., Awokuse T. (2018). Human capital contribution to economic growth in Sub-Saharan Africa: Does health status matter more than education? *Economic Analysis and Policy*, 58, 131–140. DOI: 10.1016/j.eap.2018.02.001
- Ranis G., Stewart F., Ramirez A. (2000). Economic growth and human development. *World Development*, 28(2), 197–219. DOI: 10.1016/S0305-750X(99)00131-X
- Resce G. (2021). Wealth-adjusted Human Development Index. *Journal of Cleaner Production*, 318, 128587. DOI: 10.1016/j.jclepro.2021.128587
- Ryumina E.V. (2020). Ecologically adjusted human development index. *Narodonaselenie=Population*, 23(1), 4–12. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.1 (in Russian).
- Shlykova E.V. (2017). Profile of “adaptation social well-being” of the population under conditions of imposed risk. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki*, 1, 114–126 (in Russian).
- Shul'gin S.G., Zin'kina Yu.V. (2021). Human capital assessment in Russia's macro-regions. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 17(3), 888–901. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-3-12 (in Russian).
- Skokov R.Yu., Rogachev A.F. (2022). Human development and alcohol consumption: State and relationship in Russian regions. *Regionologiya=Regionology*, 30(2), 342–358. DOI: 10.15507/2413-1407.119.030.202202.342-358 (in Russian).
- Smirnov V.A. (2020). Factors of public well-being of residents of the Russian province. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya=Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 26(3), 24–42. DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-24-42 (in Russian).
- Smoleva E.O. (2019). Criteria and resources for social adaptation of Russia's population. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 12(2), 179–195. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.11 (in Russian).
- Smoleva E.O. (2020). Social adaptation, social capital and population health in the Vologda region. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 4, 136–161. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.983 (in Russian).
- Syatchikhin S.V. (2021). Review of methodologies for assessing the adaptation of the region's population in the transition to dynamic development. *Upravlencheskii uchet=Management Accounting*, 6, 738–750. DOI: 10.25806/uu6-32021738-750 (in Russian).
- Trushkova E.A. (2022). Conditions for the institutionalization of adaptation mechanisms population in a dynamically changing environment. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkarskogo gos. un-ta=Corporate Governance and Innovative Economic Development of the North. Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University*, 2(4), 465–474. DOI: 10.34130/2070-4992-2022-2-4-465 (in Russian).

- Turganbayev Y.M. (2023). The effect of human capital on economic growth: Evidence from Kazakh Regions. *Ekonomika Regiona=Economy of Region*, 19(2), 385–396. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-2-71
- Weil D.N. (2014). Health and economic growth. *Handbook of Economic Growth*, 3(2), 623–682. DOI: 10.1016/B978-0-444-53540-5.00003-3
- Zinchenko Yu.V., Terent'ev N.E. (2022). Risks of climate change health and adaptation of the population: A review of world experience and lessons for Russia. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 6(195), 131–144. DOI: 10.47711/0868-6351-195-131-144 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Doroshenko – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, head of department, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: doroshenkos@mail.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.10

УДК 365.2 | ББК 60.7

© Нацун Л.Н.

ОЦЕНКА ПОТРЕБНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ В УЛУЧШЕНИИ ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ

НАЦУН ЛЕЙЛА НАТИГОВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: leyla.natsun@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9829-8866; ResearcherID: I-8415-2016

Обеспеченность жильем выступает одним из ключевых условий благополучия семей с детьми, реализации их репродуктивных планов. Несмотря на то, что эта проблема находится в центре внимания государства, она не теряет остроты ввиду роста цен на жилье и сохраняющегося невысокого уровня доходов большинства домохозяйств с детьми. В мировой практике сложились два основных подхода к ее решению: через стимулирование приобретения жилья в собственность домохозяйств и через развитие системы социальной аренды жилья. Российская государственная политика включает оба эти направления, развитие которых шло неравномерно, а результативность требует тщательной оценки, в том числе с точки зрения удовлетворения потребностей домохозяйств в улучшении жилищных условий. В статье на материалах статистики и выборочного наблюдения условий жизни населения, проведенного Федеральной службой государственной статистики в 2022 году, показано, что в России в целом и в Вологодской области в 2010–2020 гг. наблюдался постепенный прирост доли семей, имеющих возможность приобрести жилье, соответствующее стандартам обеспечения жилыми помещениями, с помощью собственных и заемных средств. Однако для большинства домохозяйств с детьми в Вологодской области низкий уровень дохода становится непреодолимым препятствием для приобретения собственного жилья. Такие инструменты, как льготное ипотечное кредитование и материнский капитал, оказывают значимую поддержку в основном многодетным семьям и семьям с детьми в возрасте до 3 лет. Существенная и продолжительная по времени долговая нагрузка, связанная с выплатой ипотечного кредита, значительно снижает уровень

Для цитирования: Нацун Л.Н. (2023). Оценка потребности и возможностей семей с детьми в улучшении жилищных условий // Проблемы развития территории. Т. 27. № 5. С. 150–167. DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.10

For citation: Natsun L.N. (2023). Assessing the needs and opportunities of families with children in improving housing conditions. *Problems of Territory's Development*, 27 (5), 150–167. DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.10

жизни домохозяйств с детьми. В целом, учитывая накопленный мировой опыт, а также наблюдаемые несоответствия между платежеспособным спросом на жилье и его предложением на региональном рынке, целесообразно приложить усилия для развития системы социальной аренды жилья.

Жилищные условия семей с детьми, потребность семей в жилье, возможности улучшения жилищных условий, жилищная политика, Вологодская область.

Введение

Обеспеченность жильем выступает ключевым показателем качества и уровня жизни населения. В исследованиях зарубежных авторов вопросы обеспеченности населения жильем рассматриваются в контексте обсуждения эффективности государственной социальной политики, проблем территориального неравенства жизненных условий домохозяйств, бедности семей, в том числе обусловленной высоким бременем расходов на арендные выплаты за жилье.

Величину арендной платы предлагается учитывать при оценке уровня жизни домохозяйств, поскольку это определяет значительные и статистически значимые изменения в показателях бедности и неравенства по отношению к случаю отсутствия арендной платы (Seriani et al., 2023). На примере обследования положения американских домохозяйств, возглавляемых женщинами, было обосновано, что домохозяйства в сельской местности тратили на аренду жилья меньшую долю своего дохода, чем в городах, однако для половины из них эти расходы были обременительными. В наиболее сложном положении при этом оказывались матери-одиночки (Odeyemi, Skobba, 2022).

Качество решения жилищных проблем наиболее уязвимых групп населения во многом зависит от выбранной государством модели реализации жилищной политики. Сравнение английской и норвежской моделей показало (Nordahl, 2014), что первая (инклюзивная модель политики) ориентирована в большей степени на поддержку предложения недорогого арендного жилья для населения, тогда как вторая (либеральная) – на достижение максимальной численности

собственников жилья и в меньшей степени – на развитие социальной аренды жилья. Как отмечает автор исследования, инклюзивная модель обладает гибкостью, но ее реализация требует значительных организационных усилий. В то же время такая политика может быть эффективной в поддержке населения вследствие неблагоприятных трендов – роста цен на жилье, повышения ставок по ипотечным кредитам и сегрегации в городах на фоне быстрого прироста населения за счет иммигрантов. Отдельные направления научных исследований составляют работы, посвященные оценке экономической эффективности и социальных последствий реализации различных стратегий, связанных с государственным регулированием величины арендной платы за жилье в городах (Jonkman et al., 2018).

В российском законодательстве проблематика жилищного обеспечения является неотъемлемой частью государственной семейной политики, которая, в свою очередь, во многом обусловлена стратегическими приоритетами демографического и социально-экономического развития страны. В Концепции семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года¹ предусмотрены как инструменты содействия приобретению жилья в собственность семей (программы ипотечного кредитования), так и меры по развитию системы арендного жилья. Однако на практике больший акцент сделан на использовании первой группы инструментов (что ближе к либеральной модели политики). Это создает противоречие между законодательно закрепленными приоритетами реализуемой политики и потребностями наименее обеспеченных групп на-

¹ Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-п. URL: <http://government.ru/docs/all/92699>

селения, которые наилучшим образом могут быть удовлетворены только при должном внимании к одновременному развитию системы социального арендного жилья.

Обеспечение молодых семей собственным жильем рассматривается, в том числе, с точки зрения создания благоприятных условий для реализации их репродуктивных планов. При этом для семей, в которых уже есть дети, вопрос об улучшении жилищных условий зачастую стоит на первом месте в ряду жизненных приоритетов. Существуют различные точки зрения на возможные подходы к решению этого острого вопроса. В исследовании специалистов ИСЭПН РАН (Гузанова, Шнейдерман, 2018) на основе анализа данных Комплексного наблюдения условий жизни населения было показано, что семьи с несовершеннолетними детьми «проживают в 2 раза более стесненных условиях, чем домохозяйства без детей». Также обосновано, что индивидуальное жилищное строительство служит действенным механизмом улучшения жилищных условий семей с детьми, особенно многодетных и проживающих в сельской местности. На обеспечение такого строительства семьи расходуют в основном кредитные средства и материнский капитал. В более раннем исследовании специалистов ИСЭПН РАН (Шнейдерман и др., 2016), информационной базой которого послужили данные проекта «Таганрог», было показано, что наиболее предпочтительным для себя типом жилья семьи с детьми называли собственный дом в городе или в пригороде. Однако предложение жилья в городе не совпадало с этими предпочтениями, поскольку преобладала многоэтажная застройка.

Стадия жизненного цикла семьи, ее состав напрямую связаны с показателями жилищной обеспеченности. В работе А. Бурдяк (Бурдяк, 2013) на материалах репрезентативного социологического исследования показано, что усугублению проблемы обеспечения жильем молодых семей способствует действие поколенческого фактора: большинство многопоколенных домохозяйств со взрослыми детьми проживают в тесном жи-

лье. Автор объясняет это тем, что во взрослую жизнь вступили поколения, которые, в отличие от своих родителей, не получили в собственность жилье в ходе приватизации 1990-х гг., а возможности приобретения собственного жилья у них отсутствуют. Своеобразной «ловушкой» служит и ограничение участия в государственных программах социального найма: те, кто владеет долей жилплощади в родительской квартире, но желает жить отдельно и не имеет возможности приобрести жилье, не могут претендовать на такую меру поддержки. Материнский капитал при этом является действенной мерой поддержки молодых семей в малых городах и сельских населенных пунктах с невысокими рыночными ценами на жилье, но не в столицах регионов.

Для большинства российских семей, желающих улучшить жилищные условия, характерно стремление приобрести жилье в собственность. Однако ввиду низкого уровня доходов и недоступности ипотечного кредитования для многих из них альтернативным способом решения жилищного вопроса может являться социальная аренда (Ноздрина, Шнейдерман, 2016). Этот инструмент хорошо зарекомендовал себя в международной практике и обладает, по мнению экспертов, рядом несомненных преимуществ как приоритетное направление социальной политики в отношении обеспечения жильем нуждающихся граждан.

Согласно данным социологического исследования, проведенного в Томске (Веревкина, 2019), большинство тех, кто стоит на очереди для получения арендного жилья от муниципальной власти, не готовы платить более 5000 руб. в месяц за аренду. При этом респонденты хотели бы проживать в жилых помещениях общей площадью не менее 26 кв. м на человека, с просторной кухней и гостиной, в районе со сложившейся инфраструктурой. Очевидно, что не всегда у муниципалитетов есть возможность учитывать весь спектр предпочтений граждан, желающих получить жилье по договорам социального найма. Тем не менее этот механизм можно развивать, выделяя разные типы жи-

лых помещений для основных категорий семей. Для этого необходимо, как минимум, знать, кто чаще всего входит в число потребителей таких услуг.

В качестве варианта решения жилищного вопроса российскими авторами предлагалось внедрение накопительного жилищного страхования на уровне регионов, а также обосновывалась несостоятельность ипотеки как механизма для решения жилищного вопроса в стране с периферийным значением в мировой финансово-экономической системе (Грушина, 2011). Сходное мнение высказано в работе В.А. Сироткина, который также предложил обратить внимание на развитие накопительной модели предоставления жилья с участием государства (Сироткин, 2012).

Для измерения потребности семей в улучшении жилищных условий существуют два основных подхода: по самооценкам семей и по оценке относительной обеспеченности жильем (в сравнении с нормативной). Так, в работе В.Н. Бобкова и Е.В. Одинцовой (Бобков, Одинцова, 2021) предложен подход к оценке жилищной обеспеченности населения на основе разработанных авторами социальных стандартов, а также на данных РМЭЗ показано, что обеспеченность жильем ниже средних стандартов характерна в том числе для отдельно проживающих молодых семей с детьми. Жилищный статус в современных зарубежных исследованиях рассматривается как многомерный конструкт, компоненты которого (качество, количественная обеспеченность жилплощадью, право собственности на жилье) вносят различный вклад в социальную стратификацию и по-разному соотносятся с субъективной удовлетворенностью жильем. При этом жилищный статус предлагается измерять отдельно на уровне индивидов и домохозяйств (Zavisca et al., 2021).

Возможности семей по приобретению жилья могут оцениваться на основе сопоставления их доходов со среднерыночной ценой стандартного жилья. На таком подходе основан расчет показателя «коэффициент доступности жилья», который отражает фундаментальную доступность приобретения жилья для семьи из трех человек. Так, наиболее подробные данные о ситуации с доступностью приобретения жилья для российских семей в региональном разрезе публикует Институт экономики города². Из отчета этой организации за 2021 год следует, что в период пандемии COVID-19 заметно снизилась фундаментальная доступность жилья для семей, хотя до 2019 года наблюдался благоприятный тренд коэффициента доступности жилья (КДЖ)³.

Подробный обзор методик оценки доступности жилья приведен в работе Е.М. Дербасовой с соавторами (Дербасова и др., 2016). Ими с применением методики, предложенной Институтом экономики города, также проведена оценка доступности жилья при условии его самостоятельного возведения и показано, что такой способ в сравнении с приобретением готового жилья от застройщика позволяет снизить срок ожидания жилья с 10 до 4 лет. В связи с этим авторы указанного исследования предложили стимулировать развитие строительных технологий, адаптированных для самостоятельного возведения жилых домов гражданами, особенно в сельской местности.

Для Вологодской области оценка доступности приобретения жилья проводилась в работах исследователей Вологодского научного центра РАН. Так, в статье М.А. Печенской (Печенская, 2015) показано, что наиболее серьезным барьером для участия населения в региональных льготных ипотечных программах является значительный размер пер-

² Мониторинг доступности жилья в России, а также в разрезе регионов и крупнейших городских агломераций // Институт экономики города. URL: <https://urbaneconomics.ru/research/project/monitoring-dostupnosti-zhilya-v-rossii-takzhe-v-razreze-regionov-i-krupneyshih>

³ Институт экономики города использует расчетную величину КДЖ, которая показывает, за сколько лет домохозяйство из трех человек условно сможет накопить средства для покупки стандартной квартиры 54 кв. м при условии сбережения всех своих годовых доходов. Значение коэффициента в пределах 3 лет указывает, что жилье доступно, от 3 до 4 лет – не очень доступно, от 4 до 5 лет – приобретение жилья серьезно осложнено, более 5 лет – жилье существенно недоступно.

воначального взноса (от 30% рыночной стоимости приобретаемого жилья). Для решения обозначенной проблемы предлагалось реализовать на территории Вологодской области механизм жилищных строительных сбережений, успешно апробированный на территории других регионов России (Печенская, Ильинский, 2017). В работе А.А. Волкова (Волков, 2021) на основе рассчитанных значений коэффициента доступности жилья на первичном и вторичном рынке за период с 2016 по 2020 год установлено, что доступность приобретения жилья для населения снижалась. Необходимо отметить, что расчет был проведен с использованием статистических данных о величине среднедушевых денежных доходов населения в месяц и прожиточного минимума, то есть не ставилась задача дифференцированной оценки показателя в зависимости от состава домохозяйств.

В целом проблема обеспечения жильем семей с детьми нашла отражение в широком перечне работ отечественных и зарубежных авторов. Однако наблюдается дефицит исследований, отражающих территориальную специфику потребностей семей в улучшении жилищных условий и оценок их возможностей в приобретении собственного жилья.

Цель исследования – оценить потребности и возможности семей с детьми, проживающих в малых и крупных городах и сельских населенных пунктах Вологодской области, в улучшении жилищных условий.

Для достижения цели работы поставлены следующие задачи:

- 1) проанализировать динамику жилищных потребностей семей с детьми на общероссийском уровне за период 2010–2022 гг.;
- 2) оценить на данных по Вологодской области потребность семей с детьми в улучшении жилищных условий;
- 3) оценить доступность приобретения жилья для семей с детьми, учитывая уровень их дохода, а также возможности использования кредитных средств и инструментов государственной поддержки (участие в программе «Материнский капитал»);

- 4) сформулировать рекомендации, направленные на совершенствование государственной политики в области обеспечения жильем семей с детьми.

Материалы

и методы

Для решения поставленных исследовательских задач применялся комплексный анализ статистических и социологических данных, характеризующих потребность семей в жилье, их уровень дохода и возможности участия в программах государственной поддержки. При оценке доступности приобретения жилья для семей с детьми в регионе мы исходили из того, что участие в ипотечных программах не должно становиться чрезмерно обременительным, то есть не должно существенно снижать уровень жизни семей. С опорой на результаты проведенного анализа показана нерелевантность льготных ипотечных программ материальным возможностям значительной части семей региона и обоснована необходимость одновременного развития системы социального арендного жилья.

Информационную базу исследования составили данные официальной государственной статистики, данные Комплексного наблюдения условий жизни населения за 2022 год (КОУЖ-2022), проводимого Федеральной службой государственной статистики.

Из базы микроданных КОУЖ-2022 были выбраны наблюдения, характеризующие Вологодскую область. Объем выборки составил 567 домохозяйств, из них 216 проживали в крупных городах (от 250 до 499 тыс. чел.), 162 – в малых городах (до 50 тыс. чел.), 189 – в сельских населенных пунктах. Количество домохозяйств с детьми до 18 лет составило 133 (23% от всех опрошенных в регионе домохозяйств), из них 63 домохозяйства проживали в крупных городах, 33 – в малых городах региона, 37 – в сельских населенных пунктах.

Результаты

Потребность семей в улучшении жилищных условий можно примерно оценить, опираясь на статистические данные. Численность семей, состоявших на учете в

Рис. 1. Потребность российских семей в жилых помещениях и доля нуждающихся семей, которым выделено жилье, 1990–2022 гг.

Источники: Число семей, получивших жилье и улучшивших жилищные условия // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/jkh46.xls>;
Число семей, состоящих на учете на получение жилья // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/jkh46-1.xls>

качестве нуждающихся в жилых помещениях, в 2022 году была в 1,4 раза меньше, чем в 2010 году, а по сравнению с 2000 годом снизилась в 2,7 раза. Относительно 1990 года значение показателя сократилось в 5 раз. Эти тренды, с одной стороны, могут быть обусловлены законодательными изменениями перечня оснований для признания граждан нуждающимися в улучшении жилищных условий⁴, а с другой – постепенным улучшением материального положения семей и тем, что население в рыночных условиях для достижения своих целей стало ориентироваться в большей мере на собственные силы, а не на государственную поддержку.

Переключение на собственные ресурсы для решения жилищного вопроса представляется более действенной стратегией, поскольку лишь 4% семей, состоявших на учете в качестве нуждающихся в жилье, в 2022 году смогли получить его или другим способом улучшить свои жилищные условия. Такой низкий уровень показателя регистрируется уже с 2018 года. А наиболее высокими

его значения были в 1990 и 2010 гг. – 14 и 9% соответственно (рис. 1).

Состав семьи выступает одним из ведущих факторов, определяющих ее жилищную обеспеченность. Как правило, чем больше детей в семье, тем более вероятен риск проживания в тесном жилище. Так, по данным статистики, в России обеспеченность жилой площадью в расчете на одного человека для 67% многодетных семей в 2021 году была ниже 15 кв. м; среди семей с одним ребенком в аналогичных условиях проживали 34%. При этом в 2021 году по сравнению с 2020 годом выросла доля многодетных семей, обеспеченных жилой площадью более 40 кв. м на человека, что говорит об усилении дифференциации имущественного положения многодетных семей (табл. 1).

Эксперты Фонда «Институт экономики города» отмечают, что период 2020–2022 гг. ознаменовался сильным ростом цен на жилье, который не смогла смягчить даже государственная программа льготной ипотеки. Согласно оценкам, доступность покупки жилья для

⁴ До 2005 года основания для признания граждан нуждающимися в улучшении жилищных условий определялись нормами Жилищного кодекса РСФСР (утв. ВС РСФСР 24.06.1983; (ед. от 20.07.2004). С 1 января 2005 года в действие вступил новый Жилищный кодекс Российской Федерации (утв. 29.12.2004 № 188-ФЗ; ред. от 04.08.2023), в котором был представлен новый перечень оснований для постановки на учет в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий.

Таблица 1. Распределение домашних хозяйств в России по размеру общей (полезной) площади жилища в среднем на проживающего, %

Общая (полезная) площадь жилища в среднем на проживающего, кв. м	Домашние хозяйства с детьми в возрасте до 16 лет, имеющие:					
	одного ребенка		двух детей		трех и более детей	
	2020 год	2021 год	2020 год	2021 год	2020 год	2021 год
до 9,0	2,1	1,8	7,2	6,3	24,8	20,7
от 9,1 до 11,0	6,7	5,7	15,5	14,0	17,4	16,5
от 11,1 до 13,0	11,5	10,2	17,3	15,6	18,0	18,1
от 13,1 до 15,0	17,1	16,0	19,3	18,6	13,3	12,0
от 15,1 до 20,0	33,8	35,2	25,0	28,2	16,7	17,5
от 20,1 до 25,0	14,5	15,7	10,1	11,4	4,2	5,0
от 25,1 до 30,0	7,8	9,7	3,7	3,3	2,2	2,6
от 30,1 до 40,0	4,7	3,7	1,5	1,9	1,8	2,7
от 40,1 и более	1,8	1,9	0,5	0,5	1,6	4,9

Источник: Условия проживания домашних хозяйств, виды и размеры занимаемого жилья, распределение домашних хозяйств по размеру общей (полезной) площади занимаемого жилья // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/prog_631b.xlsx

Рис. 2. Доля семей, имеющих возможность приобрести жилье, соответствующее стандартам обеспечения жилыми помещениями, с помощью собственных и заемных средств, %

Источник: Показатели доступности жилья в субъектах Российской Федерации в 1998–2021 гг. // Фонд «Институт экономики города». URL: https://www.urbanecomomics.ru/sites/default/files/pokazateli_dostupnosti_zhilya_v_subektah_rf_v_1998-2021_gg.xlsx

домохозяйств в этот период значительно сократилась во всех крупнейших агломерациях. Причем в домохозяйствах, входящих в доходные группы с первой по шестую, остаточный доход после ежемесячной выплаты по условному ипотечному кредиту (рассчитывалась на примере покупки в 2020 году стандартной квартиры 54 кв. м, льготная ставка 7,7%, срок 219,5 мес.) составлял менее двух прожиточных минимумов на человека, что не ограничивает возможности приобретения необходимых товаров. Для семей с детьми, особенно тех, где родители работают в бюджетной сфере (учителя, медицинские и социальные работники, работники науки), ипотечные кредиты являются «неподъемными», поскольку остаточный душевой доход после уплаты ежемесячного

взноса значительно ниже двух прожиточных минимумов⁵. Если семьи в таких условиях и решат брать ипотечный кредит, то он потребует от них существенного снижения текущего уровня потребления.

Несмотря на эти неблагоприятные факторы, период 2010–2021 гг., согласно оценкам специалистов Фонда «Институт экономики города», характеризовался ростом доли семей, которые имели возможность приобрести жилье, соответствующее стандартам обеспечения жилыми помещениями, с помощью собственных и заемных средств. При этом на протяжении всего рассматриваемого периода доля таких семей в Вологодской области была выше среднероссийского показателя (рис. 2).

⁵ Жилищная потребность и спрос на жилье в России (2022) // Фонд «Институт экономики города». 26 с. URL: https://www.urbanecomomics.ru/sites/default/files/zhilishchnaya_potrebnost_i_spros_na_zhile_v_rossii_oktyabr_2022.pdf

Обеспеченность жильем семей с детьми в Вологодской области

Вологодскую область по состоянию на 2012 год эксперты относили к числу регионов с высокой обеспеченностью населения жилой площадью (более 25 кв. м на человека), но низкими темпами (1–1,4%) жилищного строительства в среднем за год (Гузанова, 2014). По величине коэффициента доступности жилья (составлял 3,8 года для первичного рынка и 3,5 года – для вторичного рынка) Вологодская область по состоянию на 2020 год относилась к территориям, где недвижимость «не очень доступна» для населения. При этом основными факторами, ограничивающими ввод в действие жилых домов, в Вологодской области выступали нехватка качественных инвесторов, ограниченные ресурсы обеспечения земельными участками в населенных пунктах, недостаток мощностей по выпуску продукции для строительства, недостаток подготовленных участков под строительство, высокие ставки по кредитам для застройщиков, износ машин и строительных механизмов, отсутствие квалифицированных рабочих, цены на стройматериалы (Волков, 2021).

По данным КОУЖ-2022, в регионе 96% домохозяйств с детьми, принимавших участие в обследовании, проживали в многоквартирных домах, 4% – в индивидуальных домах. Основное жилье находилось в собственности у 83% опрошенных домохозяйств с детьми. Из них 24% выплачивали за жилье ипотечные кредиты. В крупных городах региона

все домохозяйства с детьми, принимавшие участие в КОУЖ-2022, проживали в многоквартирных домах (всего 63 домохозяйства). Среди них ипотеку за свою квартиру выплачивали 16 домохозяйств (25% опрошенных). В малых городах на момент опроса ипотечные кредиты продолжали выплачивать 15% домохозяйств, в сельских населенных пунктах – 16%.

Потребность в улучшении жилищных условий испытывали 42% опрошенных домохозяйств. Доля сообщивших о такой потребности в крупных городах достигала 44%, в малых городах – 42%, тогда как в сельских населенных пунктах была заметно ниже – 37%. Наиболее востребованным видом улучшения жилищных условий среди домохозяйств с детьми в 2022 году стали увеличение площади, переезд в более комфортабельный, удобный дом, район, на втором месте по востребованности оказались ремонт и перепланировка имеющегося жилья. В сельской местности и в малых городах по 7% опрошенных домохозяйств сообщили о стремлении переехать в другую местность либо регион, тогда как в крупных городах ни одно домохозяйство не имело таких намерений (табл. 2).

Тем или иным способом изменить свои жилищные условия в перспективе 2–3 лет планировали 29% домохозяйств (или 57% из числа домохозяйств, нуждавшихся в улучшении жилищных условий). В малых городах этот показатель достигал 33%, а в крупных городах и в сельской местности – 27%. Разрыв между потребностью и реальными

Таблица 2. Распределение ответов домохозяйств с детьми на вопрос о необходимых улучшениях жилищных условий, % от числа домохозяйств, отметивших потребность в улучшении жилищных условий

Вид необходимого улучшения	Малые города	Крупные города	Сельские н. п.	Среднее
Ремонт, перепланировка имеющегося жилья	14,3	17,9	35,7	21,4
Увеличение площади, переезд в более комфортабельный, удобный дом, район	71,4	78,6	57,1	71,4
Переезд в другую местность (в другой регион)	7,1	0,0	7,1	3,6
Другое улучшение, помимо перечисленного	7,1	3,6	0,0	3,6
Итого, домохозяйств	14	28	14	56

Источник здесь и далее (если иное не указано): микроданные КОУЖ-2022.

намерениями домохозяйств по улучшению жилищных условий сильнее всего проявлялся в случае, когда имелась потребность в расширении имеющейся жилплощади. Так, среди всех домохозяйств, которые отметили необходимость в увеличении жилой площади, только 50% имели планы по улучшению жилищных условий в ближайшие 2–3 года. Из них 65% предполагали, что смогут приобрести либо построить новое жилье, 20% планировали встать в очередь на получение жилья, 10% – доделать ремонт и переехать в строящееся жилье.

Среди тех, кто откладывал реализацию планов по улучшению жилищных условий более чем на 3 года, наиболее представлены были домохозяйства, испытывавшие некоторую стесненность при проживании (61%), являвшиеся собственниками занимаемого жилья без использования ипотеки (61%), проживающие в крупных городах (56%), с одним ребенком (52%). Уровень текущего среднедушевого дохода сопоставим в группах домохозяйств, которые имели планы по улучшению жилищных условий (16303 руб.) и домохозяйств, которые откладывали реализацию данной потребности (16223 руб.).

Способы предполагаемого улучшения жилищных условий различались в зависимости от места проживания респондентов. Так жители малых городов, которые намеревались улучшить жилищные условия в ближайшие 2–3 года, чаще рассчитывали на получение жилья от муниципалитета как нуждающиеся (36%) либо в качестве компенсации при сносе дома (27%). В крупных городах и сельских населенных пунктах домохозяйства в большей степени ориентировались на приобретение или постройку жилья (53 и 50%, соответственно).

Преимущественная ориентация семей на приобретение жилья в собственность характерна и в целом для российского населения (в отличие от европейских стран), что исследователи связывают с ментальными установками, сформированными в советское время (Нуреев, Гуляева, 2021).

Согласно данным КОУЖ-2022, предпочтительным вариантом собственного жилья домохозяйства с детьми, планирующие его приобретение в перспективе ближайших 2–3 лет, чаще всего называли квартиры в многоквартирных домах. В сельской местности более популярным вариантом жилья были индивидуальные дома. Приобрести подобное жилье, не привлекая заемные ресурсы, большинство опрошенных домохозяйств не смогли бы в силу высокого уровня цен на первичном и вторичном рынке, а также недостаточного уровня собственных доходов.

Средняя цена за один квадратный метр общей площади квартир среднего качества на первичном рынке в Российской Федерации за период с 2010 по 2022 год выросла в 2,6 раза: с 46807,08 руб. (по состоянию на 4 квартал 2010 года) до 122925,01 руб. (по состоянию на 4 квартал 2022 года). В Вологодской области за тот же период цена квадратного метра общей площади квартир среднего качества на первичном рынке увеличилась в 2,4 раза: с 33321,21 руб. до 78867,94 руб.⁶

На фоне роста цен наиболее доступным способом приобретения жилья для домохозяйств с детьми является вступление в ипотечные программы. Взять ипотечный кредит для оплаты покупки или строительства жилья планировали по 67% домохозяйств в крупных и малых городах, 80% – в сельских населенных пунктах. Рассчитывали на получение средств от продажи своего жилья 67% горожан и 40% жителей сельской местности. Средства материнского капитала для приобретения или строительства жилья планировали привлечь 40% домохозяйств, проживающих в сельской местности, 56% домохозяйств из крупных и 33% – из малых городов. Реже всего среди источников оплаты покупки жилья упоминались субсидии (33% в малых городах). При планировании покупки жилья домохозяйства из города и села в разной степени полагались и на собственные средства (табл. 3).

⁶ Средняя цена 1 кв. м общей площади квартир на рынке жилья // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31452>

Таблица 3. Распределение ответов домохозяйств на вопрос* об источниках средств для приобретения (строительства) жилья, % от числа домохозяйств в соответствующих типах населенных пунктов, планирующих приобрести или построить жилье в ближайшие 2–3 года

Источник денежных средств	Малые города	Крупные города	Сельские н. п.	Среднее
Продажа имеющегося жилья для покупки другого	67	67	40	59
Ипотечный кредит	67	67	80	71
Средства материнского капитала	33	56	40	47
Субсидия на приобретение жилья	33	0	0	6
Другие источники (в т. ч. собственные средства)	100	44	20	47

* При ответе на вопрос «Укажите все предполагаемые источники денежных средств для покупки (строительства) жилья» респондент мог выбрать один или несколько вариантов ответа, поэтому сумма по столбцам таблицы не равна 100%.

Таблица 4. Характеристики домохозяйств, использующих различные стратегии финансирования покупки жилья

Стратегии финансирования покупки жилья	Число домохозяйств	Средне-месячный доход домохозяйства, рублей	Средне-месячный душевой доход домохозяйства, руб.	Число домохозяйств, являющихся собственниками занимаемого жилья	Число домохозяйств, проживающих в сельских населенных пунктах	Какое жилье планируют приобретать		
						квартира в новостройке	квартира на вторичном рынке	индивидуальный дом или часть дома
1	3	63333	13042	1	0	1	0	2
2	1	45000	11250	1	0	0	1	0
3	1	45000	15000	0	1	0	1	0
4	3	64167	23333	1	1	1	2	0
5	2	31250	10417	0	1	1	1	0
6	1	45000	11250	1	0	0	0	1
7	1	45000	11250	1	0	0	1	0
8	2	71250	23750	2	0	1	0	1
9	2	61250	15313	2	1	0	1	1
10	1	35000	11667	0	1	0	1	0

Обозначения: 1 – продажа имеющегося жилья, ипотека, маткапитал; 2 – продажа имеющегося жилья, ипотека, маткапитал, субсидия, другие источники (в т.ч. собственные средства); 3 – ипотечный кредит; 4 – ипотека, другие источники (в т. ч. собственные средства); 5 – ипотека, маткапитал; 6 – другие источники (в т. ч. собственные средства); 7 – продажа имеющегося жилья, маткапитал, другие источники (в т. ч. собственные средства); 8 – продажа имеющегося жилья, другие источники (в т. ч. собственные средства); 9 – продажа имеющегося жилья, ипотека; 10 – продажа имеющегося жилья, маткапитал.

Стратегии финансирования планируемого приобретения жилья различаются в зависимости от материального положения домохозяйств, желаемого типа жилья. При достаточно высоком уровне среднемесячного душевого дохода домохозяйства планируют привлекать для покупки жилья собственные средства, помимо таких источников, как ипотечное кредитование и средства, вырученные от продажи имеющегося жилья. Домохозяйства, которые рассчитывают только на свои средства, планировали приобрете-

ние индивидуального дома. Домохозяйства, планирующие приобретение квартиры на вторичном рынке, были намерены использовать в основном средства от продажи имеющегося жилья. Приобретение квартиры в новостройке предполагало в большинстве случаев ипотечное кредитование и средства материнского капитала (табл. 4). Выделенные стратегии улучшения жилищных условий сходны с выявленными ранее в исследованиях российских авторов, выполненных на данных КОУЖ-2011 (Гузанова, 2012).

Таблица 5. Распределение домохозяйств с детьми по величине среднемесячного душевого дохода, % от числа опрошенных домохозяйств соответствующих групп, 100% – по столбцам

Уровень дохода на человека в месяц, рублей	Один ребенок	Двое детей	Трое и больше детей	Всего по опросу
Менее 5000	0,0	3,8	9,1	2,3
5000–10000	7,1	13,5	18,2	10,5
10000–20000	54,3	59,6	63,6	57,1
20000–30000	32,9	21,2	9,1	26,3
30000–40000	4,3	0,0	0,0	2,3
Более 40000	1,4	1,9	0,0	1,5
Справочно: число опрошенных домохозяйств	70	52	11	133

Материальное положение домохозяйства выступает основным фактором, определяющим его возможности по улучшению жилищных условий. В условиях роста цен на недвижимость и снижения доступности ипотечного кредитования на фоне снижения реальных доходов домохозяйства могут откладывать решение о расширении жилплощади с учетом ожидаемого снижения уровня жизни из-за избыточной кредитной нагрузки.

Согласно статистическим данным, в регионе общая задолженность населения по ипотечным кредитам в 1 квартале 2023 года была в два раза выше (89755 млн руб.), чем в 1 квартале 2018 года (44226 млн руб.). Объем просроченной задолженности по ипотеке составлял 314 млн руб. по итогам 1 квартала 2023 года⁷.

По данным КОУЖ-2022, средний уровень душевого дохода домохозяйств с детьми в Вологодской области составлял 17164 руб., тогда как на сегодняшний день для приобретения, например, типовой двухкомнатной квартиры в новостройке площадью 55 кв. м в Вологде потребовался бы ежемесячный доход не менее 36264 руб. С учетом текущих ставок по ипотечному кредитованию в регионе (льготная ипотека для семей с детьми предоставляется по ставке 5,7% годовых) и при условии наличия у домохозяйства суммы первоначального взноса (15% от стоимо-

сти квартиры – 648 тыс. руб.) срок выплаты кредита составил бы 30 лет при ежемесячном платеже в сумме 21332 руб.⁸ В действительности цены на сходное по площади жилье в крупных городах заметно варьируют в зависимости от типа жилья, материала стен, размера кухни, этажа, качества ремонта и микрорайона (Старикова, 2020), поэтому и реальная сумма ипотечного кредита может быть существенно выше.

Высокие ежемесячные платежи по ипотечному кредиту и значительная сумма первоначального взноса делают ипотечное кредитование инструментом, недоступным для наиболее нуждающихся семей с детьми. И если проблему накопления первоначального взноса для участия в ипотечной программе семьи могут решать благодаря направлению на его погашение средств материнского капитала, то ежемесячные платежи по кредиту остаются серьезной проблемой.

Домохозяйства, принимавшие участие в КОУЖ-2022, отличались по составу и уровню располагаемого дохода. Большинство из них (57%) имели доход от 10 до 20 тыс. руб. в расчете на человека в месяц. Около четверти домохозяйств отметили, что их среднемесячный душевой доход составлял от 20 до 30 тыс. руб. Среди многодетных чаще всего (9%) встречались наименее обеспеченные домохозяйства с доходом на человека не более 5000 руб. в месяц (табл. 5).

⁷ Отдельные показатели по ипотечным жилищным кредитам (региональный разрез) // Банк России. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/mortgage

⁸ Рассчитано в текущих ценах с помощью онлайн-сервиса «Ипотечный калькулятор» // Домклик. URL: <https://vologda.domclick.ru/ipoteka/calculator>

Таблица 6. Характеристики домохозяйств – потенциальных получателей выплат по федеральной и региональной программам «Материнский капитал»

Сумма выплат федерального и регионального маткапитала, руб.	Число домохозяйств	Денежный доход в среднем на члена домохозяйства в месяц, руб.	Дети до 18 лет	Дети до 2 лет
524527	3	16250	2	1
624527	6	13917	3	0
693144	5	12083	2,4	1
724527	1	3750	4	0
793144	2	10000	3	1

Фактически ипотечное кредитование было доступно только семьям, имеющим средства для первоначального взноса в размере 15% от стоимости выбранной квартиры и достаточно высокий текущий уровень дохода. Среди домохозяйств, принимавших участие в КОУЖ-2022, 17 являлись потенциальными получателями средств по федеральной или региональной программе «Материнский капитал»⁹. Поскольку в анкете обследования не задавалось прямых вопросов о получении таких выплат, была создана переменная, показывающая, на какую минимальную сумму материнского капитала могли бы рассчитывать домохозяйства с детьми. Максимальные суммы выплат могли бы получить многодетные семьи, в которых младший ребенок родился после 01.01.2020, минимальные – домохозяйства с детьми в возрасте до 2 лет (табл. 6).

Однако не все домохозяйства среди потенциальных получателей маткапитала планировали улучшить собственные жилищные условия в перспективе ближайших 2–3 лет. Воспользоваться средствами маткапитала для приобретения жилья были намерены 6 домохозяйств, в том числе одно из них – для приобретения квартиры площадью 70 кв. м в новостройке в одном из крупных городов региона. Для данного домохозяй-

ства с ежемесячным доходом 67500 руб. примерная стоимость ипотечного кредита с учетом суммы первоначального взноса, уплаченного из средств материнского капитала (693144 руб.), составила бы 3754656 руб. при стоимости квартиры 4447800 руб. и периоде кредитования 30 лет по льготной ставке 5,7% годовых. Ежемесячный платеж по кредиту составлял бы 21792 руб.¹⁰ Остаточный ежемесячный доход домохозяйства после выплаты по ипотеке был бы 45708 руб., а в расчете на человека – 11427 руб. Для сравнения, размер прожиточного минимума для трудоспособного населения региона в 2022 году равнялся 13931 руб., для детей – 12398 руб.¹¹ Следовательно, ипотечное кредитование, даже по льготной программе и с использованием средств материнского капитала, приводит к падению уровня располагаемого дохода домохозяйства ниже прожиточного минимума.

В Вологодской области уровень душевого среднемесячного дохода большинства домохозяйств с детьми, как было показано выше, в целом по выборке составлял от 10 до 20 тыс. руб. При этом доля домохозяйств, которые могли бы претендовать на выплаты по региональной и федеральной программе «Материнский капитал», достигала лишь 16% от численности тех, кто отметил

⁹ Материнский капитал // Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: <https://vologda-oblast.ru/family/capital>

¹⁰ Рассчитано в текущих ценах с помощью онлайн-сервиса «Ипотечный калькулятор» // Домклик. URL: <https://vologda.domclick.ru/ipoteka/calculator>

¹¹ Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Вологодской области на 2022 год: Постановление Правительства Вологодской области от 27.12.2021 № 1491. URL: https://vologda-oblast.ru/grazhdanam/svedeniya_ob_urovne_zhizni/velichina_prozhitochnoho_minimума_na_dushu_naseleniya_i_po_osnovnym_sots_demograficheskim_grupпам

потребность в улучшении жилищных условий. Суммы выплат по данным программам, как правило, достаточно только для уплаты первоначального взноса за приобретаемое в ипотеку жилье. Эти факты свидетельствуют, что сочетание двух наиболее популярных инструментов поддержки семей с детьми не всегда обеспечивает реальные возможности улучшения жилищных условий без снижения уровня жизни. Для того чтобы говорить о доступности ипотечного кредитования для полной нуклеарной семьи с детьми, реальная величина остаточного дохода должна составлять сумму двух прожиточных минимумов трудоспособного населения и прожиточного минимума на каждого ребенка. Это условие отсекает от участия в ипотечных программах малообеспеченные семьи с детьми, не претендующие на получение материнского капитала и не имеющие в собственности недвижимости, которую можно продать для выплаты первоначального взноса. Для таких семей наиболее реальным инструментом улучшения жилищных условий становятся целевые субсидии и получение муниципального жилья по договору социального найма. Не случайно в малых городах Вологодской области домохозяйства с детьми отмечали эти каналы планируемого улучшения жилищных условий.

В Вологодской области в 2022 году удельный вес семей, получивших жилые помещения, в числе семей, состоявших на учете в качестве нуждающихся, был в 2,6 раза ниже, чем в 2010 году. Абсолютное число нуждающихся семей, получивших жилье, за тот же период сократилось в 3,4 раза: с 3,7 до 1,1 тыс., тогда как численность нуждающихся в улучшении жилищных условий уменьшилась всего в 1,4 раза: с 33,2 до 24,1 тыс.¹² Низкий уровень удовлетворения потребности семей в жилье посредством его выделения из жилого фонда региона указывает на необходимость совершенствования механизма выделения жилья по договорам социального найма. Решению проблемы могут также способ-

ствовать развитие и улучшение регулирования рынка арендного жилья в регионе (Шнейдерман, 2017).

Обсуждение

Мировой опыт показывает, что существует два основных направления реализации программ в области обеспечения доступности жилья для семей. Первое – стимулирование приобретения жилья в собственность домохозяйств, второе – развитие системы социальной аренды жилья. В России присутствуют оба направления политики, однако их развитие неравномерно. Основной акцент делается на стимулировании ипотечного кредитования, в том числе льготных программ, поддерживаемых государством. Это позволяет сократить совокупную переплату по процентам, но не решает проблемы наименее обеспеченных семей, которые имеют недостаточно высокий доход и не могут выплачивать ежемесячные взносы. Еще одним барьером для участия в ипотечных программах является необходимость уплаты первоначального взноса, средства для которого семья должна накопить самостоятельно либо сформировать, используя иные источники дохода – выручку от продажи имеющейся недвижимости, выплаты по федеральной и региональной программам «Материнский капитал», субсидии на приобретение жилья, в том числе предоставляемые по месту работы. Наиболее распространены первые два источника. Наличие в собственности жилья позволяет использовать его как ресурс для дальнейшего улучшения жилищных условий. Однако часть семей с детьми не являются собственниками жилых помещений, в которых проживают. Для них единственным (помимо сбережений) способом формирования первого взноса по ипотеке становится участие в государственных программах. До недавнего времени федеральная программа «Материнский капитал» распространялась только на семьи, где рождались вторые и последующие дети. Расширение ее целевой

¹² Социально-экономические показатели по субъектам Российской Федерации: приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели» // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Pril_Region_Pokaz_2022.rar

аудитории за счет включения семей, где родились первенцы, способствовало улучшению возможностей приобретения жилья.

В Вологодской области региональный материнский капитал предоставляется многодетным семьям, а при рождении сразу двоих детей в семье, где уже были дети, выплата предоставляется на каждого новорожденного. Помимо того, в регионе принята программа льготного ипотечного кредитования, действие которой распространяется на бездетные молодые семьи, которые только планируют рождение детей. Это существенный шаг вперед по стимулированию реализации репродуктивных планов населения, поскольку мера действует «на опережение», позволяя семьям изначально создать благоприятные стартовые условия жизни для подрастающего поколения. Оператором региональной программы льготной ипотеки выступает АО «АИЖК ВО», а объем выданных им ипотечных займов с пониженной процентной ставкой является одним из целевых показателей подпрограммы «Создание условий для обеспечения доступным жильем граждан области» государственной программы «Обеспечение населения Вологодской области доступным жильем и создание благоприятных условий проживания на 2021–2025 годы»¹³.

Для сельской местности существуют специальные механизмы государственной поддержки, направленные в первую очередь на стимулирование индивидуального домостроения. Расширение доступности жилья для сельского населения обеспечивается, в том числе, благодаря субсидированию государством процентных ставок по ипотечным кредитам. На территории Вологодской области такие возможности реализуются в рамках выполнения федеральной программы «Комплексное развитие сельских территорий» и доступны при оформлении ипотечных кредитов в трех крупных банках. Условия кредитования несколько различны, но в целом они более благоприятны по срав-

нению со стандартными ипотечными программами. Кредиты по данной программе предоставляются не только на покупку готового жилья, но и на индивидуальное жилищное строительство, сумма первоначального взноса также ниже, чем в остальных программах ипотечного кредитования (от 10% стоимости жилья)¹⁴.

Несмотря на то, что материнский капитал и программы льготного ипотечного кредитования являются эффективными инструментами решения жилищных вопросов для семей с детьми, их действие не распространяется на малообеспеченные семьи. Для данной многочисленной категории населения шансы улучшения жилищных условий целиком зависят от развития системы социальной аренды жилья на муниципальном уровне, а также от возможности участия в государственных и ведомственных жилищных программах, предполагающих выделение целевых субсидий на приобретение жилья. В выборке КОУЖ по Вологодской области, которой мы пользовались в рамках настоящего исследования, доля малообеспеченных домохозяйств с детьми составляла 32%. В наибольшей степени такие домохозяйства были представлены на территории малых городов региона (45,5%) и в сельских населенных пунктах (40,5%).

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов. В России в целом и в Вологодской области в 2010 – 2020 гг. наблюдался постепенный прирост доли семей, имеющих возможность приобрести жилье, соответствующее стандартам обеспечения жильными помещениями, с помощью собственных и заемных средств. В то же время данные выборочного наблюдения условий жизни населения демонстрируют, что для большинства домохозяйств с детьми в Вологодской области (как и в России) низкий уровень дохода становится непреодолимым препятствием для приобретения собствен-

¹³ О государственной программе Вологодской области «Обеспечение населения Вологодской области доступным жильем и создание благоприятных условий проживания на 2021–2025 годы»: Постановление Правительства Вологодской области от 15.04.2019 № 377 (с изм. от 23.05.2023). URL: <https://docs.cntd.ru/document/553259145>

¹⁴ Сельская ипотека в Вологодской области // Сайт GOGOV. URL: <https://gogov.ru/rural-mortgage/vlgd>

ного жилья. Такие инструменты, как льготное ипотечное кредитование и материнский капитал, действуют выборочно и оказывают значимую поддержку в основном многодетным семьям и семьям с детьми в возрасте до трех лет. Суммы материнского капитала, как правило, оказывается достаточно лишь для уплаты первоначального взноса по ипотечному кредиту. Существенная и продолжительная по времени долговая нагрузка, связанная с выплатой ипотечного кредита, значительно снижает уровень жизни домохозяйств с детьми. В малых городах по сравнению с крупными городами и сельскими населенными пунктами большей популярностью пользуются такие каналы улучшения жилищных условий, как субсидии и заключение договоров социального найма жилья. Это обусловлено нехваткой нового жилья и низким уровнем доходов домохозяйств.

В целом, учитывая накопленный мировой опыт, а также наблюдаемые несоответствия между платежеспособным спросом на жилье и его предложением на региональном рынке, целесообразно приложить усилия для дальнейшего развития системы социальной аренды жилья. Для сельских территорий необходимо совершенствовать финансовые инструменты, направленные на стимулирование индивидуального строительства, в том числе программу сельской ипотеки.

Ключевыми мерами, которые позволяют решить жилищные проблемы семей с детьми в регионе, могут стать новые региональные программы льготного ипотечного кредитования, субсидирование первоначального взноса по ипотечным программам для отдельных категорий семей (малообеспеченных, многодетных, семей работников бюд-

жетной сферы, семей, в составе которых есть лица с тяжелыми хроническими заболеваниями, требующие постоянного постороннего ухода), расширение объемов предоставления нуждающимся семьям жилья по договорам социального найма, в том числе посредством приведения жилищного фонда муниципалитетов в соответствие с потребностями населения, государственный контроль ценообразования на первичном рынке жилья экономкласса, совершенствование региональных практик государственно-частного партнерства в сфере жилищного строительства, в том числе реализация совместных социально значимых проектов (софинансирование строительства жилья для сотрудников предприятий региона), предоставление регионом и муниципалитетами земельных участков под строительство жилья по цене ниже рыночной (если предполагается строительство социального жилья для нуждающихся в улучшении жилищных условий). Для успешного применения такого инструмента, как жилищные строительные сбережения, который ранее предлагался в качестве одного из действенных путей решения жилищных проблем в регионе, на наш взгляд, требуется предварительная реализация просветительских программ, направленных на повышение финансовой грамотности потенциальных участников. В целом для минимизации рисков неплатежей по льготным ипотечным программам следует предусмотреть возможность неоднократного предоставления заемщикам кредитных каникул, учитывая, что спрос на такие банковские продукты исходит и от молодых семей, где появление каждого следующего ребенка ожидаемо сопровождается снижением уровня дохода.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобков В.Н., Одинцова Е.В. (2021). Материальное благосостояние россиян: межпоколенная дифференциация // Мир новой экономики. Т. 15. № 2. С. 16–28. DOI: 10.26794/2220-6469-2021-15-2-16-28
- Бурдяк А.А. (2015). Обеспеченность жильем в постсоветской России: неравенство и проблема поколений // Журнал исследований социальной политики. Т. 13. № 2. С. 273–288.
- Веревкина И.Д. (2019). Социальное жилье: основные требования потребителя // Архитектура. № 1. С. 43–50. DOI: 10.22337/2077-9038-2019-1-43-50
- Волков А.А. (2021). Ипотека и доступность жилья (на примере Вологодской области) // Жилищные стратегии. Т. 8. № 2. С. 213–228.

- Грушина О.В. (2011). Жилищный вопрос в РФ: решение в рамках новой экономической парадигмы // Мир России. № 2. С. 125–141.
- Гузанова А.К. (2014). Региональные и социальные особенности жилищной обеспеченности российских домохозяйств // Народонаселение. № 2. С. 91–101.
- Гузанова А.К. (2012). Стратегии российских домохозяйств по улучшению жилищных условий // Народонаселение. № 2. С. 62–65.
- Гузанова А.К., Шнейдерман И.М. (2018). Жилищная проблема с точки зрения семейных ценностей и предпочтений // Уровень жизни регионов России. Т. 106. № 1 (207). С. 66–76. DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10008
- Дербасова Е.М., Боронина Л.В., Давыдова Е.В., Муканов Р.В., Кувшинова К.М. (2016). Индивидуальное строительство жилого дома как один из факторов расширения доступности жилья для населения с ограниченным доходом // Инженерно-строительный вестник Прикаспия: научно-технический журнал. № 4 (18). С. 69–73.
- Ноздрин Н.Н., Шнейдерман И.М. (2016). Современные проблемы развития арендного жилья // Народонаселение. № 4. С. 94–103.
- Нуреев Р.М., Гуляева О.А. (2021). Недвижимость домашних хозяйств: институциональный анализ // Terra Economicus. Т. 19. № 2. С. 39–57. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-2-39-57
- Печенская М.А. (2015). Льготные ипотечные кредиты в регионе: условия предоставления и возможности участия // Проблемы развития территории. № 2 (76). С. 135–145.
- Печенская М.А., Ильинский Д.Г. (2017). Региональные жилищные строительные сбережения как инструмент повышения доступности жилья для населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 10. № 6. С. 192–206. DOI: 10.15838/esc.2017.6.54.12
- Сироткин В.А. (2012). Накопительная система с участием государства как форма повышения доступности приобретения жилья // Экономика региона. № 3. С. 278–284.
- Старикова М.М. (2020). Рынок жилья как отражение жилищной стратификации городов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5. С. 403–429. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.924>
- Шнейдерман И.М., Гришанов В.И., Гузанова А.К., Ноздрин Н.Н. (2016). Жилищная и имущественная обеспеченность домохозяйств // Народонаселение. № 1. С. 42–53.
- Шнейдерман И.М. (2017). Развитие цивилизованного рынка арендного жилья // Научные труды Вольного экономического общества России. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiie-tsivilizovannogo-rynka-arendnogo-zhilya> (дата обращения 29.06.2023).
- Ceriani L., Olivieri S., Ranzani M. (2023). Housing, imputed rent, and household welfare. *The Journal of Economic Inequality*, 21, 131–168. DOI: 10.1007/s10888-022-09545-7
- Jonkman A., Janssen-Jansen L. & Schilder F. (2018). Rent increase strategies and distributive justice: the socio-spatial effects of rent control policy in Amsterdam. *Journal of Housing and the Built Environment*, 33, 653–673. DOI: 10.1007/s10901-017-9573-2
- Nordahl B.I. (2014). Convergences and discrepancies between the policy of inclusionary housing and Norway's liberal housing and planning policy: An institutional perspective. *Journal of Housing and the Built Environment*, 29, 489–506. DOI: 10.1007/s10901-013-9357-2
- Odeyemi E., Skobba K. (2022). Housing Affordability Among Rural and Urban Female-Headed Householders in the United States. *Journal of Family and Economic Issues*, 43, 854–866. DOI: 10.1007/s10834-021-09802-3
- Zavisca J.R., Gerber T.P. & Suh H. (2021). Housing Status in Post-Soviet Contexts: A Multi-dimensional Measurement Approach. *Social Indicators Research*, 153, 609–634. DOI: 10.1007/s11205-020-02477-7

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лейла Натиговна Нацун – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru)

Natsun L.N.

ASSESSING THE NEEDS AND OPPORTUNITIES OF FAMILIES WITH CHILDREN IN IMPROVING HOUSING CONDITIONS

Housing is one of the key conditions for the well-being of families with children and realization of their reproductive plans. Despite the fact that this problem is in the center of attention of the state, it does not lose its acuteness due to rising housing prices and the continuing low income level of most households with children. In the world practice there are two main approaches to its solution: through stimulating the acquisition of housing in the ownership of households and through the development of the social rental housing system. The Russian state policy includes both these directions, the development of which has been uneven, and the effectiveness of which requires careful assessment including in terms of meeting the needs of households in improving housing conditions. In the article, based on the materials of statistics and sample observation of living conditions, conducted by the Federal State Statistics Service in 2022, we show that in Russia as a whole and in the Vologda Oblast in 2010–2020 there was a gradual increase in the share of families that have the opportunity to purchase housing that meets the standards of housing provision with the help of their own and borrowed funds. However, for the majority of households with children in the Vologda Oblast, the low level of income becomes an insurmountable obstacle to the purchase of their own housing. Such instruments as preferential mortgage lending and maternity capital provide significant support mainly to large families and families with children under 3 years of age. Significant and time-consuming debt burden associated with mortgage loan repayment significantly reduces the standard of living of households with children. In general, taking into account the accumulated world experience, as well as the observed discrepancies between effective demand for housing and its supply in the regional market, it is advisable to make efforts to develop the system of social rental housing.

Housing conditions of families with children, families' need for housing, opportunities to improve housing conditions, housing policy, Vologda Oblast.

REFERENCES

- Bobkov V.N., Odintsova E.V. (2021). Material well-being of Russians: Intergenerational differentiation. *Mir novoi ekonomiki*, 15(2), 16–28. DOI: 10.26794/2220-6469-2021-15-2-16-28 (in Russian).
- Burdyak A.Ya. (2015). Housing provision in post-Soviet Russia: Inequality and the generational problem. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*, 13(2), 273–288 (in Russian).
- Ceriani L., Olivieri S., Ranzani M. (2023). Housing, imputed rent, and household welfare. *The Journal of Economic Inequality*, 21, 131–168. DOI: 10.1007/s10888-022-09545-7
- Derbasova E.M., Boronina L.V., Davydova E.V., Mukanov R.V., Kuvshinova K.M. (2016). Individual housing construction as one of the factors of expanding housing affordability for the population with limited income. *Inzhenerno-stroitel'nyi vestnik Prikaspiya: nauchno-tekhnicheskii zhurnal*, 4(18), 69–73 (in Russian).
- Grushina O.V. (2011). Housing issue in the Russian Federation: Solution within the new economic paradigm. *Mir Rossii*, 2, 125–141 (in Russian).

- Guzanova A.K. (2012). Strategies of Russian households to improve housing conditions. *Narodonaselenie=Population*, 2, 62–65 (in Russian).
- Guzanova A.K. (2014). Regional and social peculiarities of housing security of Russian households. *Narodonaselenie=Population*, 2, 91–101 (in Russian).
- Guzanova A.K., Shneiderman I.M. (2018). Housing problem in terms of family values and preferences. *Uroven' zhizni regionov Rossii*, 106, 1(207), 66–76. DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10008 (in Russian).
- Jonkman A., Janssen-Jansen L. & Schilder F. (2018). Rent increase strategies and distributive justice: the socio-spatial effects of rent control policy in Amsterdam. *Journal of Housing and the Built Environment*, 33, 653–673. DOI: 10.1007/s10901-017-9573-2
- Nordahl B.I. (2014). Convergences and discrepancies between the policy of inclusionary housing and Norway's liberal housing and planning policy: An institutional perspective. *Journal of Housing and the Built Environment*, 29, 489–506 DOI: 10.1007/s10901-013-9357-2
- Nozdrina N.N., Shneiderman I.M. (2016). Current problems of rental housing development. *Narodonaselenie=Population*, 4, 94–103 (in Russian).
- Nureev R.M., Gulyaeva O.A. (2021). Institutional analysis of housing in Russia. *Terra Economicus*, 19(2), 39–57. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-2-39-57 (in Russian).
- Odeyemi E., Skobba K. (2022). Housing affordability among rural and urban female-headed householders in the United States. *Journal of Family and Economic Issues*, 43, 854–866. DOI: 10.1007/s10834-021-09802-3
- Pechenskaya M.A., Il'inskii D.G. (2017). Regional housing construction savings as a tool for improving housing affordability for the population. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 10(6), 192–206. DOI: 10.15838/esc.2017.6.54.12 (in Russian).
- Pechenskaya M.A. (2015). Preferential mortgage loans in the region: Conditions for granting and opportunities for participation. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 2(76), 135–145 (in Russian).
- Shneiderman I.M. (2017). Development of a civilized rental market. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, 5. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-tsvilizovannogo-rynka-arendnogo-zhilya> (accessed: June 29, 2023; in Russian).
- Shneiderman I.M., Grishanov V.I., Guzanova A.K., Nozdrina N.N. (2016). Housing and property security of households. *Narodonaselenie=Population*, 1, 42–53 (in Russian).
- Sirotkin V.A. (2012). Savings and mortgage system with state participation as a form of increasing the affordability of real estate purchase. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 3, 278–284 (in Russian).
- Starikova M.M. (2020). Housing market as a reflection of urban housing stratification. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, 5, 403–429. Available at: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.924> (in Russian).
- Verevkina I.D. (2019). Social housing: Basic consumer requirements. *Arkhitektura*, 1, 43–50. DOI 10.22337/2077-9038-2019-1-43-50 (in Russian).
- Volkov A.A. (2021). Mortgage and housing affordability (on the example of the Vologda region). *Zhilishchnye strategii*, 8(2), 213–228 (in Russian).
- Zavisca J.R., Gerber T.P. & Suh H. (2021). Housing status in Post-Soviet Contexts: A multi-dimensional measurement approach. *Social Indicators Research*, 153, 609–634. DOI: 10.1007/s11205-020-02477-7

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Leila N. Natsun – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru)

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИКИ: ИЮЛЬ 2023 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.11 • УДК 330.342(470.12) • ББК 65.050.22(2Рос-4Вол)

ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» продолжает знакомить читателей с материалами о состоянии и тенденциях развития экономики России и СЗФО

БЛАГОДАРНОСТЬ

Материалы подготовлены в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0012 «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды».

По данным Росстата, ВВП России во II квартале 2023 года продемонстрировал прирост на 4,9% (годом ранее отмечалось снижение на 4,5%; *рис. 1*). Согласно предварительной оценке Минэкономразвития, в январе – июле¹ увеличение показателя составило 2,1%.

⬆️ Динамика индекса деловой активности в промышленности страны свидетельствует

Рис. 1. Динамика производства валового внутреннего продукта, % к предыдущему году

об успешном протекании адаптационных процессов: в августе 2023 года предпринимательская уверенность как добывающей, так и обрабатывающей индустрии превышала уровень августа 2021 года (*рис. 2*). В сфере услуг в III квартале предпринимательские ожидания вернулись к умеренно-позитивным оценкам.

⬇️ В строительстве индекс предпринимательской уверенности остался негативным.

Для цитирования: Сидоров М.А. (2023). Мониторинг экономики: июль 2023 года // Проблемы развития территории. Т. 27. № 5. С. 168–181. DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.11

For citation: Sidorov M.A. (2023). Monitoring of the economy in July 2023. *Problems of Territory's Development*, 27 (5), 168–181. DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.11

¹ Здесь и далее по тексту (если не оговорено иное) январь – июль 2023 года сопоставляется с январем – июлем 2022 года.

Рис. 2. Индекс предпринимательской уверенности, %

Рис. 3. Динамика выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности* в январе – июле 2023 года по федеральным округам и регионам СЗФО, % к январю – июлю 2022 года

* В состав базовых видов экономической деятельности входят растениеводство, животноводство, охота и предоставление услуг в этих областях; добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений; строительство; торговля оптовая, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами; торговля розничная, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами; транспорт.

1. Производство валового продукта

По результатам семи месяцев 2023 года экономика Северо-Западного федерального округа (СЗФО) в отличие от экономик остальных федеральных округов продемонстрировала глубокий спад производства: с начала года в макрорегионе на 4,5% сократился выпуск товаров и услуг в физическом объеме по базовым видам экономической деятельности, в то время как в целом по стране этот показатель увеличился на 3,4% (рис. 3). Негативная динамика экономики СЗФО во многом обусловлена снижением производства в Санкт-Петербурге и энергосырьевых регионах (Мурманская область, Ненецкий автономный округ, Республика Коми). Наиболее существенным стало сокращение выпуска в Мурманской области и Санкт-Петербурге (на 10,5 и 9,6% соответственно).

📈 **Промышленность** РФ увеличила выпуск на 2,6% (годом ранее прирост составлял 2%; табл. 1), в том числе в обрабатывающей индустрии

на 6,1%. В СЗФО объем промышленного производства вырос на 2,4%, чему способствовало увеличение выпуска продукции обрабатывающей промышленности на 5%. Положительная динамика производства отрасли во многом обусловлена ростом выпуска обрабатывающей промышленности в Санкт-Петербурге и Ленинградской области на 9,9 и 9,3% соответственно. При этом в Мурманской и Калининградской областях уровень индикатора показал низкие значения в сравнении с остальными регионами страны: спад производства продукции обрабатывающей промышленности составил 13 и 11,6%.

📉 Добыча полезных ископаемых в целом по РФ сократилась на 1,3%. В СЗФО выпуск этой отрасли также снизился (на 3,6%). Особенно негативной была динамика показателя в Санкт-Петербурге, Калининградской области и Ненецком автономном округе (выпуск добывающей промышленности сократился на 35,2, 8,2 и 7,1% соответственно).

Таблица 1. Динамика промышленного производства*, % к соответствующему периоду предыдущего года

	7 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	2022 г.	3 мес. 2023 г.	7 мес. 2023 г.	р**
Промышленное производство						
РФ	102,0	101,4	100,6	98,8	102,6	-
СЗФО	103,3	100,6	100,8	98,7	102,4	5
СПб	106,8	102,3	106,1	104,3	108,2	22
Пск	99,5	101,5	99,4	103,5	107,0	31
Лен	102,4	98,9	97,6	100,6	106,9	33
Вол	97,3	97,5	96,6	96,4	104,8	44
Нов	95,8	94,6	92,5	92,1	99,6	63
Арх	101,2	100,2	95,5	99,2	99,1	64
Кар	95,2	94,6	93,2	97,6	98,0	68
Ком	106,7	106,4	104,7	98,2	98,0	68
НАО	115,1	114,2	112,2	95,6	93,0	77
Мур	103,5	98,0	96,2	86,7	91,4	80
Клн	85,1	82,9	80,4	81,2	88,5	83
Добыча полезных ископаемых						
РФ	103,2	102,4	101,3	96,7	98,7	-
СЗФО	107,2	106,4	104,7	97,0	96,4	7
Лен	99,5	99,8	99,2	110,5	111,2	8
Нов	100,6	98,5	92,8	116,5	108,6	10
Кар	94,8	95,9	95,3	98,9	101,6	25
Пск	98,8	102,2	97,7	84,8	100,5	29
Арх	116,1	105,9	100,8	85,1	100,2	32
Мур	90,6	90,4	88,5	95,8	98,6	40
Ком	109,9	109,7	108,2	99,5	98,3	43
Вол	111,2	109,9	104,9	93,8	95,1	54
НАО	115,2	114,2	112,3	95,5	92,9	57
Клн	85,7	85,8	84,1	100,5	91,8	62
СПб	39,8	41,6	40,6	55,5	64,8	78
Обрабатывающие производства						
РФ	101,5	100,9	100,3	100,5	106,1	-
СЗФО	103,0	99,6	100,5	99,0	105,0	5
СПб	108,8	103,6	108,0	105,3	109,9	25
Лен	104,2	99,9	98,3	100,5	109,3	28
Вол	95,8	96,5	96,0	95,5	104,9	48
Пск	101,9	104,3	101,9	105,5	104,7	51
Нов	95,9	94,3	91,5	89,1	99,7	62
Арх	99,5	100,0	94,6	101,5	98,7	64
Ком	98,6	97,5	94,9	93,9	97,6	67
НАО	124,2	117,5	105,4	87,2	95,9	72
Кар	95,1	93,0	91,1	97,0	95,8	73
Клн	84,2	81,7	79,5	79,9	88,4	79
Мур	110,2	100,7	99,0	80,2	87,0	80

* Условные обозначения: Вол – Вологодская область, Кар – Республика Карелия, Ком – Республика Коми, НАО – Ненецкий автономный округ, Арх – Архангельская область кроме Ненецкого автономного округа, Клн – Калининградская область, Лен – Ленинградская область, Мур – Мурманская область, Нов – Новгородская область, Пск – Псковская область, СПб – Санкт-Петербург.

** Здесь и далее показан ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации по динамике показателя в январе – июле 2023 года (если не оговорено иное), без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

Снижение добычи полезных ископаемых в СЗФО обусловлено сокращением поставок из макрорегиона ключевых товаров этой отрасли на внешние рынки. Отсутствие данных по добыче нефти и газа² несколько усложняет понимание ситуации в отрасли, однако по суммарному индексу добычи (доля нефти и газа в общем объеме добычи СЗФО составляет порядка 60%) можно предположить, что динамика нефтегазового производства была негативной. Помимо этого, отмечено сокращение добычи угля и металлических руд (на 23,4 и 3,2% соответственно; рис. 4).

Обрабатывающая промышленность СЗФО продемонстрировала рост производства при сохранении негативной динамики в ряде отраслей.

Отрасли **сектора промышленности** промежуточного спроса СЗФО лишь отчасти адаптировались к торговым ограничениям. В частности, продолжилось сокращение выпуска в деревообрабатывающей индустрии (на 5,6%). Также снижение производства отмечено в металлургии (на 0,8%).

Позитивным явлением стал прирост производства продуктов химической промышленности на 10,7%.

«В Великом Новгороде ПАО «Акрон» запустил новое производство карбамида. Объем инвестиций в проект составил 65 млн долл. Мощность производства – 700 тыс. тонн удобрения в год, создано 40 рабочих мест. По словам генерального директора ПАО «Акрон» Владимира Куницкого, пуск новой установки – очередной этап программы глубокой модернизации производства карбамида, старт которой был дан в 2012 году. За это время суммарная мощность производства карбамида выросла до 2,1 млн т в год. Это сделало предприятие крупнейшим производителем карбамида в Европе»³.

² Росстат перестал публиковать данные по добыче нефти. URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/04/2023/64492a769a794789b8b0feec>
<https://www.rbc.ru/economics/26/04/2023/64492a769a794789b8b0feec> (дата обращения 19.09.2023).

³ Новое производство гранулированного карбамида на «Акроне» создано силами новгородских специалистов. URL: <https://53news.ru/novosti/novoe-proizvodstvo-granulirovannogo-karbamida-na-akrone-sozdano-silami-novgorodskih-speczialistov.html> (дата обращения 20.09.2023).

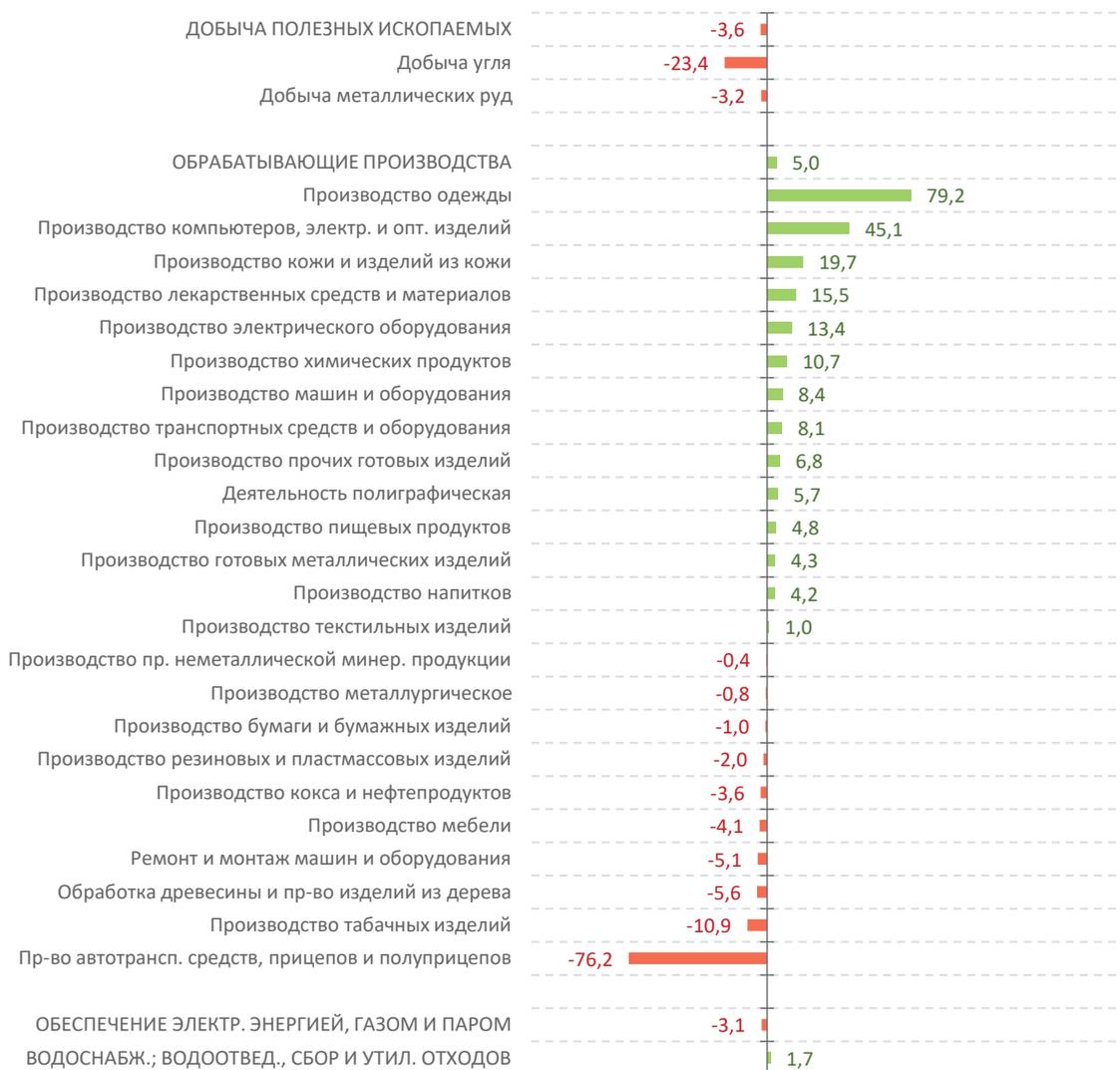

Рис. 4. Прирост объемов промышленного производства СЗФО в январе – июле 2023 года, % к январю – июлю 2022 года

↑ Отрасли **сектора промышленности конечного спроса** СЗФО продемонстрировали наибольшую адаптивность среди остальных секторов промышленности макрорегиона. Существенно вырос выпуск продукции легкой промышленности: одежды – на 79,2%, кожи и изделий из кожи – на 19,7%. Объем производства лекарственных средств и материалов увеличился на 15,5%. Также зафиксирован прирост производства готовых металлических изделий и прочих готовых изделий (на 4,3 и 6,8% соответственно).

↓ При этом производство мебели сократилось на 4,1%.

↑ Динамика производства продукции ряда отраслей **сектора промышленности инвестиционного спроса** СЗФО была позитивной,

в частности компьютеров, электронных и оптических изделий, электрооборудования, машин и оборудования было произведено больше на 45,1, 13,4 и 8,4% соответственно. Также увеличился выпуск транспортных средств и оборудования (на 8,1%). Стимулирующим фактором стал запуск ряда машиностроительных предприятий на территории СЗФО.

↓ При этом выпуск автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов составил лишь 23,8% от уровня января – июля 2022 года.

«Новое предприятие Группы ПОЛИПЛАСТИК появилось в рамках развития компанией направления проектирования и

строительства очистных сооружений. Основное производственное направление завода – изготовление оборудования для очистки сточных вод и обработки осадка, которое будет применяться на муниципальных и промышленных очистных сооружениях. Инвестиции в проект составили более 200 млн руб. После выхода на полную мощность дополнительно будет создано до 50 рабочих мест. Налоговые отчисления в бюджет области составят порядка 40 млн руб. в год»⁴.

«Совместное предприятие «Ростелекома», ГК «Авангард» и ГК «Кьютек» – НПО «Российские телекоммуникационные технологии» – запустило производственную линию телекоммуникационного оборудования, включая Wi-Fi-роутеры, устройства для видеонаблюдения, IP-домофоны, коммутаторы. «...» Производство размещено на базе завода «Авангард» на площади 2 тыс. кв. м в Санкт-Петербурге, оно позволяет выпускать более 1 млн единиц телеком-оборудования в год. Изначальный штат сотрудников составляет около 200 человек. Основным заказчиком продукции станет «Ростелеком» и другие операторы»⁵.

«В Центре судоремонта «Звездочка» введен в эксплуатацию новый, современный цех по производству новых типов пропульсивных комплексов. В производственном пролете предусмотрена установка нового высокотехнологичного оборудования, в том числе стендов для сборки и испытаний гребных валов, винтов регулируемого шага, систем ги-

дравлики. Кроме этого, НТПК оснащен крановым оборудованием грузоподъемностью 200 тонн. Все вместе позволит «Звездочке» выйти на более высокий технологический уровень при изготовлении пропульсивных систем подводных и надводных кораблей и судов»⁶.

📈 **Сельское хозяйство** страны увеличило производство продукции на 2,9%, что отчасти объясняется ростом урожая⁷ (табл. 2). СЗФО продемонстрировал высокую относительно остальных федеральных округов динамику производства сельскохозяйственной продукции (прирост на 3,6%), прирост выпуска зафиксирован почти во всех регионах округа. Наибольшим стал темп увеличения показателя в Мурманской и Новгородской областях (на 24,7 и 11% соответственно).

Таблица 2. Динамика производства продукции сельского хозяйства, % к соответствующему периоду предыдущего года

	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	2022 г.	3 мес. 2023 г.	6 мес. 2023 г.	р
РФ	107,3	110,6	110,2	102,9	102,9	-
СЗФО	97,3	100,4	100,7	105,3	103,6	2
Мур	90,8	92,2	92,7	108,1	124,7	1
Нов	88,7	93,4	100,1	114,9	111,0	9
Вол	99,3	105,4	104,8	105,5	105,4	17
Арх	98,9	99,1	99,0	104,0	105,1	19
Кар	98,6	100,7	100,5	103,9	103,9	22
Пск	82,6	89,8	92,0	111,1	103,1	28
Клн	106,3	106,2	104,5	100,9	102,2	37
Лен	102,5	103,1	102,7	102,9	102,1	39
Ком	97,9	96,0	97,0	100,3	101,3	48
НАО	98,5	100,3	101,1	101,5	99,9	60

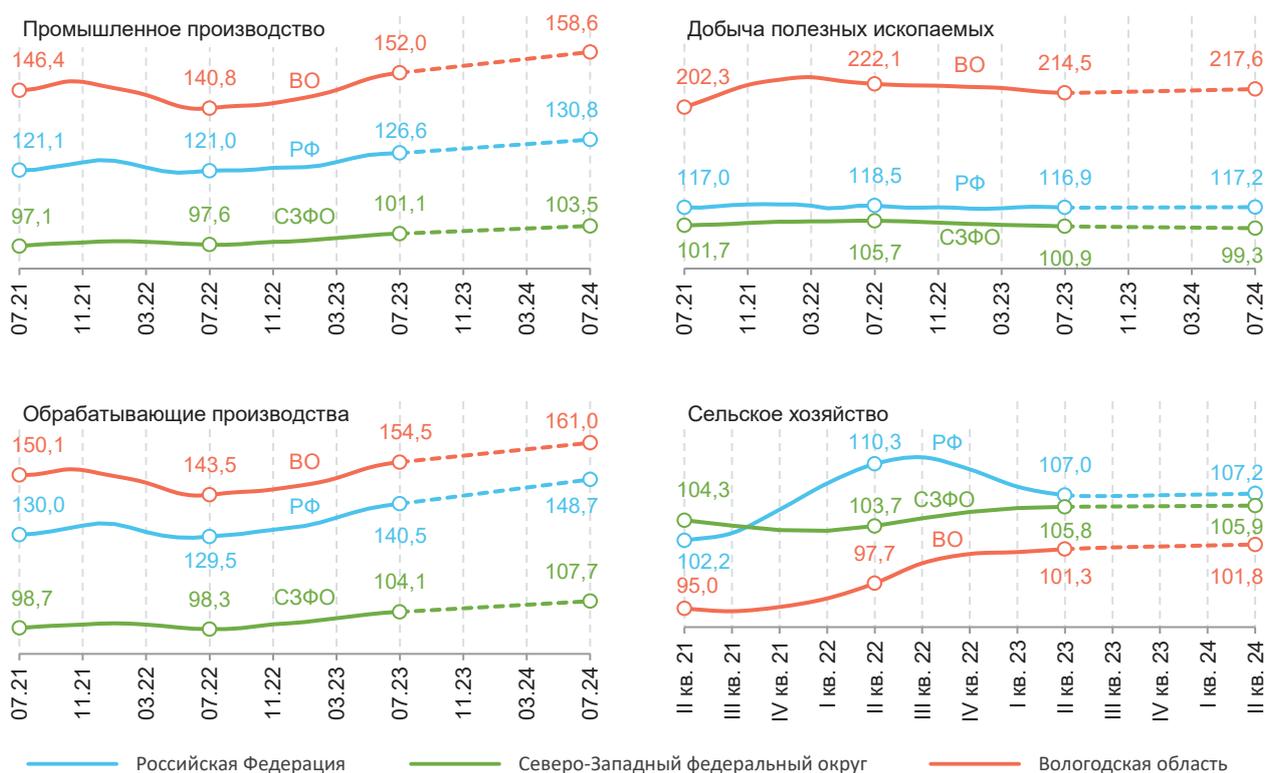
⁴ Группа ПОЛИПЛАСТИК открыла в Ленинградской области первый завод по выпуску оборудования для очистных сооружений. URL: <https://www.polyplastic.ru/press/news/2023/08/28/item20515> (дата обращения 20.09.2023).

⁵ СП с участием «Ростелекома» запустило производство телеком-оборудования за 600 млн руб. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18005841> (дата обращения 20.09.2023).

⁶ «Звездочка» завершила строительство нового цеха судовой пропульсии. URL: <https://www.star.ru/Novosti/Zvyozdochka-zavershila-stroitelstvo-novogo-ceha-sudovoy-propulsii> (дата обращения 20.09.2023).

⁷ В России собрано более 1,4 млн тонн овощей в организованном секторе. URL: <https://mcx.gov.ru/press-service/news/v-rossii-sobrano-bolee-1-4-mln-tonn-ovoshchey-v-organizovannom-sektore> (дата обращения 20.09.2023).

Тренды развития промышленного и с/х производства в 2021–2024 гг., % к уровню 2008 года

На **рынке труда** изменения были отчетливо позитивными.

Уровень безработицы в мае – июле 2023 года в России сократился на 0,8 п. п. до 3,1% (табл. 3). В СЗФО уровень безработицы уменьшился до 2,6%, при этом снижение индикатора отмечено во всех регионах округа, кроме Архангельской области.

Таблица 3. Динамика рынка труда, % к соответствующему периоду предыдущего года

	Май–июль 2022 г.	III кв. 2022 г.	2022 г.	I кв. 2023 г.	Май–июль 2023 г.	Р
Уровень безработицы, % от численности занятых						
РФ	3,9	4,2	4,0	3,5	3,1	-
СЗФО	3,2	3,1	3,1	3,0	2,6	4
СПб	1,6	1,6	1,4	1,7	1,5	1
Нов	3,3	3,3	3,7	3,1	2,4	22
Лен	3,3	2,6	3,0	3,0	2,6	26
Пск	4,3	4,1	4,1	3,5	2,9	37
Клн	3,1	3,3	3,2	3,2	3,0	41
Мур	4,8	4,9	5,2	4,4	3,1	45

Продолжение таблицы 3

Вол	3,4	3,0	3,6	3,1	3,3	50
Ком	7,0	7,5	7,1	6,7	3,6	62
Кар	5,7	6,3	5,8	5,7	5,2	69
Арх	5,5	5,5	5,5	5,6	5,6	72
НАО	6,8	7,5	8,2	6,7	6,2	73
	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	2022 г.	3 мес. 2023 г.	6 мес. 2023 г.	Р
Потребность работодателей в работниках						
РФ	121,3	117,8	115,3	113,5	115,5	-
СЗФО	118,5	115,2	113,4	111,9	115,9	3
Лен	135,2	134,8	133,6	123,0	123,1	16
Нов	120,9	123,1	120,9	114,2	122,7	18
НАО	106,5	109,0	113,0	127,4	120,4	24
СПб	121,9	116,2	114,7	117,1	120,2	25
Арх	100,7	102,9	103,1	107,8	112,7	49
Клн	103,5	103,2	103,4	109,5	112,1	52
Кар	127,6	125,4	123,1	106,5	111,2	53
Вол	119,3	114,8	106,8	97,2	108,8	60
Ком	90,3	93,6	94,0	103,2	107,8	65
Пск	104,9	102,1	99,8	102,6	106,5	70
Мур	122,1	115,6	111,3	94,1	100,1	79

▲ Объем заявленной в службы занятости страны потребности работодателей в работах увеличился на 15,5%, в СЗФО – на 15,9%. Во всех регионах округа за исключением Мурманской области отмечен существенный прирост индикатора, в наибольшей степени – в Ленинградской и Новгородской областях (на 23,1 и 22,7%).

2. Образование доходов

На стадии образования доходов отмечены улучшения.

▲ **Реальные денежные доходы** россиян в первом полугодии 2023 года увеличились на 4% относительно первого полугодия прошлого года, **реальная начисленная заработная плата** – на 6,8% (табл. 4). Реальный размер назначенных пенсий также вырос (на 6,8%). В СЗФО реальные денежные доходы населения повысились на 3,6%, заработная плата – на 5,9%. Увеличение доходов населения отмечено во всех регионах округа за исключением Мурманской области, где значение этого показателя снизилось на 0,9%. Пенсии жителей СЗФО выросли на 6%.

▼ **Сальдированный финансовый результат** организаций РФ в январе – июне сократился на 11,4%, на что отчасти повлияли высокие темпы роста показателя годом ранее (табл. 5). Финансовый результат деятельности организаций СЗФО продемонстрировал снижение на 55,5%, что существенно хуже динамики показателя в остальных федеральных округах. Сокращение предпринимательских доходов затронуло все регионы округа (за исключением Псковской области, в которой уровень индикатора вырос на 46,3%). Существенное влияние на динамику финансового результата деятельности организаций СЗФО оказало снижение показателя в Санкт-Петербурге на 66,1% и в Ненецком автономном округе более чем в 30 раз.

▼ **Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет** страны в первом полугодии 2023 года в целом по России снизилось на 7,4% после прироста на 18,5% годом ранее.

Таблица 4. Динамика образования доходов населения, % к соответствующему периоду предыдущего года

	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	2022 г.	3 мес. 2023 г.	6 мес. 2023 г.	Р
Реальные денежные доходы населения						
РФ	99,9	98,5	98,7	103,0	104,0	-
СЗФО	100,5	98,5	98,9	101,1	103,6	-
Нов	99,1	98,6	100,8	106,0	107,3	-
Лен	100,0	99,0	99,9	103,9	105,2	-
Клн	94,8	94,1	94,4	101,6	104,8	-
Пск	93,8	93,6	95,1	102,1	104,3	-
СПб	105,0	101,4	101,2	101,2	103,9	-
Ком	93,2	93,7	95,0	101,2	103,7	-
Кар	96,9	95,5	96,1	101,5	103,5	-
Арх	93,2	94,0	95,2	100,5	102,3	-
НАО	96,6	97,4	99,1	102,0	102,2	-
Вол	96,8	95,6	95,9	97,4	100,8	-
Мур	96,1	95,8	96,4	95,9	99,1	-
Реальная начисленная заработная плата						
РФ	98,7	98,5	100,3	101,9	106,8	-
СЗФО	98,4	98,1	100,4	101,3	105,9	6
Нов	97,8	97,7	102,9	105,4	108,9	32
Ком	96,6	97,7	99,9	104,2	108,2	39
Пск	97,7	96,8	97,0	103,7	107,4	47
Лен	98,5	98,4	101,4	101,9	107,1	51
Кар	96,1	96,5	99,3	103,2	106,5	58
Арх	93,7	94,4	96,5	104,0	106,4	60
Клн	96,5	95,6	99,7	100,5	106,0	65
СПб	97,5	97,3	100,1	101,2	106,0	65
Вол	102,6	101,0	102,6	96,9	102,9	76
Мур	100,3	99,0	99,4	97,6	102,1	77
НАО	95,8	96,7	99,0	100,0	101,7	78
Реальный размер назначенных пенсий						
РФ	96,3	98,7	99,8	111,9	106,4	-
СЗФО	96,2	98,5	99,5	111,4	106,0	-
Пск	96,6	99,3	100,5	112,9	107,5	-
Ком	96,3	98,8	99,8	113,0	107,1	-
Клн	95,9	98,6	99,5	112,4	106,7	-
Вол	95,8	98,2	99,5	111,8	106,6	-
Нов	98,4	100,7	101,6	111,4	106,5	-
НАО	94,4	96,9	97,7	107,4	106,3	-
Кар	95,0	98,0	99,2	113,2	106,2	-
Лен	98,1	100,2	101,0	111,1	106,1	-
Мур	95,0	96,9	97,5	109,7	105,3	-
СПб	96,2	98,2	99,2	110,9	105,3	-
Арх	97,1	99,2	100,0	112,6	104,1	-

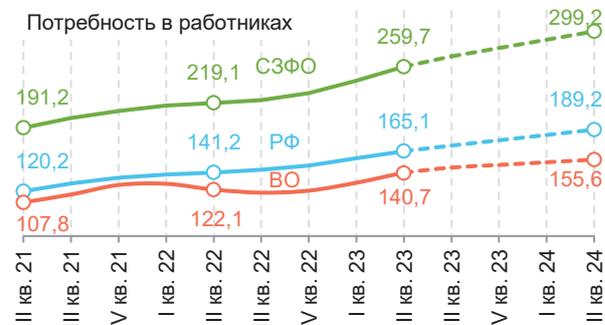
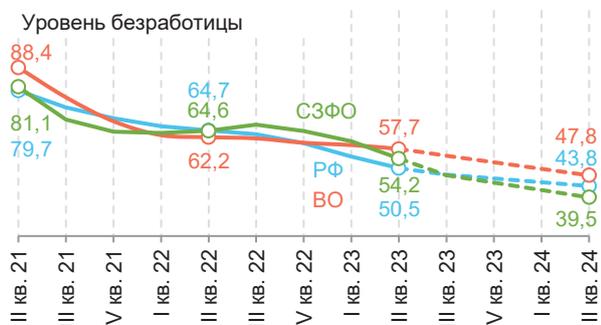
Таблица 5. Динамика образования предпринимательских и государственных доходов, % к соответствующему периоду предыдущего года

	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	2022 г.	3 мес. 2023 г.	6 мес. 2023 г.	Р
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций						
РФ	132,0	97,3	87,4	77,7	88,6	-
СЗФО	134,2	94,6	70,4	40,9	44,5	8
Пск	88,4	103,6	147,0	164,5	146,3	14
Клн	90,6	85,6	86,1	9,7	99,7	34
Лен	155,3	128,4	127,4	89,9	86,0	41
Мур	98,0	79,0	78,4	53,7	79,8	47
Ком	94,5	89,8	72,8	4,7	52,1	61
Вол	253,4	125,8	145,6	165,4	50,3	62
Арх	-	-	200,1	69,3	39,8	68
СПб	119,7	85,9	52,5	31,7	33,9	69
Кар	64,3	44,2	40,8	7,9	28,0	70
Нов	223,3	132,6	89,1	12,6	23,9	71
НАО	229,3	724,7	491,8	-	3,2	74

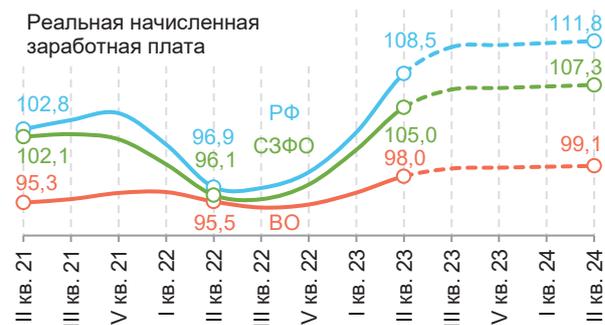
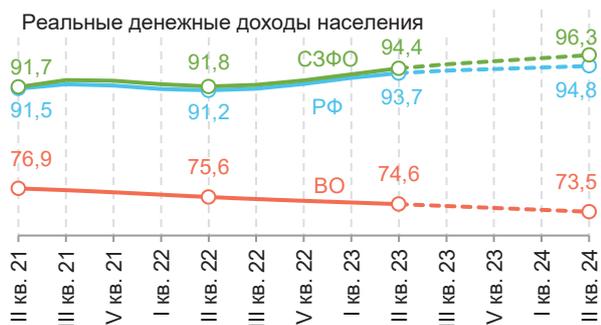
Продолжение таблицы 5

Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет РФ						
РФ	118,5	108,6	105,2	125,8	92,6	-
СЗФО	108,8	97,5	94,5	121,2	114,4	-
Мур	164,0	96,7	64,9	201,3	164,1	-
Лен	86,9	86,6	89,3	99,8	161,6	-
СПб	94,8	85,0	88,9	111,2	140,6	-
Вол	134,1	104,4	96,7	138,7	129,8	-
Пск	101,7	102,3	103,2	115,7	124,5	-
Кар	90,0	83,5	78,0	97,3	94,8	-
Арх	111,9	116,0	110,2	136,6	86,3	-
Нов	170,1	136,8	102,5	154,7	82,6	-
Ком	180,9	150,5	127,3	151,8	69,9	-
Клн	67,3	60,4	60,4	67,1	59,1	-
НАО	226,9	182,7	147,5	162,1	31,3	-

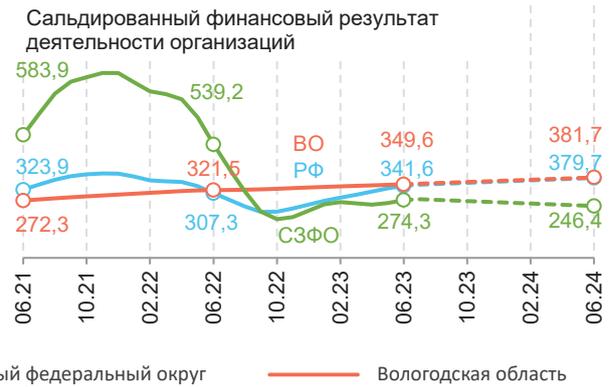
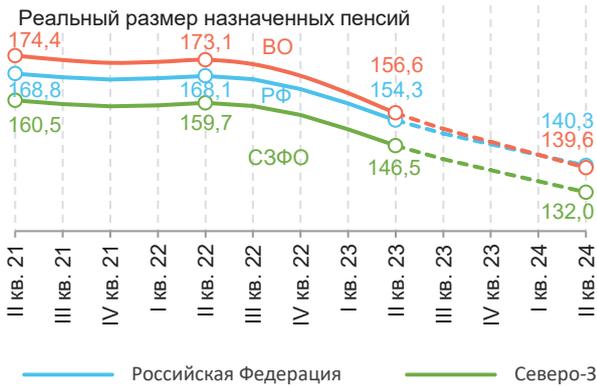
Тренды развития рынка труда в 2021–2024 гг., % к уровню 2008 года

Тренды образования доходов в экономике в 2021–2024 гг., % к уровню 2008 года

— Российская Федерация — Северо-Западный федеральный округ — Вологодская область

⬆️ В СЗФО поступления в консолидированный бюджет существенно выросли (на 14,4%) за счет положительной динамики в Мурманской и Ленинградской областях, а также Санкт-Петербурге (увеличение поступлений составило 64,1, 61,6 и 40,6% соответственно). В то же время в ряде регионов отмечено резкое ухудшение показателя: в Ненецком автономном округе спад составил 68,7%, в Калининградской области – на 40,9%, в Республике Коми – на 30,1%.

3. Конечное использование

В сфере **потребительского спроса** показатели демонстрируют восстановительное улучшение.

⬆️ **Оборот розничной торговли** в целом по России вернулся к росту (на 2,4% после снижения на 3,7% годом ранее; табл. 6). В СЗФО также отмечено увеличение оборота торговли (на 1,8%). Прирост показателя зафиксирован в большинстве регионов округа, в наибольшей степени в республиках Карелия и Коми (на 6,7 и 4,5% соответственно). В целом по России оборот розничной торговли непродовольственными товарами увеличился на 3,7%, продовольственными – 1,2%. В СЗФО увеличение оборота торговли непродовольственными товарами (в целом по макрорегиону – на 1,5%) обусловлено в первую очередь ростом показателя в Республике Карелии и Санкт-Петербурге (на 12,1 и 1,9% соответственно), при этом в Псковской и Калининградской областях оборот розничной торговли непродовольственными товарами сократился на 4,4 и 4,2% со-

ответственно. Оборот продовольственных товаров в СЗФО вырос на 2,2%, что связано преимущественно с увеличением показателя в Республике Коми и Санкт-Петербурге (на 4,3 и 4,2% соответственно). При этом в Вологодской области зафиксировано снижение оборота торговли продовольственными товарами на 7,9%.

⬆️ Объем оказанных населению страны платных услуг увеличился на 4%, в СЗФО прирост индикатора составил 2,8% (после 7,2 и 5% соответственно годом ранее). Значимый вклад в динамику показателя по макрорегиону внесла Ленинградская область (+7,4%). В то же время в Ненецком автономном округе зафиксировано наибольшее в стране снижение объема платных услуг населению (на 16%).

⬇️ **Потребительская инфляция** в России и СЗФО замедлилась и составила 3,4% к декабрю предыдущего года (годом ранее индекс потребительских цен был на уровне 111 и 110,4% соответственно). Цены на непродовольственные товары в целом по стране продемонстрировали прирост на 2,1%, на продовольственную продукцию – на 2,7%, на услуги ЖКХ – на 2,6%. В СЗФО непродовольственные товары, как и в стране в целом, дорожали медленнее, чем продовольственные (на 2,0 и 2,3% соответственно). Цены на услуги ЖКХ в макрорегионе выросли на 3,4%. Отметим, что промышленная инфляция внесла негативный вклад в динамику потребительских цен.

Таблица 6. Динамика потребительского рынка, % к соответствующему периоду предыдущего года

	7 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	2022 г.	3 мес. 2023 г.	7 мес. 2023 г.	Р
Оборот розничной торговли						
РФ	96,3	94,7	93,5	93,1	102,4	-
СЗФО	97,4	95,3	93,7	91,3	101,8	6
Кар	90,4	90,1	90,2	97,3	106,7	13
Ком	91,0	91,0	91,6	97,2	104,5	31
СПб	97,4	94,3	92,0	88,6	102,7	40
Нов	98,5	97,8	98,8	98,0	101,7	51
Лен	102,8	99,7	96,5	90,8	100,8	59
Арх	93,7	93,1	92,9	95,1	100,7	60
Мур	99,4	99,4	99,4	99,4	100,5	62
Пск	99,1	98,6	97,6	94,4	99,3	65
Клн	98,3	97,4	96,7	93,2	99,2	67
Вол	93,0	91,8	91,5	85,9	98,3	72
НАО	101,3	100,8	99,7	94,7	97,3	78
Объем платных услуг населению						
РФ	107,2	106,6	105,0	102,8	104,0	-
СЗФО	105,0	105,0	104,8	103,9	102,8	6
Лен	108,9	109,4	107,5	105,8	107,4	6
Кар	103,5	102,7	101,8	105,3	103,7	20
СПб	106,1	106,2	106,4	105,6	103,7	20
Клн	105,1	104,5	103,9	101,9	102,5	28
Пск	101,4	101,3	101,4	103,1	101,9	39
Вол	104,1	104,0	103,4	100,5	100,7	54
Арх	97,1	98,2	98,5	102,3	100,4	60
Мур	102,5	101,7	100,6	100,2	100,0	61
Нов	102,4	102,4	102,0	100,2	99,7	65
Ком	104,8	104,1	104,0	96,3	96,1	79
НАО	107,5	111,2	108,9	85,4	84,0	83
Индекс потребительских цен (к декабрю предыдущего года)						
РФ	111,0	110,5	111,9	101,7	103,4	-
СЗФО	110,4	110,3	111,9	101,9	103,4	6
НАО	112,3	109,6	115,6	100,5	101,8	5
Пск	111,0	110,4	112,0	101,4	102,4	12
Мур	113,0	112,5	115,3	101,0	102,8	24
Вол	110,8	110,9	112,6	101,4	103,2	44
Клн	111,5	110,8	112,9	101,2	103,2	44
Нов	110,0	109,4	111,1	101,9	103,3	51
СПб	109,8	110,0	111,5	101,9	103,3	51
Лен	109,5	109,2	110,8	102,2	103,4	57
Ком	111,1	110,0	111,4	102,1	103,9	70
Кар	111,5	110,1	111,8	102,4	104,3	81
Арх	111,6	111,0	111,9	102,4	104,9	83
Индекс цен производителей промышленных товаров (к декабрю предыдущего года)						
РФ	102,3	100,4	96,7	102,6	110,5	-
СЗФО	101,9	102,6	102,4	101,9	107,1	3
Арх	103,1	99,8	100,2	95,8	96,7	2
Нов	101,1	100,7	101,6	101,2	100,7	8
Клн	107,1	106,4	105,5	99,1	101,2	10
Пск	103,4	106,6	105,4	101,9	103,3	21
СПб	114,3	115,9	115,3	102,1	104,4	28
Лен	105,4	110,5	108,9	101,8	106,2	38
Ком	94,6	90,7	89,0	98,1	108,2	52
Мур	93,5	106,5	121,0	104,8	109,8	60
Вол	81,9	76,6	77,3	103,7	110,9	66
Кар	90,3	92,8	93,6	105,7	116,1	74
НАО	108,7	101,2	76,0	97,8	125,1	80

✓ В целом по России и СЗФО цены производителей промышленных товаров продемонстрировали прирост на 10,5 и 7,1% соответственно, что значительно выше прироста в предыдущем году (на 2,3 и 1,98% соответственно). Наиболее существенным было подорожание продукции промышленности Ненецкого автономного округа – более чем на четверть. Позитивным явлением стало снижение цен производителей промышленных товаров в Архангельской области (3,3%).

↗ В **строительстве** России значительно ускорился рост объема выполненных работ (на 8,7% после 4,3% годом ранее; табл. 7). Динамика строительства в СЗФО также была позитивной, хоть и худшей среди остальных федеральных округов (объем выполненных строительных работ увеличился на 0,5%). В регионах округа отмечено как значительное увеличение объема выполненных строительных работ, так и резкое снижение активности в развитии данного направления. В частности, в Новгородской области объем выполненных строительных работ вырос на 46,9%, в Калининградской области – на 15,5%. В то же время в Мурманской области снижение показателя составило 36,4%, в Псковской области – почти четверть.

✓ **Ввод жилья** в целом по России замедлился на 1%. В СЗФО снижение оказалось более существенным (на 3,5%), в большинстве регионов округа динамика этого показателя была негативной, а в Мурманской области – худшей среди остальных регионов страны. Отметим, что на индекс ввода жилья в Мурманской области и Ненецком автономном округе отчасти повлияло высокое значение показателя годом ранее. Заметное увеличение показателя ввода жилых домов отмечено в Архангельской, Новгородской и Вологодской областях (на 15,4, 10,5 и 8,5% соответственно).

↗ **Объем выданных ипотечных кредитов** возобновил прирост: в целом по стране увеличение составило 60,8%, в СЗФО – 35,5% (что, впрочем, стало худшим результатом среди федеральных округов). Эксперты считают всплеск спроса временным, связанным с ожидаемым усложнением условий полу-

чения льготной ипотеки⁸. В большинстве регионов округа увеличение объема ипотечного кредитования перекрыло спад аналогичного периода годом ранее, при этом заметным исключением стал Санкт-Петербург, ипотечное кредитование в котором возросло на 19,5% после снижения на 34,6% в прошлом году.

Таблица 7. Динамика строительства, % к соответствующему периоду предыдущего года

	7 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	2022 г.	3 мес. 2023 г.	7 мес. 2023 г.	Р
Объем работ по ВЭД «Строительство»						
РФ	104,3	104,4	105,2	108,8	108,7	-
СЗФО	94,5	91,1	89,5	100,3	100,5	8
Нов	81,1	89,0	112,5	66,8	146,9	10
Клн	106,9	115,2	117,5	129,7	115,5	35
СПб	97,2	97,5	98,0	106,7	111,1	43
Кар	161,2	138,6	135,2	122,3	108,0	47
Лен	101,4	89,3	79,4	84,1	101,6	55
Вол	75,5	74,1	72,9	124,5	89,8	69
НАО	88,0	83,2	95,3	112,8	87,9	71
Арх	91,1	78,4	59,1	112,6	80,1	75
Ком	68,0	66,9	66,9	120,5	79,4	76
Пск	89,6	107,0	107,1	46,4	76,0	77
Мур	88,0	78,5	87,0	71,9	63,6	81
Ввод жилых домов						
РФ	138,1	126,5	111,0	98,8	99,0	-
СЗФО	124,5	114,9	108,4	89,9	96,5	5
Арх	104,2	99,4	100,9	101,1	115,4	25
Нов	117,6	122,3	111,9	109,6	110,5	33
Вол	145,2	127,9	101,4	106,5	108,5	35
СПб	116,8	99,5	100,3	91,0	102,4	47
Лен	121,2	117,4	117,2	94,3	98,7	54
Ком	172,2	146,9	113,0	82,3	96,5	57
Кар	147,1	142,7	95,5	85,8	92,1	65
Пск	131,7	119,0	108,0	65,1	81,9	75
Клн	124,7	122,5	103,7	82,9	80,7	76
НАО	300,3	276,4	200,8	39,9	60,5	81
Мур	474,4	423,2	355,2	20,8	20,7	83
Объем выданных ипотечных кредитов						
РФ	64,0	71,6	75,5	94,5	160,8	-
СЗФО	63,3	69,2	70,7	79,8	135,5	8
Клн	55,1	59,9	62,9	88,1	172,3	35
Кар	55,0	61,8	68,3	93,4	165,2	53
Пск	62,7	70,7	72,6	97,0	162,4	62
Вол	62,4	67,3	70,3	91,2	159,2	65
Нов	61,2	69,3	73,7	88,2	158,0	66
Ком	57,3	64,9	70,7	94,6	155,1	68
Мур	64,8	74,2	77,4	90,6	156,6	69
НАО	66,1	79,2	73,3	107,9	156,1	72
Арх	58,4	66,2	72,8	88,1	150,9	74
Лен	64,9	73,5	76,2	89,9	146,4	77
СПб	65,4	70,0	69,5	71,0	119,5	83

⁸ Дому время: выдачи ипотеки подскочили на 10–50% в августе. URL: <https://iz.ru/1573510/roza-almakunova-evgenii-grachev/domu-vremia-vydachi-ipoteki-podskochili-na-10-50-v-avguste> (дата обращения 19.09.2023).

📈 **Инвестиции в основной капитал** страны в первом полугодии 2023 года увеличились на 7,6% (табл. 8). Интересным моментом стал резкий рост продаж такого инвестиционного товара как новые грузовые автомобили (на 66,5%)⁹. В СЗФО индекс инвестиций также был положительным (103,2%). При этом в регионах округа динамика инвестиционной активности существенно различалась: отмечено как значительное увеличение объема инвестиций в основной капитал (к примеру, в Калининградской и Новгородской областях и Санкт-Петербурге – на 42,9; 34,8 и 11,8% соответственно), так и глубокий спад показателя (в Мурманской и Вологодской областях и Республике Карелии – на 27,7; 25,2 и 23,5% соответственно). В целом снижение инвестиционной активности затронуло в первую очередь регионы, ключевая продукция промышленности которых (энергосырьевые товары, металлопрокат и т. д.) поставлялась на рынки недружественных стран.

Таблица 8. Динамика инвестиций в основной капитал, % к соответствующему периоду предыдущего года

	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	2022 г.	3 мес. 2023 г.	6 мес. 2023 г.	Р
РФ	107,6	105,4	104,6	100,7	107,6	-
СЗФО	99,0	93,0	95,0	104,5	103,2	7
Клн	136,8	125,8	120,2	158,4	142,9	5
Нов	98,5	96,0	101,7	133,9	134,8	9
СПб	89,4	85,2	94,9	105,1	111,8	34
Лен	135,8	121,5	111,6	123,8	110,9	35
Арх	105,7	86,0	86,7	129,0	104,4	51
Пск	59,1	65,2	70,9	87,6	103,6	52
Ком	80,8	84,1	82,6	86,0	97,1	65
НАО	89,9	95,3	104,5	101,8	90,2	69
Кар	112,9	105,6	103,7	68,0	76,5	78
Вол	79,5	74,7	70,4	78,9	74,8	80
Мур	96,0	84,3	84,4	73,3	72,3	82

⁹ Продажи новых грузовиков в июне и 1 полугодии 2023 года. URL: <https://www.autostat.ru/press-releases/55071> (дата обращения 20.09.2023).

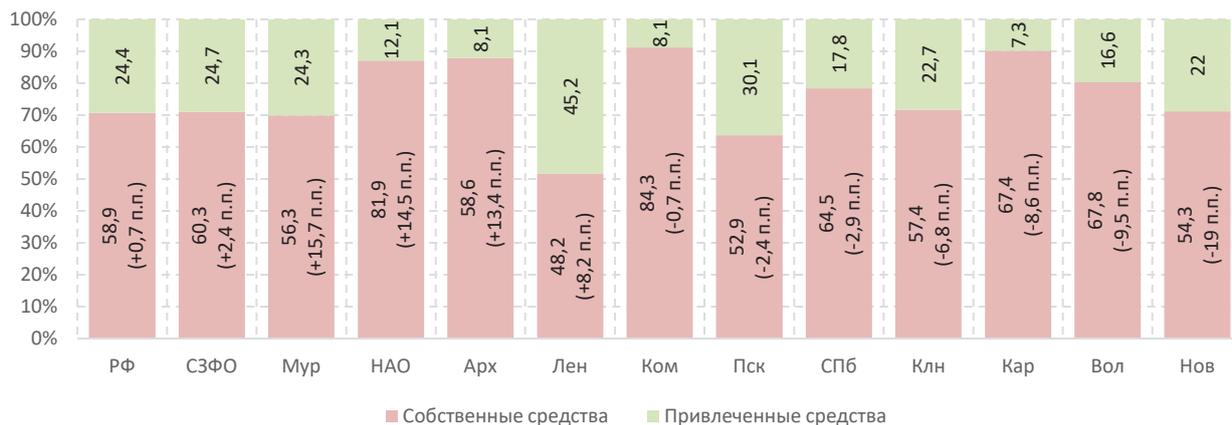

Рис. 5. Структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования в январе – июне 2023 года по регионам СЗФО*, %

* В скобках указано изменение показателя к январю–июню 2022 г.

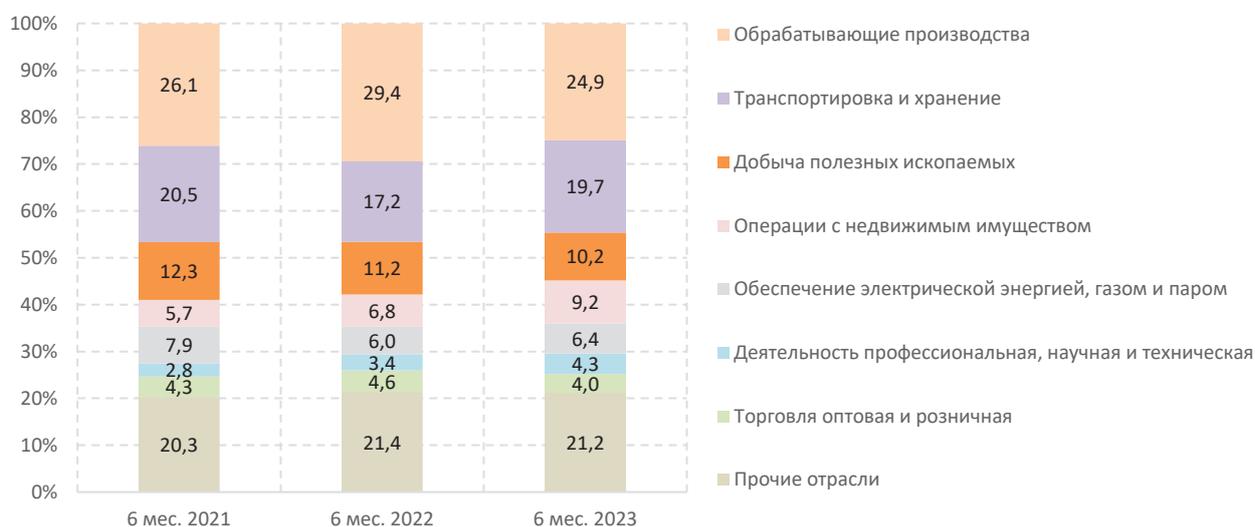

Рис. 6. Структура инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности в январе – июне 2021–2023 гг. по регионам СЗФО, %

При этом в первом полугодии 2023 года несколько изменилась структура источников финансирования инвестиций в основной капитал – в целом по стране доля собственных средств увеличилась на 0,7 п. п., в СЗФО – на 2,4 п. п. (достигнув 58,9 и 60,3% соответственно; рис. 5). Причина во многом заключается в последовательном повышении ключевой ставки¹⁰, в свою очередь усложнившим получение предпринимательских кредитов.

В структуре инвестиций в основной капитал СЗФО по видам экономической деятельности в январе – июне 2023 года отме-

чен переток средств из обрабатывающей промышленности в транспортировку и хранение, а также в деятельность по операциям с недвижимым имуществом (рис. 6). Помимо этого, отмечено увеличение доли инвестиций в профессиональную, научную и техническую деятельность.

Цены на мировых рынках в январе – июне 2023 года на наиболее значимые для экспорта страны товары существенно снизились: природный газ подешевел на 56,2%, металлопрокат – на 29,4%, фосфорсодержащие удобрения – на 30,5%, нефть – почти на

¹⁰ Банк России повысил ключевую ставку сразу до 8,5%. URL: <https://www.rbc.ru/finances/21/07/2023/64b995319a7947a84fc5647e> (дата обращения 19.09.2023).

четверть (табл. 9). Отметим, что во всех случаях кроме металлопроката снижение цен не превысило подорожания годом ранее.

На начало сентября 2023 года цены на металлопродукцию на мировом рынке демонстрируют снижение (за исключением оцинкованных листов), тогда как на внутреннем отмечен существенный рост (табл. 10, 11). Одной из причин выступил валютный фактор ценообразования на российском рынке: в сентябре 2022 года курс доллара колебался в диапазоне 57–60 руб., в сентябре 2023 года – 94–98 руб.

Таблица 9. Динамика мировых цен на товары, % к соответствующему периоду предыдущего года

	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	2022 г.	3 мес. 2023 г.	6 мес. 2023 г.
Нефть	163,6	153,1	140,6	81,8	75,3
Газ	419,9	385,8	250,2	51,6	43,8
Мет.	126,2	105,5	102,1	74,4	70,6
ФУ	154,8	143,1	128,5	77,6	69,5

Условные обозначения: Мет. – металлопрокат, ФУ – фосфатные удобрения.

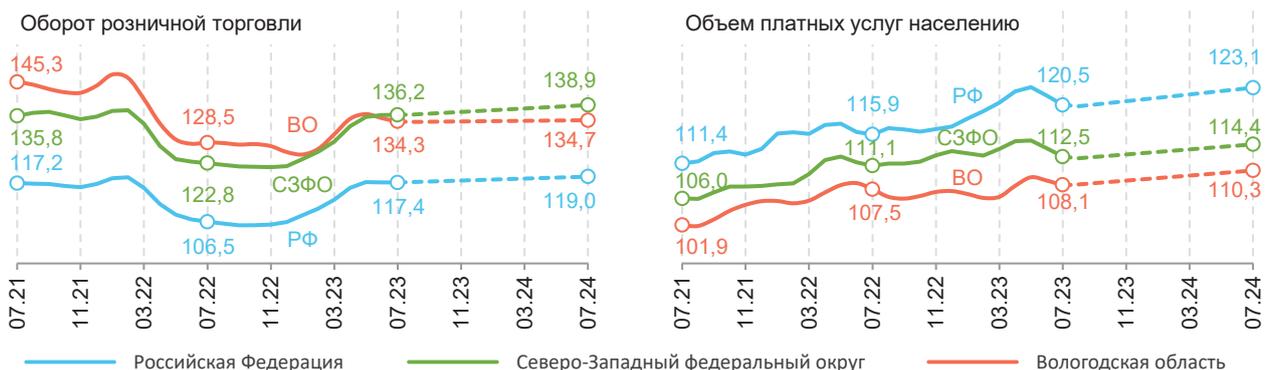
Таблица 10. Цены на металлопродукцию на мировом рынке (страны ЕС) за тонну (на начало сентября соответствующего года)

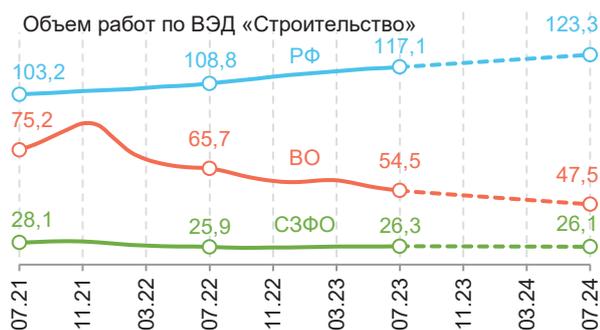
Вид металлопродукции	Единица измерения	2023 г.	2022 г.	2021 г.	2023 г., % к	
					2022 г.	2021 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	долл. США	803	825	1380	97,3	58,2
Лист оцинкованный	долл. США	880	873	1405	100,9	62,6
Лист горячекатаный	долл. США	680	710	1155	95,8	58,9
«Длинный» прокат						
Арматурная сталь	долл. США	753	895	888	84,1	84,7
Конструкционные профили	долл. США	940	1025	1258	91,7	74,7
Сортовой прокат	долл. США	885	990	1090	89,4	81,2

Таблица 11. Цены на металлопродукцию на российском рынке за тонну (на начало сентября соответствующего года)

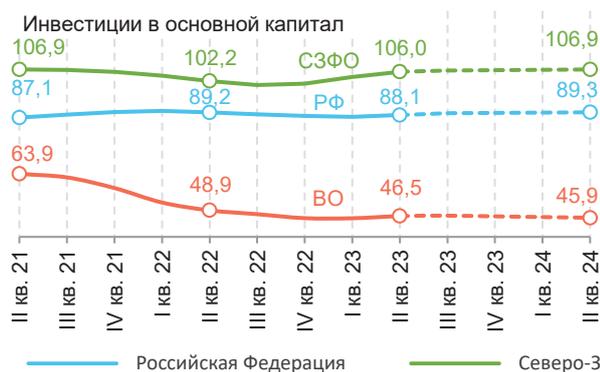
Вид металлопродукции	Единица измерения	2023 г.	2022 г.	2021 г.	2023 г., % к	
					2022 г.	2021 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	руб.	87063	61057	75883	142,6	114,7
Лист оцинкованный	руб.	116333	77350	102000	150,4	114,1
Лист горячекатаный	руб.	84125	54471	70929	154,4	118,6
«Длинный» прокат						
Арматура	руб.	66758	51433	65772	129,8	101,5
Балка и швеллер	руб.	83721	67249	80272	124,5	104,3
Круг	руб.	68200	49900	62200	136,7	109,6
Уголок	руб.	73111	60856	65371	120,1	111,8

Тренды развития потребительского рынка и строительства в 2021–2024 гг., % к уровню 2008 года

Тренды развития инвестиционной активности и внешней торговли в 2021–2024 гг., % к уровню 2008 года

— Российская Федерация — Северо-Западный федеральный округ — Вологодская область

Подводя итог, отметим, что в январе – июле 2023 года экономика страны во многом перешла к восстановительному росту, продемонстрировав увеличение выпуска реального сектора, замедление инфляции и наращивание активности в инвестиционной сфере. Экономика СЗФО адаптировалась медленнее: в макрорегионе сократился выпуск продукции базовых видов деятельности, уменьшились доходы предпринимателей, снизились мировые цены на ключевые экспортируемые товары. В сложившихся условиях сохраняется важность активизации усилий по развитию потребительского спроса и ускоренной модернизации обрабатывающей промышленности. В качестве примера

уже реализованных мер можно привести постановления Правительства РФ о расширении возможностей применения механизма инвестиционной тарифной льготы¹¹, а также о дополнительном выделении 30 млрд руб. на повышение зарплаты бюджетников¹².

Источники: Росстат, Банк России, Федеральная налоговая служба, metaltorg.ru, metalinфо.ru, indexmundi.com

Материал подготовил
М.А. Сидоров
научный сотрудник
ФГБУН ВолНЦ РАН

¹¹ Распоряжение Правительства РФ от 15 августа 2023 г. № 1328 о расширении возможности применения механизма инвестиционной тарифной льготы.

¹² Распоряжение Правительства РФ от 1 сентября 2023 г. № 2351-р о выделении свыше 30 млрд рублей на повышение зарплаты бюджетников.

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В АВГУСТЕ 2023 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.12 • УДК 316.658(470.12) • ББК 60.527(2Рос-4Вол)

В июле – августе 2023 года ФГБУН ВолНЦ РАН провел очередной этап мониторинга общественного мнения о социально-экономической и политической ситуации в стране и регионе. Результаты исследования представлены в нижеследующем материале, а также в приложении «Мониторинг социальных настроений».

Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН (ранее – ИСЭРТ РАН) проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском, Кирилловском, Никольском муниципальных округах и Шекснинском муниципальном районе. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

В исследовании анализируется динамика оценок в разрезе 14 социально-демографических категорий, выделенных по:

- полу (мужчины, женщины);
- возрасту (до 30 лет, от 30 до 55 лет, старше 55 лет);
- уровню образования (среднее и неполное среднее, среднее специальное, высшее);
- самооценке уровня доходов (20% наименее обеспеченных, 60% среднеобеспеченных, 20% наиболее обеспеченных);
- территории проживания (г. Вологда, г. Череповец, районы области).

Для обработки социологической информации и анализа данных используется индексный метод. Для расчета индексов из доли положительных ответов (в процентах) вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, сплошь положительные – 200, равновесие первых и вторых – индекс 100, являющийся, по сути, нейтральной отметкой.

🟡 В августе 2023 года по сравнению с июнем 2023 года социальное настроение жителей области существенно не изменилось: доля положительных оценок сохранилась на уровне 65%, отрицательных – 30%. Соответствующий индекс составляет 136 п. (табл. 1).

🟢 В разрезе социально-демографических групп населения наиболее заметное улучшение индекса социального настроения наблюдается в возрастной группе до 30 лет (на 6 п., со 152 до 158 п.), среди жителей областного центра (на 7 п., со 120 до 127 п.).

Для цитирования: Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э. (2023). Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в августе 2023 года // Проблемы развития территории. Т. 27. № 5. С. 182–190. DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.12

For citation: Dement'eva I.N., Leonidova E.E. (2023). Monitoring of social well-being of the Vologda Oblast population in August 2023. *Problems of Territory's Development*, 27 (5), 182–190. DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.12

Таблица 1. Динамика некоторых показателей социального самочувствия населения Вологодской области*, % от числа опрошенных

Показатель	Вариант ответа	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Дек. 2022	Февр. 2023	Апр. 2023	Июнь 2023	Авг. 2023	Изменение (+/-), авг. 2023 к	
																июнь 2023	авг. 2022
Настроение	Прекрасное настроение; нормальное состояние	67,3	68,7	71,2	69,9	61,0	66,7	67,3	70,0	64,1	65,6	62,6	64,2	64,1	65,4	+1	-5
	Испытываю напряжение, раздражение; страх, тоску	27,0	25,9	23,1	24,5	30,4	27,3	28,1	24,8	31,1	30,9	31,6	29,9	30,9	29,6	-1	+5
	Индекс социального настроения	140,3	142,8	148,2	145,5	130,6	139,4	139,3	145,2	133,0	134,7	131,0	134,3	133,2	135,8	+3	-9
Запас терпения	Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть	76,6	78,4	77,1	77,0	72,3	75,8	76,9	79,3	75,4	75,6	75,7	75,9	75,7	77,0	+1	-2
	Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	15,8	14,5	16,3	17,2	19,9	17,7	16,1	14,1	16,0	14,7	15,5	15,4	14,9	13,9	-1	0
	Индекс запаса терпения	160,8	163,9	160,8	158,8	152,5	158,1	160,8	165,2	159,4	160,9	160,2	160,5	160,8	163,1	+2	-2

* Согласно методике проведения исследования, ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. п. не учитываются, в таблицах они выделены синим цветом; изменения с разницей в 3–4 п. п. считаются незначительными.

Оценки запаса терпения в среднем по региону сохранились на уровне двухмесячной давности: доля тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», составила 77%, удельный вес тех, кто не в состоянии «терпеть бедственное положение», – 14%. Соответствующий индекс равен 163 п. За период с июня по август 2023 года оценки запаса терпения наиболее заметно улучшились в 60%-й группе среднеобеспеченных (на 6 п., со 164 до 170 п.), в Череповце (на 8 п., со 163 до 171 п.). В остальных категориях они существенно не изменились.

В августе 2023 года по сравнению с августом 2022 года показатели социального настроения ухудшились: соответствующий индекс уменьшился на 9 п. (со 145 до 136 п.). Индекс запаса терпения не претерпел существенных изменений (163 п.).

В динамике самооценок материального положения в среднем по области в августе 2023 года не произошло существенных из-

менений. Незначительное снижение фактических доходов наблюдалось среди людей, входящих (по субъективным оценкам) в 20%-ю группу наименее обеспеченных (с 11969 до 11600 руб.) и в 20%-ю группу наиболее обеспеченных (с 41634 до 41358 руб., табл. 2).

В августе 2023 года по сравнению с августом 2022 года уровень доходов возрос во всех группах населения.

В период с июня по август 2023 года характер суждений об экономическом положении России и области существенно не изменился. Доля положительных оценок ситуации в стране и регионе сохранилась на уровне 13 и 14%, отрицательных – на уровне 30 и 33% соответственно (табл. 3). В распределении по социально-демографическим группам заметные положительные изменения произошли в возрастной группе от 30 до 55 лет (на 8 п., с 78 до 86 п.), в Вологде (на 12 п., с 67 до 79 п.) и Череповце (на 7 п., с 79 до 86 п.). В оценках экономической ситуации в регио-

Таблица 2. Доход на одного члена семьи и соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума (в распределении по доходным группам)

Доходная группа	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Дек. 2022	Февр. 2023	Апр. 2023	Июнь 2023	Авг. 2023	Изменение (+/-), авг. 2023 к	
															июнь 2023	авг. 2022
Доход на одного члена семьи, руб.																
20% наименее обеспеченных	4330	5430	6602	7792	7546	8529	10008	10595	10414	10347	11032	11639	11969	11600	-369	+1005
60% среднеобеспеченных	9293	11708	13251	14113	14031	15741	17503	17645	18187	18833	19566	19873	20381	20432	+51	+2787
20% наиболее обеспеченных	19907	23624	27433	28267	28207	30338	37250	36385	40641	37550	38849	40600	41634	41358	-276	+4973
Среднее по области	10425	12837	14757	15686	15570	17220	19953	19987	21123	20879	21714	22385	22949	22864	-85	+2877
Прожиточный минимум, руб.*	6563	9639	10658	11042	11509	11767	13633	14059	14059	14059	14519	14519	14519	14519	0	+460
Соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума по доходным группам, раз																
20% наименее обеспеченных	0,7	0,6	0,6	0,7	0,7	0,7	0,7	0,8	0,7	0,7	0,8	0,8	0,8	0,8	0	0
60% среднеобеспеченных	1,4	1,2	1,2	1,3	1,2	1,4	1,3	1,3	1,3	1,3	1,3	1,4	1,4	1,4	0	+0,1
20% наиболее обеспеченных	3,0	2,5	2,6	2,6	2,5	2,6	2,7	2,6	2,9	2,7	2,7	2,8	2,9	2,8	-0,1	+0,2
Среднее по области	1,6	1,3	1,4	1,4	1,4	1,5	1,5	1,4	1,5	1,5	1,5	1,5	1,6	1,6	0	+0,2
*Источник: Постановления Правительства Вологодской области «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Вологодской области» // Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: https://vologda-oblast.ru																

Таблица 3. Динамика оценок экономического и материального положения, % от числа опрошенных

Показатель	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Дек. 2022	Февр. 2023	Апр. 2023	Июнь 2023	Авг. 2023	Изменение (+/-), авг. 2023 к	
															июнь 2023	авг. 2022
Экономическое положение России																
Хорошее	10,7	6,2	14,4	14,6	11,7	11,5	11,7	13,0	9,7	11,9	9,8	10,1	12,3	13,2	+1	0
Среднее	51,2	46,6	43,9	44,6	42,9	42,7	42,3	43,7	42,3	41,9	43,9	43,3	43,3	44,1	+1	0
Плохое	25,5	35,5	27,2	26,1	31,1	30,8	32,9	30,5	34,8	34,6	32,2	30,7	29,4	30,4	+1	0
Индекс	85,2	70,7	87,2	88,6	80,6	80,8	78,7	82,5	74,9	77,3	77,6	79,4	82,9	82,8	0	0
Экономическое положение области																
Хорошее	9,9	5,2	11,8	11,5	10,8	10,9	11,1	13,1	10,6	12,4	11,2	12,5	14,9	14,4	-1	+1
Среднее	49,4	39,9	39,2	41,3	38,3	40,4	40,1	41,3	39,1	41,7	44,5	44,4	42,9	41,3	-2	0
Плохое	29,4	43,0	36,9	34,9	36,9	35,9	36,5	34,6	37,6	34,5	32,8	32,3	30,8	33,1	+2	-2
Индекс	80,5	62,2	74,9	76,6	73,9	75,0	74,6	78,5	73,0	77,9	78,4	80,2	84,1	81,3	-3	+2
Материальное положение семьи																
Хорошее	10,1	7,9	11,8	10,2	9,2	8,4	8,8	10,2	8,8	9,3	9,0	8,2	10,8	11,9	+1	+2
Среднее	54,2	49,5	48,7	50,1	46,2	48,6	47,9	46,7	48,6	48,5	50,7	50,6	50,4	50,9	+1	+4
Плохое	27,4	31,2	30,2	29,7	33,0	32,4	32,2	31,2	30,3	31,3	30,2	28,5	28,1	26,6	-2	-5
Индекс	82,7	76,7	81,6	80,4	76,2	76,0	76,7	79,0	78,5	78,0	78,8	79,7	82,7	85,3	+3	+6

не существенных изменений не наблюдалось, за исключением 20%-й группы наиболее обеспеченных, в которой соответствующий индекс снизился на 12 п. (со 107 до 95 п.).

🟡 В период с августа 2022 года по август 2023 года оценки экономической ситуации в стране и области сохранились: соответствующие индексы остались на уровне 83 и 81 п.

Таблица 4. Динамика оценок политической обстановки, % от числа опрошенных

Показатель	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Дек. 2022	Февр. 2023	Апр. 2023	Июнь 2023	Авг. 2023	Изменение (+/-), авг 2023 к	
															июнь 2023	авг. 2022
В России																
Благополучная, спокойная	39,8	25,5	40,4	45,0	41,0	37,2	27,5	28,6	22,3	22,8	22,0	22,9	23,4	22,3	-1	-6
Напряженная, критическая, взрывоопасная	43,2	58,7	45,6	41,6	43,2	47,2	56,9	54,0	61,4	62,9	64,3	63,0	62,0	63,8	+2	+10
<i>Индекс</i>	<i>96,6</i>	<i>66,8</i>	<i>94,8</i>	<i>103,5</i>	<i>97,8</i>	<i>89,9</i>	<i>70,6</i>	<i>74,6</i>	<i>60,9</i>	<i>59,9</i>	<i>57,7</i>	<i>59,9</i>	<i>61,4</i>	<i>58,5</i>	<i>-3</i>	<i>-16</i>
В области																
Благополучная, спокойная	51,8	46,0	54,9	58,0	53,9	53,7	47,9	50,2	44,1	48,5	47,2	48,9	50,3	50,0	0	0
Напряженная, критическая, взрывоопасная	31,8	39,1	33,3	31,5	32,9	34,3	40,4	38,5	45,2	43,1	43,0	41,0	39,8	41,1	+1	+3
<i>Индекс</i>	<i>120,0</i>	<i>106,9</i>	<i>121,6</i>	<i>126,4</i>	<i>121,0</i>	<i>119,8</i>	<i>107,5</i>	<i>111,7</i>	<i>98,9</i>	<i>105,4</i>	<i>104,2</i>	<i>107,9</i>	<i>110,5</i>	<i>108,9</i>	<i>-2</i>	<i>-3</i>

Оценки материального положения семьи в среднем по области не претерпели существенных изменений: удельный вес тех, кто считает его хорошим, сохранился на уровне 12%, негативные суждения высказали 27% жителей региона. В большинстве социально-демографических групп населения заметных изменений не наблюдалось, за исключением группы лиц с высшим образованием (индекс увеличился на 9 п., с 86 до 95 п.) и жителей Вологды (на 7 п., с 78 до 85 п.).

В августе 2023 года по сравнению с августом 2022 года индекс материального благополучия семьи увеличился на 6 п. (с 79 до 85 п.).

За последние два месяца характер суждений относительно ситуации в политической жизни России не изменился: доля положительных оценок сохранилась на отметке 22%, отрицательных – 64%. Соответствующий индекс остался на уровне 59 п. (табл. 4).

В разрезе социально-демографических групп заметное ухудшение оценок политической обстановки в стране наблюдалось в возрастной группе до 30 лет (на 6 п., с 79 до 73 п.), среди лиц со средним образованием (на 10 п., с 69 до 59 п.), в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 15 п., с 61 до 46 п.).

Характеристики политической обстановки в регионе не претерпели изменений: доля положительных оценок сохранилась на

отметке 50%, отрицательных – 41%. Соответствующий индекс остался на уровне 109 п.

Наиболее заметные отрицательные тенденции в оценках политической ситуации в области зафиксированы в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 13 п., с 91 до 78 п.), в 20%-й группе наиболее обеспеченных (на 10 п., со 112 до 102 п.).

В августе 2023 года по сравнению с августом 2022 года индекс оценок политической обстановки в стране снизился на 16 п. (с 75 до 59 п.), в регионе существенно не изменился (109 п.).

Резюме

Результаты этапа мониторинга общественного мнения, проведенного в июне – августе 2023 года, свидетельствуют о том, что за этот период в социальном самочувствии жителей Вологодской области не произошло существенных изменений:

- значительно не изменились оценки социального настроения и запаса социального терпения (соответствующие индексы фиксировались на отметках 136 и 163 п.);

- на прежнем уровне сохранились оценки экономической ситуации в стране и области (83 и 81 п.);

- на уровне двухмесячной давности остались оценки материального положения семей (85 п.);

– существенно не изменились оценки политической обстановки в стране и области (59 и 109 п.).

В распределении по социально-демографическим группам за два последних месяца наиболее заметные негативные тенденции отмечались в следующих категориях:

– в зависимости от возраста – в группе от 30 до 55 лет (индексы политической ситуации в стране и регионе снизились на 5 п.);

– в зависимости от уровня образования – среди жителей области со средним образованием (индекс экономической ситуации в области уменьшился на 13 п., политической обстановки в стране – на 10 п., политической ситуации в регионе – на 6 п., материального положения – на 7 п.);

– в зависимости от уровня доходов – в 20%-й группе наименее обеспеченных жителей региона (индексы политической обстановки в России и области снизились на 15 и 13 п.);

– в территориальном разрезе – среди жителей Череповца (индекс политической обстановки в стране уменьшился на 5 п.).

Отсутствие положительных тенденций в оценках населения Вологодской области по ключевым параметрам (оценки социального настроения, экономической и политической ситуации, материального положения) во многом коррелирует с общероссийскими данными. Так, по результатам исследований Фонда «Общественное мнение», в августе 2023 года, как и двумя месяцами ранее, около половины россиян (45%) заявляли о преобладании «тревожных настроений среди род-

ных, друзей, коллег, знакомых»¹. Примерно каждый пятый опрошенный (19%) оценивает свое материальное положение как плохое (в июне 2023 года – 18%), средним его назвали 69% (в июне – 53%) россиян. На позитивные изменения в ближайший год надеются 25% опрошенных (в июне 2023 года – 27%), 10% полагают, что их ждет ухудшение материального положения (в июне 2023 года – 12%), 42% считают, что серьезных изменений не будет (в июне 2023 года – 40%)².

Данные регулярного исследования Ромир «М-Пульс» свидетельствуют о снижении показателей, отражающих оценку россиянами экономической ситуации в стране. Характеризуя текущую экономическую ситуацию, около 80% россиян отмечают наличие экономических проблем, треть из них считает, что страна находится в кризисе. Половина опрошенных россиян выразила мнение, что ситуация стабилизируется нескоро: 42% ожидают ее в течение года и более, 8% – в течение полугода, столько же – в перспективе 1–2 месяцев³.

О том, в каком направлении будут развиваться изменения в общественном мнении жителей области в ближайшем будущем, покажут результаты следующего этапа мониторинга ВолНЦ РАН, который пройдет в октябре 2023 года.

Материал подготовили

И.Н. Дементьева

научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

Е.Э. Леонидова

научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

¹ Настроение окружающих (2023) // Доминанты. Поле мнений. Социологический бюллетень. Вып. от 17 августа. ФОМ. URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d322023.pdf>

² Динамика материального положения. Результаты опроса ФОМа о материальном положении россиян от 4 августа 2023 года. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14904>

³ Потребительская уверенность россиян ушла в отрицательную зону. URL: <https://romir.ru/studies/potrebitelskaya-uverennost-rossiyan-ushla-v-otricatelnyu-zonu>

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ

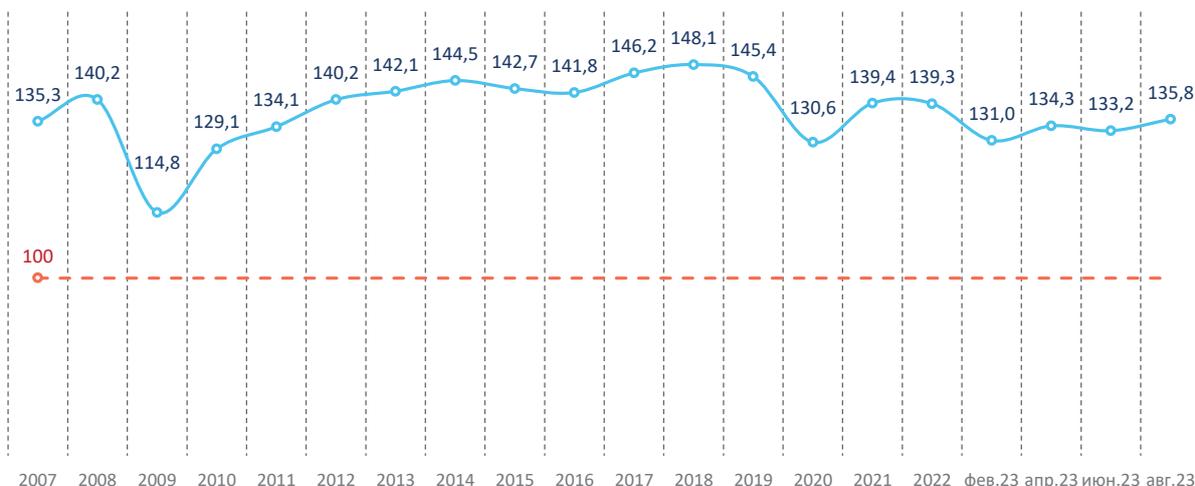

Рис. 1. Индекс социального настроения, пунктов

С июня по август 2023 года произошло увеличение индекса социального настроения жителей Вологодской области на 3 пункта (со 133 до 136 п.).

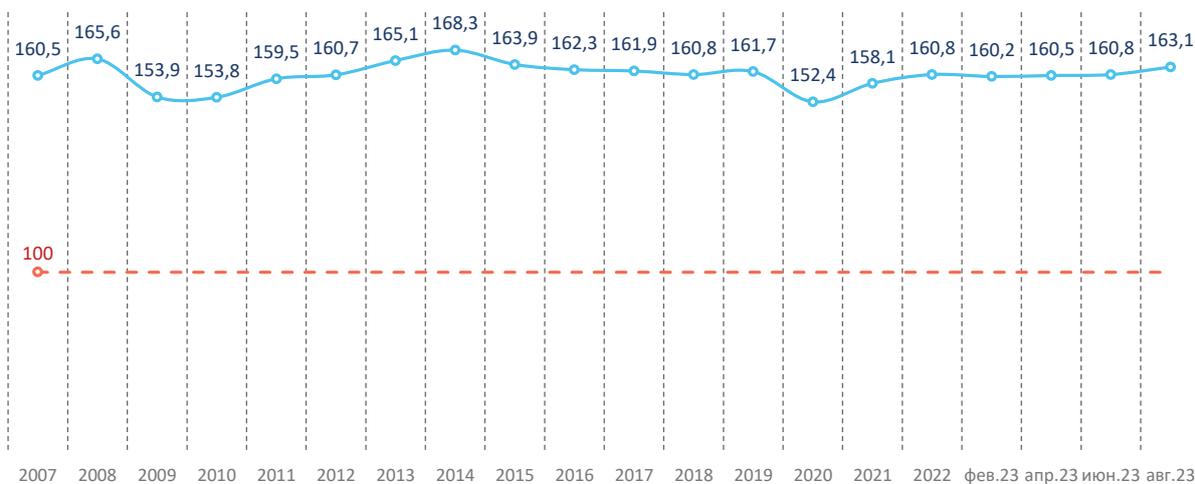

Рис. 2. Индекс запаса терпения, пунктов

За летние месяцы т. г. индекс запаса терпения жителей региона существенно не изменился и находится на уровне 161–163 п.

Здесь и далее: для расчета индексов из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные – 200, равновесие первых и вторых выражает значение индекса 100, являющееся, по сути, нейтральной отметкой (- - -).

Представлены среднегодовые данные с 2007 года – последнего года второго президентского срока В.В. Путина.

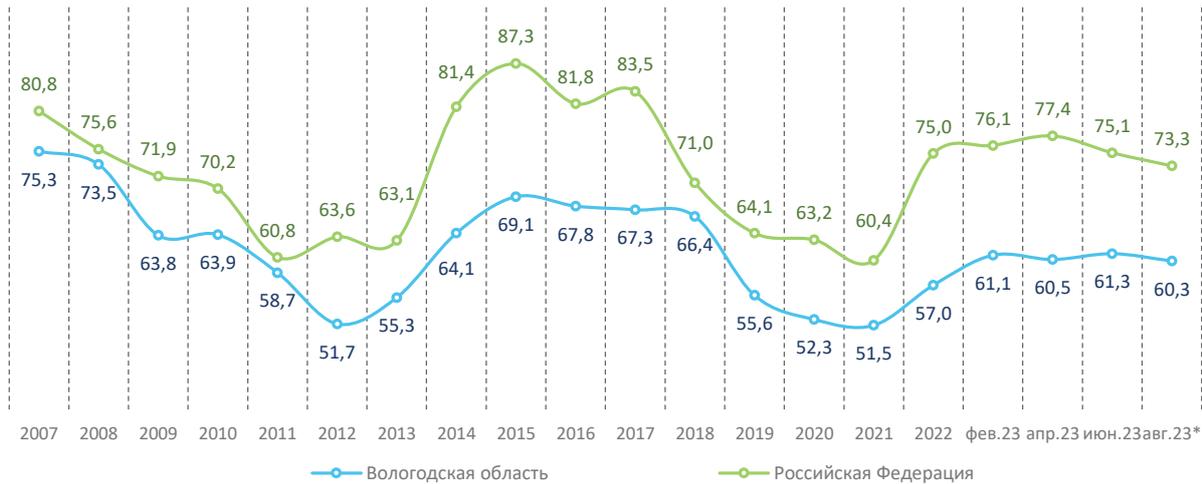

Рис. 3. Одобрение деятельности Президента РФ, % от числа опрошенных

В течение лета 2023 года уровень одобрения деятельности Президента РФ жителями Вологодской области и России в целом не претерпел изменений (60–61% и 73–75% соответственно).

Рис. 4. Одобрение деятельности Правительства РФ, % от числа опрошенных

С июня по август 2023 года не произошло изменений в одобрительных оценках деятельности Правительства РФ у жителей как Вологодской области, так и России в целом. Доля положительных суждений населения региона находится на уровне 48–50%, страны в целом – 43–44%.

Здесь и далее: Вологодская область – данные ВолНЦ РАН; Российская Федерация – данные ВЦИОМ (<https://wciom.ru>).

* Данные ВЦИОМ – одобрение деятельности Президента РФ и Правительства РФ: среднее за 2 опроса (от 06.08.2023 и 13.08.2023).

Рис. 5. Вероятность протестных выступлений
(доля респондентов, отметивших возможность массовых акций протеста), % от числа опрошенных

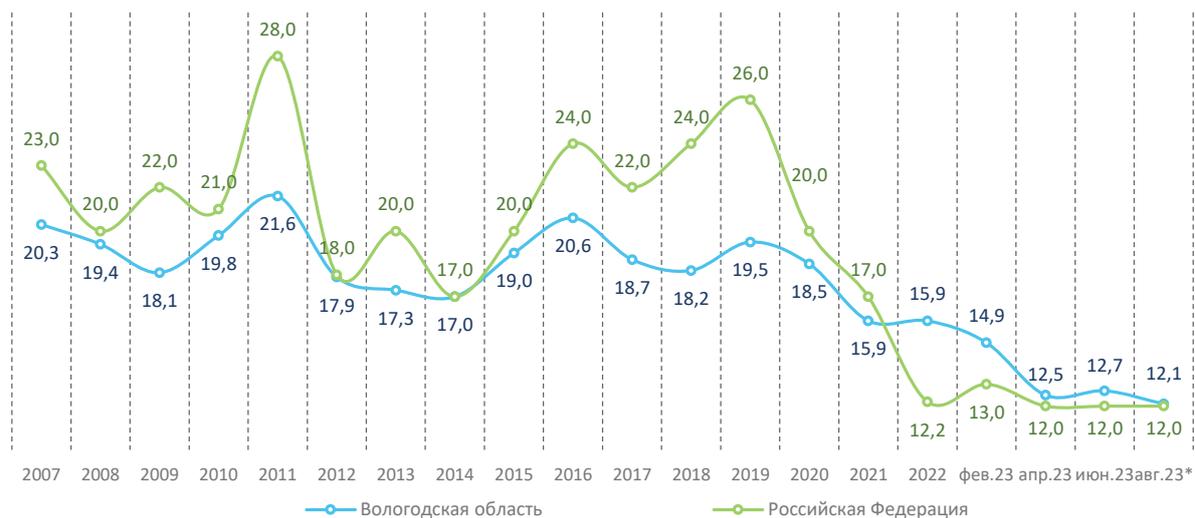

Рис. 6. Возможность участия в выступлениях
(доля респондентов, готовых принять участие в массовых акциях протеста), % от числа опрошенных

С июня по август 2023 года не произошло существенных изменений в оценках населения области и страны в целом относительно социальной напряженности. Показатель вероятности протестных выступлений населения региона составляет 16–18%, России в целом – 11–12%. Доля жителей Вологодской области, желающих участвовать в акциях протеста, – 12–13%. Российский показатель находится на уровне 12%.

* Данные ВЦИОМ – возможность участия в выступлениях: данные за июль 2023 года.

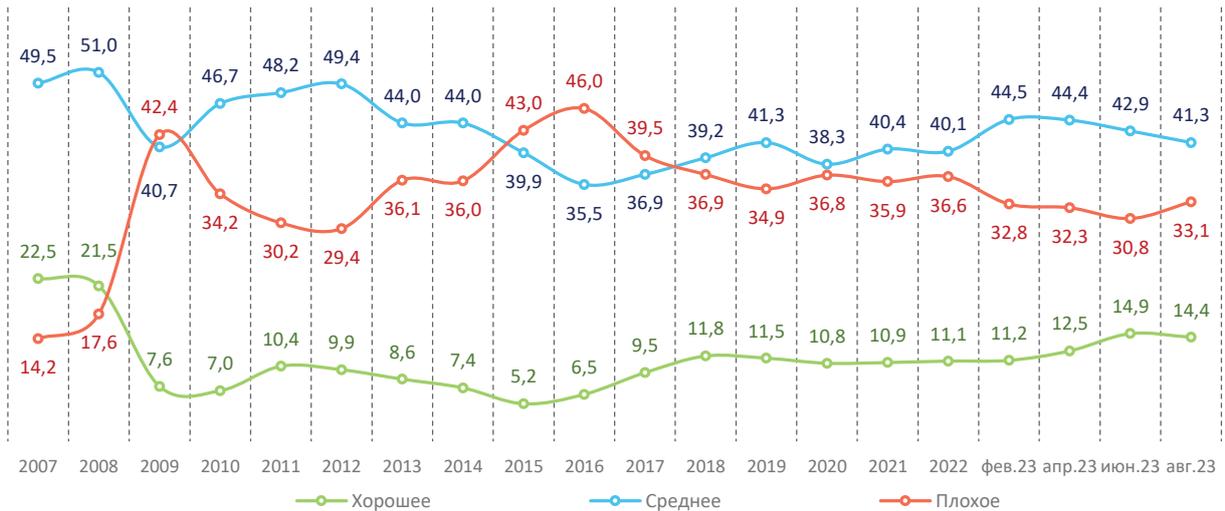

Рис. 7. Оценка экономического положения области, % от числа опрошенных

Последний летний месяц 2023 года не привнес существенных изменений в оценки населения Вологодской области относительно экономического положения региона. Удельный вес положительных характеристик составляет 14–15%, нейтральных – 41–43%, отрицательных суждений – 31–33%.

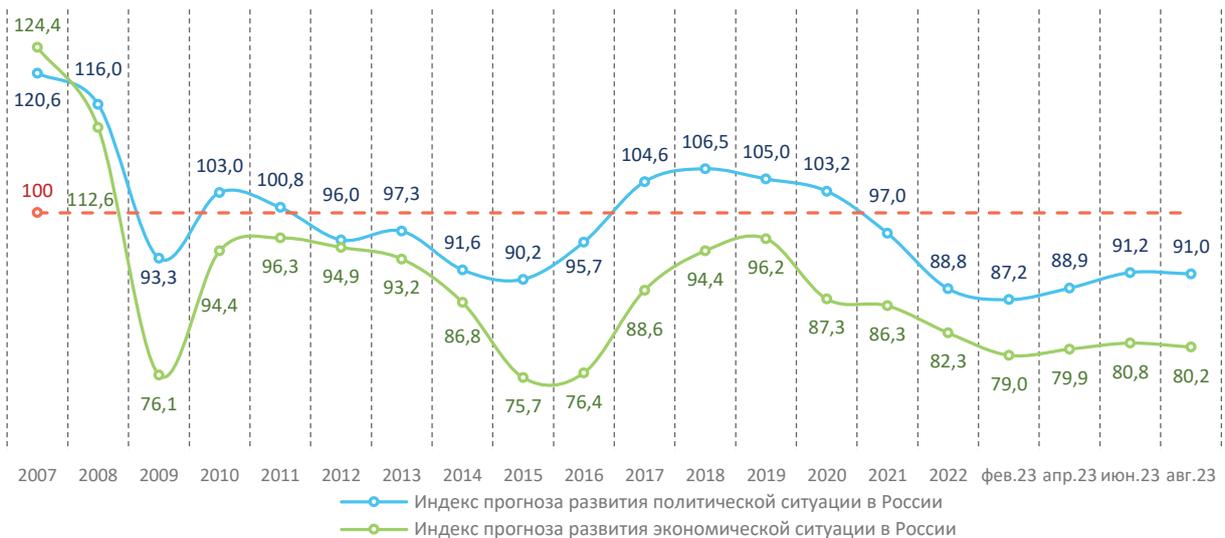

Рис. 8. Индексы прогнозов развития политической и экономической ситуации в России*, пунктов

В августе 2023 года индекс прогноза развития политической ситуации в России находится на уровне июньского значения (91 п.). Индекс прогноза развития экономической ситуации в России также не претерпел изменений в течение лета и составляет 80–81 п.

* Индекс прогноза развития политической ситуации в России рассчитывается на основе анализа ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки политической ситуации, на вопрос «Как Вы думаете, что ожидается в ближайшие месяцы в политической жизни России?».

Индекс прогноза развития экономической ситуации в России рассчитывается на основе анализа ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки экономической ситуации, на вопрос «Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут хорошим временем, плохим или каким-либо еще для экономики России?».

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ФГБУН ВОЛНЦ РАН

Ускова Т.В., Лукин Е.В. [и др.] (2022). **Возможности межотраслевого баланса в анализе и моделировании региональной экономической политики:** монография / под науч. рук. Т.В. Усковой; Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда: ВолНЦ РАН. 277 с.

В монографии обобщены теоретико-методологические основы применения межотраслевого баланса для анализа и моделирования региональной экономики, систематизированы направления его использования в практике государственного управления. На основе анализа ключевых экономических показателей и данных межотраслевых балансов доказано наличие системного кризиса в экономике страны, во многом предопределенного слабым регулированием сферы общественного воспроизводства. Зафиксированы диспропорции в отраслевой структуре экономики, в структуре экспорта и импорта, инвестиций и сбережения. Оценены современная конфигурация, тенденции и проблемы развития цепочек создания стоимости, дана характеристика территориальной и отраслевой фрагментации производства в экономике страны и макро-региона. Обоснованы перспективы трансформации межрегиональных цепочек создания стоимости в национальной экономике, предложены отраслевые приоритеты структурной перестройки региональной экономики, оценены экономические эффекты от их развития.

Книга адресована работникам органов государственного управления, научным сотрудникам, преподавателям, студентам, аспирантам высших учебных заведений, а также широкому кругу читателей, которых интересуют вопросы государственного регулирования экономики.

Теребова С.В., Усков В.С., Устинова К.А. [и др.] (2022). **Экономика региона в цифровую эпоху: проблемы и перспективы:** монография / под науч. ред. С.В. Теребовой; Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда: ВолНЦ РАН. 346 с.

В монографии проводится анализ теоретико-методологических основ цифровой трансформации социально-экономического развития регионов. В качестве основы для такой трансформации рассмотрен региональный научно-технологический потенциал.

Цифровизация в промышленном секторе региона рассмотрена с позиций форм, методов и мер стимулирования. Дана оценка занятости в инновационном секторе в условиях трансформации экономики, проанализировано необходимое для этого воспроизводство кадров. В контексте регионального развития исследовано инновационное предпринимательство и обоснована значимость

внешнеэкономических связей региона в условиях цифровизации экономики. Исследовано применение методов экономико-математического моделирования социально-экономических систем в аспекте развития цифровых технологий.

Полученные в результате исследования выводы могут быть полезны сотрудникам научных учреждений, преподавателям высших учебных заведений, представителям органов государственной и региональной власти, а также занятым в сфере малого и среднего бизнеса.

Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений (2023): мат-лы VIII междунар. науч.-практ. интернет-конф. (г. Вологда, 27–31 марта 2023 г.) / Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда: ВолНЦ РАН. 824 с.

В сборнике представлены статьи VIII международной научно-практической интернет-конференции «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений», проходившей на площадке Вологодского научного центра РАН с 27 по 31 марта 2023 года.

В конференции приняли участие социологи, экономисты, демографы, юристы и представители смежных наук из научных учреждений и вузов регионов России и стран ближнего зарубежья. Диалог исследователей был нацелен на поиск эффективных форм адаптации общества и государства к новой социальной реальности в контексте актуальных вызовов времени, в том числе сформированных в рамках глобальной нестабильности и санкционного давления. Обсуждение вопросов конференции проходило в пяти тематических секциях: «Демографическое развитие и проблемы общественного здоровья», «Благосостояние населения и проблемы бедности в новой социальной реальности», «Экономика регионов в условиях санкционного давления», «Проблемы и перспективы развития рынка труда и занятости населения в эпоху глобальной нестабильности», «Теория и практика гражданского участия в развитии территории».

Материалы конференции будут полезны для научных работников, социологов, экономистов, преподавателей вузов, специалистов в области государственного управления, представителей общественности, СМИ и всех интересующихся вопросами социально-экономического развития России.

Уханова Ю.В., Косыгина К.Е., Белехова Г.В. [и др.] (2023). Индустрия грамотности: практическое пособие для проведения курса факультативных занятий среди молодежи. Вологда: ВолНЦ РАН. 204 с.

Практическое пособие «Индустрия грамотности» содержит методические материалы для проведения интерактивного курса факультативных занятий среди обучающихся школ и ссузов. Курс состоит из четырех образовательных модулей, направленных на формирование практических навыков и знаний по гражданской, финансовой, цифровой и экологической грамотности и их активного применения для улучшения условий жизни на местах. Образовательные модули курса включают сценарии занятий, разработки деловых игр, вспомогательные демонстративные материалы и ресурсы, презентации, задания для самостоятельной работы.

Практическое пособие адресовано педагогам дополнительного образования, преподавателям граждановедческих дисциплин, обществознания, истории, правоведения, политологии, а также специалистам, работающим в молодежных общественных организациях.

Лукин Е.В., Леонидова Е.Г., Румянцев Н.М. [и др.] (2023). Тенденции развития экономики регионов Северо-Запада России / под науч. ред. В.А. Ильина, Т.В. Усковой, Е.В. Лукина; Вологодский научный центр Российской академии наук. № 3. Вологда: ВолНЦ РАН. 127 с.

В аналитическом бюллетене систематизированы закономерности развития экономики Северо-Западного федерального округа и входящих в его состав регионов в 2022 году. Приведены статистические данные и сделаны аналитические выводы о динамике промышленного производства, сельского хозяйства, транспорта, рынка труда, формирования доходов населения, бизнеса и бюджета, а также параметров потребительского, инвестиционного и внешне-торгового спроса в рассматриваемом макрорегионе.

Материалы бюллетеня могут быть использованы федеральными и региональными органами исполнительной власти, исследователями, специалистами, преподавателями и широким кругом читателей, которых интересуют вопросы экономического развития Северо-Западного федерального округа.

ПРАВИЛА

приема статей, направляемых в редакцию научного журнала «Проблемы развития территории»

(в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://pdt.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

ТРЕБОВАНИЯ К КОМПЛЕКТНОСТИ МАТЕРИАЛОВ

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть написано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес ptd@volnc.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. **Поля.** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию. Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

7. Требования к ключевым словам. К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц. В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS Word. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм. Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS Excel, для создания блок-схем – MS Word, MS Visio, для создания формул – MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из интернета графических материалов.

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками. Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок. Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы. В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41318;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8(8172) 59-78-32, адрес электронной почты: ptd@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Технический редактор, верстка
Корректор

И.А. Кукушкина
М.В. Чумаченко
В.М. Кузнецова

Дата выхода в свет 29.09.2023.
Формат 60 × 84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 22.79. Тираж 500 экз. Заказ № 41
Свободная цена

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС 77-71360 от 17 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ФГБУН ВолНЦ РАН
Телефон: +7(8172) 59-78-03, факс +7(8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru, ptd@volnc.ru